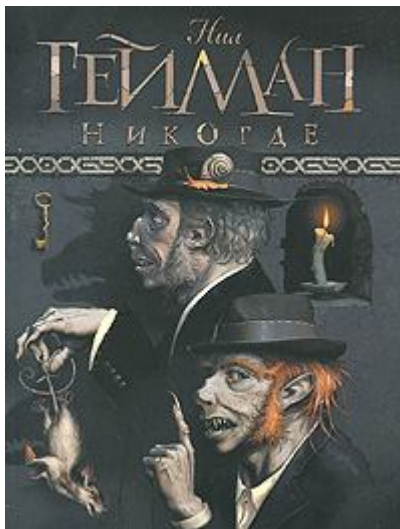


Нил Гейман Никогда



Предисловие к этому изданию

Первым делом хочу вас порадовать: даже если вы читали «Никогда», *это* не то же самое «Никогда».

Роман родился, как водится, из телесериала, сценарий к которому я написал по заказу Би-би-си. Не могу назвать сериал неудачным, но пока шли съемки, меня не покидала мысль: снимается совсем не то, что я задумал. И тогда я решил, что лучший способ поделиться своим видением – написать книгу. В конце концов, для этого книги и пишут!

Я сел писать тогда же, когда начал сниматься сериал. Это помогло мне не сойти с ума. Когда при съемках очередного эпизода вычеркивались целые диалоги, а кое-что просто ставилось с ног на голову, я говорил: «Ничего, я включу эту сцену в книгу», – и успокаивался. Так продолжалось день за днем, пока однажды режиссер не сказал: «Мы вырезаем эпизод со страницы 24, и если ты сейчас скажешь: “Ничего, я включу эту сцену в книгу”, – я тебя зарежу».

С тех пор я помалкивал, но все равно думал: «Ничего, я включу...»

Я хотел создать книгу, которая была бы похожа на мои любимые книги детства: на «Алису в Стране Чудес», на «Хроники Нарнии» и «Волшебника страны Оз», – книгу, которая стала бы «Алисой» для взрослых. А еще мне хотелось написать об обездоленных, о тех, кто выпал из жизни, – написать, вооружившись волшебным зеркалом фантазии, в котором мы словно впервые видим то, что видели слишком часто, а потому не замечали.

Я начал роман в первый день съемок, в январе, на кухне квартиры на юге Лондона, в которой шли съемки, а закончил в мае, в отеле одного городишки в южной Калифорнии.

В августе того же года роман вышел в издательстве Би-би-си. Когда же «Никогда» захотели издать в «Avon Books», я страшно обрадовался. Для меня это была возможность переработать книгу. Я заперся в отеле Всемирного торгового центра и целую неделю работал. Кое-что добавил для американских читателей, которые могут не знать, где находится Оксфорд-стрит и чем она примечательна. Я с удовольствием трудился над текстом, совершенствуя его и, по возможности, углубляя. Дженнифер Херши – редактор из «Avon Books» – была очень проницательна и оказалась отличным профессионалом, хотя мы с ней и разошлись во мнениях относительно шуток. Они ей не нравились, и она считала, что американцы не поймут юмор в заведомо не юмористическом произведении. Кроме того, она предложила избавиться от второго пролога – того, где мы впервые встречаем Крупа и

Вандемара. И, хотя мне было жаль с ним расстаться, я переместил их описание в текст романа¹.

В результате я добавил двенадцать тысяч слов и немало этих самых тысяч убрал. С некоторыми словами я расставался с удовольствием, а кое-каких мне до сих пор жаль.

Это издание вобрало в себя «английскую» и «американскую» версию; здесь мне удалось объединить разные варианты книги (спасибо Питу Аткинсу из издательства «Hill House»). От чего-то я отказался, и вот родилась новая и – надеюсь – окончательная версия (да простят меня библиографы!).

Я принципиально не пишу продолжений. И все же в мир Нижнего Лондона мне хочется вернуться. В книге «Затерянные реки Лондона» я вычитал, что в канализации однажды нашли медную кровать, и до сих пор непонятно, как она туда попала.

Могу поспорить, что маркиз Карабас в курсе.

Нил Гейман

28 июля 2005 года

Совершенно иной пролог. Четыреста лет назад

Это было в середине шестнадцатого столетия, в Тоскане. Шел дождь – холодный, противный дождь, от которого все вокруг кажется серым.

Над небольшим монастырем на холме поднимался дым – черный на фоне бледного утреннего неба.

На склоне расположились двое. Они с интересом наблюдали, как занимается пламя.

– Знаете, мистер Вандемар, – сказал тот, что пониже, – это будет великолепнейший пожар! – Он ткнул грязным пальцем в сторону монастыря. – Впрочем, полагаю, его обитатели, по понятной причине, не смогут в полной мере оценить великолепие зрелища.

– Потому что погибнут раньше, мистер Круп? – уточнил второй, пережевывая крупные куски мяса, которые он отрезал от тушки щенка.

– О да, *intelligenti pausa*²! Ты правильно понял, мой мудрый друг: они все умрут раньше.

Сразу скажу, собеседников трудно спутать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Крупа.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара – карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

Налетел порыв ветра, и пожар разгорелся сильнее.

– Не люблю пауков, – сообщил мистер Вандемар. – Невкусные.

Послышался пронзительный вопль, и крыша здания с грохотом обвалилась, а пламя охватило стены.

– Похоже, не все умерли до пожара, – заметил мистер Круп.

– Ну, теперь-то уж все, – сказал мистер Вандемар, отрезая себе еще сырой собачатины. Обед он нашел в канаве по дороге к монастырю. Вот что значит шестнадцатый век! – Что теперь?

Мистер Круп ухмыльнулся. Зубы у него были страшнее, чем у покойника.

¹ В настоящем издании пролог приводится в первоначальном виде. Прим. ред.

² Понимающему достаточно немногого (лат.)

- Теперь – на четыреста лет вперед, – объявил он. – В Нижний Лондон.
Мистер Вандемар проглотил информацию вместе с мясом щенка.
– А там чего? Убивать?
– О да! – кивнул мистер Круп. – Убивать – это непременно!

*Посвящается Ленни Генри, моему другу и коллеге,
без которого эта книга просто не появилась бы,
а также Меррили Хейфец, другу и агенту,
с которой все идет так, как надо*

*...Меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь.
Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и
хлопанья орлиных крыльев³.*

Г. К. Честертон. Наполеон Ноттингхилльский

Коли нищему ты башмаки отдавал
В эту ночь и за годом год –
Надевай башмаки – твой путь между скал,
И Христос твою душу возьмет.

В эту ночь, да-да, в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.

Коли с нищим делил ты свой хлеб и кров,
В эту ночь и за годом год,
Адский огонь не сожжет башмаков,
И Христос твою душу возьмет.

Погребальная песнь (отрывок)⁴

Пролог

³ Полностью цитата выглядит так: «Вот чего не могу понять, – сказал он сам себе, – это почему считается, будто деревенские названия поэтичней лондонских. Доморощенные романтики едут поездами и вылезают на станциях, именуемых “Дыра на дыре” или “Плюх в лужу”. А между тем они могли бы прийти своими ногами и даже поселиться в районе с загадочным, богоизбранным названием “Лес святого Иоанна” Оно, конечно, меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопанья орлиных крыльев. Да, я пуглив. Но ведь это все можно пережить и не выходя из вагона, а благоговейно оставаясь в пригородном поезде.» (Перевод В. Муравьева). Автор дает понять, что имена практически всех персонажей романа связаны с географическими реалиями Лондона.

⁴ *Lyke Wake Dirge* – древняя песнь, которая исполнялась во время бдения над телом усопшего. Несмотря на то, что она дошла до нас в христианской версии, в песни слышны языческие отголоски. Песнь повествует о путешествии души через пустошь *Whinny-muir*, через мост страха (*Brig O’Dread*) к вратам рая.

Накануне отъезда в Лондон Ричард чувствовал себя скверно. Вечер начался неплохо. Он получил кучу открыток с трогательными напутствиями, знакомые дамы – вполне симпатичные – горячо обнимали его на прощанье, друзья советовали держать ухо востро в «этом жутком городе» и подарили белый зонт с картой лондонского метро, который купили вскладчину. Первые две кружки пива тоже были ничего, но дальше... с каждым следующим глотком ему делалось все тоскливее...

В итоге Ричард оказался на улице. Он сидел на тротуаре перед пабом в шотландском городишке и прикидывал: стошнит его или нет.

Да, Ричарду было совсем не весело.

Внутри, в пабе, друзья шумно праздновали его отъезд, и в их веселье мерещилось что-то зловещее. Ричард крепче сжал сложенный зонтик и невольно подумал, что переезд на юг, в Лондон, может оказаться большой ошибкой.

– Гляди, милый, – послышался надтреснутый старушечий голос, – глазом не успеешь моргнуть, как прогонят ко всем чертям... А то и за решетку упекут. Это запросто. Ну, ты как?

Ричард встретился взглядом с бабкиными пронизательными глазками, утопавшими по бокам длинного птичьего носа.

– Да... ничего.

Он выглядел совсем мальчишкой – с чистой белой кожей, темными волнистыми волосами и огромными ореховыми глазами, которые смотрели растерянno, будто его застали врасплох. Эта растерянность и делала Ричарда привлекательным (хотя сам он удивлялся, что девушки в нем находят).

На грязной физиономии старухи мелькнула улыбка.

– На, возьми. – Она сунула ему пятьдесят пенсов. – Давно на улице?

– Нет-нет, я не бездомный, – смущенно забормотал он, пытаясь вернуть монетку. – Возьмите. Мне не надо. Я только вышел на минутку. Между прочим, завтра уезжаю в Лондон, – зачем-то сообщил он.

Она смерила его подозрительным взглядом и забрала монетку. Пятьдесят пенсов исчезли в складках кофт и платков, в которые она была обмотана.

– Бывала я в Лондоне. Я там замуж вышла. Но он оказался подлецом. Говорила мне мать: выходить надо за своих, но я была молодая, красивая – теперь-то по мне не скажешь, – и я его любила...

– Не сомневаюсь, – пробормотал Ричард, окончательно смутившись.

Тошнота постепенно отступала.

– Ну, ничего хорошего из этого не вышло. Я сама нищенствовала – знаю, каково это. Вот и подумала, что ты тоже. Тебе зачем в Лондон-то?

– Я нашел там работу, – с гордостью сообщил он.

– Что за работа?

– Э-э... инвестирование.

– А я была танцовщицей, – заявила старуха и неуклюже затопала по тротуару, фальшиво напевая себе под нос.

Наконец, качнувшись из стороны в сторону, как игрушечный волчок перед тем, как остановиться, она замерла перед Ричардом.

– Покажи ладонь. И я скажу, что тебя ждет.

Он дал ей руку. Она крепко в нее вцепилась, посмотрела и вдруг заморгала, как сова, подавившаяся мышью.

– Тебя ждет дальняя дорога... – проговорила она.

– В Лондон, – подсказал Ричард.

– Нет, не в Лондон... – старуха задумалась. – По крайней мере, не в тот Лондон, где я бывала. – Начал накрапывать дождь. – Ничего не понимаю... Но начнется все с дверей.

– С дверей?

Она кивнула. Дождь усилился, тяжелые капли глухо застучали по крышам и по асфальту.

– Ну да. На твоём месте я бы поостереглась дверей.

Ричард поднялся на ноги и пошатнулся.

– Ладно, – сказал он, плохо представляя, что в таких случаях говорят. – Буду остерегаться дверей. Спасибо.

Дверь паба распахнулась, и на улицу вырвались свет и смех.

– Ричард, ты там живой?

– Живой. Иду.

Старуха уже ковыляла по узкой улице под проливным дождем – потоки воды стекали с одежды. Ричарду захотелось что-то для нее сделать. Только что? Денег ей не дашь. Он бросился вдогонку. Ледяные струи хлестали по лицу.

– Возьмите, – сказал он, лихорадочно нашаривая кнопку. С легким хлопком зонт раскрылся, и над ними расцвела карта лондонского метро: каждая линия своего цвета, все станции подписаны.

Старушка взяла зонт и благодарно улыбнулась.

– У тебя доброе сердце, – проговорила она. – Этого бывает достаточно, чтобы не пропасть... – она покачала головой, – но чаще всего одной доброты мало.

Она крепко вцепилась в зонт. Ветер рвал его из рук, норовя вывернуть наизнанку. Придерживая край зонта и согнувшись чуть не до земли под жестоким ветром и ледяным дождем, старуха побрела дальше. И вскоре белое пятнышко, испещренное названиями лондонских станций: «Эрлс-корт», «Марбл-арч», «Блэкфрайрз», «Уайт Сити», «Виктория», «Энджел», «Оксфорд-сиркус», – растворилось в ночи.

А в хмельную голову Ричарда вдруг пришла странная мысль: интересно, существует ли на самом деле цирк⁵ на Оксфорд-сиркус, настоящий цирк, с клоунами и прекрасными акробатками, с дикими зверями... Дверь паба снова открылась, шум голосов стал отчетливее, словно кто-то прибавил громкость.

– Черт, Ричард, ведь эта долбаная вечеринка – в твою честь! Пропустишь самый кайф.

Он вернулся в паб. После странного происшествия на улице тошнота окончательно прошла.

– Ты похож на мокрую дохлую крысу, – сообщил кто-то.

– Ты никогда не видел дохлой крысы, – бросил Ричард.

Ему вручили большой стакан виски.

– На, выпей. Хоть согреешься. В Лондоне-то настоящего скотча нет.

– Сомневаюсь, – вздохнул Ричард. Вода капала с его волос прямо в виски. – Мне кажется, в Лондоне есть все.

Он осушил стакан, и тут же кто-то протянул ему следующий. А потом вечер расплылся, разлетелся на осколки. Впоследствии осталось только смутное чувство, будто он променял что-то маленькое и разумное на нечто огромное, древнее, иррациональное. Он смутно помнил, как на рассвете его рвало в канаву, в которой бурлили потоки дождевой воды. Помнил белое пятнышко с разноцветными линиями, похожее на круглого жучка, уползающего все дальше и дальше под проливным дождем.

На следующее утро Ричард сел в поезд до Лондона. Впереди были шесть часов дороги, которая приведет его к удивительным готическим шпилям и аркам вокзала Сент-Панкрас. Мать дала ему пирог с грецкими орехами и чай в термосе. Ричард Мэхью отправился в Лондон, чувствуя себя хуже некуда.

Глава I

⁵ Игра слов, основанная на названии площади – Оксфорд-сиркус (от *circus* – круг) и этимологически связанного с этим значения *circus* – цирк.

Лихорадочная гонка по туннелям продолжалась уже четыре дня. Она бежала, спотыкаясь, падая и снова вставая. Она давно не ела, совсем обессилела, была измучена, и каждая следующая дверь давалась ей все труднее. К концу четвертого дня ей удалось найти укрытие – крошечный закуток глубоко под землей. Здесь можно наконец выспаться, здесь безопасно – решила она, искренне надеясь, что так оно и есть.

* * *

Мистер Круп нанял Росса на Плавучем рынке, который на этот раз проходил в Вестминстерском аббатстве.

– Считай, что это наш кенар, – сообщил он мистеру Вандемару.

– Будет нам петь? – удивился тот.

– Это более чем маловероятно, – ответил мистер Круп, приглаживая свои гладкие рыжие волосы. – Называя его кенаром, я думал не о вокальных данных этой птицы, а о том, как ее используют шахтеры.

Мистер Вандемар кивнул. «Ага, точно, канарейка в шахте»⁶, – наконец дошло до него.

В самом деле, мистер Росс был ничуть не похож на кенара: огромный (почти как мистер Вандемар), грязный, бритый наголо и немногословный. Впрочем, он сообщил Крупу и Вандемару, что обожает убивать и считает себя в этом деле профессионалом, чем ужасно их насмешил – как насмешил бы Чингисхана юный монгол, похваляющийся тем, что впервые сжег юрту или разграбил селение. Он был кенаром и даже не подозревал об этом. Итак, мистер Росс, в грязной футболке и заношенных джинсах, шел впереди, а Круп и Вандемар – в элегантных костюмах – за ним.

Чтобы вы не спутали мистера Крупа и мистера Вандемара, сразу скажу, как их различать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Крупа.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара – карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

И вообще, они ничуть не похожи.

Что-то прошуршало в темноте. Секунда – и нож, который мистер Вандемар держал в руке, вонзился в стену в тридцати футах от них и замер подрагивая. Мистер Вандемар подошел и выдернул нож из стены. На лезвие была насажена серая крыса. В предсмертной агонии она хватала ртом воздух. Мистер Вандемар зажал ее голову между большим и указательным пальцем и с хрустом раздавил череп.

– Ну вот, эта крыса уже никого не сможет предать, – заметил мистер Круп и засмеялся собственной шутке. Мистер Вандемар молчал. – До тебя дошло?

Мистер Вандемар снял с лезвия ножа крысиный труп, откусил голову и принялся задумчиво жевать. Мистер Круп вышиб крысу у него из рук.

– Хватит! – Мистер Вандемар обиженно убрал нож. – Выше нос, – ободрил его мистер Круп. – Найдешь себе другую крысу. А сейчас – вперед. Людей убивать, себя показать.

* * *

Три года жизни в Лондоне не изменили Ричарда, хотя сам город он стал воспринимать

⁶ Шахтеры прошлого брали с собой в угольные шахты канареек, поскольку эти птицы чувствовали метан в атмосфере шахты задолго до того, как его концентрация становилась опасной.

иначе. По книгам и фотографиям Лондон представлялся ему серым, даже черным, а оказалось, что он яркий, разноцветный. Красный кирпич, белый камень, алые автобусы, толстопузые черные такси (которые оказывались вовсе не черными, а золотыми, зелеными и коричневыми – чем сперва ужасно его удивляли), ярко-красные почтовые ящики, зеленые парки и кладбища.

В этом городе исконно древнее и возмутительно новое теснят друг друга – не нагло, но без всякого почтения. Это город магазинов и офисов, ресторанов и домов престарелых, парков и церквей, памятников, которые никто не замечает, и дворцов, совсем не похожих на дворцы; город неповторимых районов с удивительными названиями – Кроуч-энд, Чолк-фарм, Эрлс-корт, Марбл-арч. Шумный, грязный, радостный, беспокойный город, который живет туризмом и презирает туристов; город, в котором средняя скорость движения ничуть не выросла за последние три столетия, несмотря на пятьсот лет лихорадочных попыток расширить улицы и помирить пешеходов и транспортные средства (будь то телеги, экипажи или автомобили). Город, населенный (и перенаселенный) представителями всех рас, всех социальных слоев и самых разнообразных вкусов и пристрастий.

Когда Ричард только приехал, Лондон показался ему огромным, странным и запутанным. Единственным, что было логичным в этом хаосе, это карта метро – сеть изящных разноцветных линий. Однако со временем он понял, что метро дает лишь иллюзию порядка, а на самом деле вовсе не отражает истинной географии города. «Точно так же, как принадлежность к политической партии...» – однажды подумал он и сам порадовался такой остроумной мысли. Однако после того как на вечеринке он безуспешно пытался толковать о сходстве между метро и политическими партиями с малознакомыми людьми, он зарекся впредь говорить о политике.

Постепенно Ричард все лучше узнавал город. Этот процесс, сходный с осмосом⁷ или белым знанием (которое по сути то же, что «белый шум»⁸, только более информативно), пошел быстрее, когда Ричард обнаружил, что площадь лондонского Сити не больше квадратной мили – от станции «Элдгейт» на востоке до «Флит-стрит» и «Олд Бейли» на западе: крошечный клочок земли, на котором скопились все финансовые учреждения Лондона, тот самый клочок, с которого все и началось.

Две тысячи лет назад Лондон был кельтской деревушкой на северном берегу Темзы, которую облюбовали для себя римляне. Он рос и рос, медленно и неспешно, пока тысячу лет назад его западная часть не достигла Вестминстера – королевской резиденции, а потом появился Лондонский мост, город соединился с Саутворком и с тех пор стал расти все быстрее: шумные улицы возникли на месте полей, лесов и болот, а город стремительно разрастался, вбирая в себя деревушки, как лужица ртути притягивает ртутные шарики. Уайтчепел и Дептфорд на востоке, Хэммерсмит и Шепердс-буш на западе, Кэмден и Ислингтон на севере, Баттерси и Лэмбет за Темзой на юге – все они растворялись в Лондоне, оставляя после себя одни названия.

Лондон вырос и стал огромным и разнородным. Это был хороший город, и те, кто здесь оказался, вынуждены были дорого платить – потому что за все хорошее приходится платить. Впрочем, и сам город заплатил немало.

Некоторое время спустя Ричард стал воспринимать Лондон как данность, он начал гордиться, что не видел ни одной из его достопримечательностей (если не считать Тауэра, куда ему пришлось повести тетю Мод, приехавшую ненадолго погостить).

Но Джессика все изменила. По выходным Ричард шел с ней то в Национальную

⁷ *Осмоз* – просачивание жидких веществ сквозь полупроницаемые животные или растительные перепонки, ткани.

⁸ *Белый шум* – шум, в котором звуковые колебания разной частоты представлены в равной степени, т. е. в среднем интенсивности звуковых волн разных частот примерно одинаковы, например, шум водопада.

галерею, то в галерею Тейт, то еще куда-нибудь; и он узнал, что, если долго ходить по музеям, ноги начинают страшно болеть, а все шедевры мировой живописи сливаются в одно полотно, и просто уму непостижимо, сколько приходится выкладывать в музейных кафетериях за чашку чая и кусок пирога.

– Вот чай и эклер, – говорил он. – Дешевле было бы купить картину Тинторетто.

– Не преувеличивай, – беззаботно отвечала Джессика. – К тому же в Тейт нет Тинторетто.

– Ну, если бы я взял кусок вишневого торта, – ворчал Ричард, – они смогли бы приобрести еще одно полотно Ван Гога.

– Нет, не смогли бы, – возражала Джессика, которая во всем любила точность.

Ричард познакомился с ней два года назад в Париже, куда приехал на несколько дней. Он бродил по Лувру, пытаясь найти своих коллег, организовавших поездку во Францию. Глядя на какую-то внушительных размеров скульптуру, сделал шаг назад и наткнулся на Джессику, которая рассматривала огромный алмаз, сыгравший необыкновенную роль в истории. Ричард попытался извиниться по-французски, хотя французского не знал, потом бросил эту бессмысленную затею и принялся извиняться по-английски, потом стал извиняться по-французски за то, что вынужден извиняться по-английски, и наконец обнаружил, что в Джессике нет абсолютно ничего французского и она самая настоящая, стопроцентная англичанка. Однако к тому времени, в качестве компенсации за причиненный ущерб, он уже успел купить ей чрезвычайно дорогой сэндвич и невероятно дорогой яблочный сок. Собственно, с этого все и началось. С тех пор ему так и не удалось добиться от Джессики понимания в том, что он терпеть не может музеи.

Если они не собирались в музей, Джессика тащила его по магазинам в Найтсбридж, до которого от ее квартиры в Кенсингтоне можно было очень быстро дойти пешком и смехотворно быстро доехать на такси. Ричард плелся за ней по гигантским, внушавшим ужас торговым комплексам, таким, как «Хэрродс» и «Харвей Николс», где Джессика покупала абсолютно все – от украшений и книг до продуктов на неделю.

Красивая, неглупая и амбициозная Джессика восхищала Ричарда. Она же видела в нем огромный потенциал и была уверена, что умелая женская рука сможет вылепить из него идеального жениха. Досадую, что ему не хватает целеустремленности, она дарила ему книги вроде «Успех для всех», «Сто двадцать пять полезных привычек делового человека» и им подобные, в которых рассказывалось, что к карьере надо подходить как к военной кампании. Принимая эти книги, Ричард неизменно благодарил ее и в самом деле собирался их прочесть. В отделе мужского платья «Харвей Николс» она подбирала ему то, что, по ее мнению, он должен был носить, – и он это носил, во всяком случае, по будням. А через год после знакомства она сказала, что пора выбирать обручальное кольцо.

– Что ты в ней нашел? – спросил Гарри из отдела корпоративных финансов полтора года спустя. – Это же просто чудовище.

Ричард покачал головой.

– Неправда. Она очень милая. Ты плохо ее знаешь.

Гарри поставил на место пластмассового тролля, которого взял у Ричарда со стола.

– Удивительно, как она еще не запретила тебе играть в игрушки.

– Не знаю, мы об этом не говорили, – ответил Ричард и сам взял одного из троллей – с ярко-апельсиновыми волосами и выражением потерянности на морде.

На самом деле они с Джессикой о троллях говорили. И в конце концов она убедила себя, что тролли для Ричарда – это как ангелы для мистера Стоктона: экстравагантное, но безобидное увлечение. Джессика как раз занималась организацией выставки: коллекция ангелов мистера Стоктона должна была проехать по всей стране, – и пришла к выводу, что все великие люди что-нибудь коллекционировали. На самом деле Ричард вовсе не коллекционировал троллей. Просто однажды подобрал на улице забавную игрушку, а затем, в неосознанной и, разумеется, тщетной попытке привнести что-то свое в обезличенный мир офиса, поставил тролля себе на монитор. Остальные появились в следующие несколько

месяцев – их подарили коллеги, заметившие любовь Ричарда к маленьким уродцам. Он расставил их на столе между телефонами и рамкой с фотографией Джессики, к которой накануне приклеил желтую бумажку.

Был вечер пятницы. Ричард давно заметил, что неприятности трусливы – они никогда не ходят поодиночке, а собираются в стаи и атакуют все разом. Вот например в эту пятницу. Целый месяц Джессика твердила ему, что это самый важный день в его жизни. Не в *ее* жизни, понятное дело. Величайший день в *ее* жизни еще впереди, когда она станет премьер-министром, королевой или богиней, – как считал Ричард. Но это был безусловно самый важный день в *его* жизни. И ужас в том, что несмотря на желтую бумажку на дверце холодильника, несмотря на такую же бумажку на фотографии Джессики, он напрочь об этом забыл.

А еще давно надо было сдать отчет по Вендсворту. Он-то и занимал сейчас Ричарда больше всего. Проверив очередной столбец цифр, он вдруг заметил, что не хватает семнадцатой страницы. Распечатал ее заново, просмотрел еще страницу, мечтая только о том, чтобы случилось чудо и телефон не зазвонил... Но он зазвонил. Ричард включил громкую связь.

– Алло! Ричард! Финансовый директор интересуется, когда он получит отчет.

Ричард посмотрел на часы.

– Да, Сильвия, через пять минут. Уже почти все. Только вложу отчет о прибылях и убытках.

– Спасибо, Дик. Я зайду через пять минут.

Сильвия была секретарем финансового директора, очень этим гордилась и неустанно демонстрировала деловитость.

Едва Ричард выключил связь, телефон зазвонил снова.

– Ричард, – послышался голос Джессики. – Это Джессика. Ты ведь не забыл?

– О чем? – пробормотал Ричард, пытаясь вспомнить, что же он мог забыть.

В надежде найти ответ он бросил взгляд на фотографию Джессики – и ответ нашелся на желтой бумажке, приклеенной ей на лоб.

– Ричард! Возьми трубку.

Он взял, перечитывая написанное на бумажке.

– Прости, Джесс. Нет, я не забыл. В семь часов в «Итальянском дворике». Встречаемся на месте?

– Джессика, а не Джесс. – Она на секунду умолкла. – После того, что было в прошлый раз? Нет уж. Ты заблудишься даже на лужайке перед домом!

Ричард хотел сказать, что *любой* может перепутать Национальную галерею с Национальной портретной галереей и что не *она* же простояла весь день под проливным дождем (впрочем, он считал, что это ничуть не хуже, чем бродить по любой из означенных галерей, пока ноги не отвалятся), – но смолчал.

– Я зайду за тобой, – объявила Джессика. – Пойдем туда вместе.

– Хорошо, Джесс. То есть, прости, Джессика.

– Ричард, ты ведь *подтвердил* заказ?

– Конечно, – бодро соврал Ричард. У него на столе истошно заверещал другой телефон. – Джессика, я тут...

– Отлично, – ответила Джессика и повесила трубку.

Одной из самых дорогостоящих покупок в жизни Ричарда стало обручальное кольцо для Джессики, которое он приобрел полтора года назад в «Хэрродс» – со скидкой, разумеется.

Он снял трубку со второго телефона.

– Салют, Дик, – сказал Гарри. – Это я, Гарри. – Гарри сидел через несколько столов от Ричарда и махал ему из-за своего сверкающего чистотой стола, на котором, разумеется, не было никаких троллей. – Ну как, все в силе? Помнишь, мы собирались выпить и обсудить ситуацию с «Мерстэм»?

– Гарри, хватит названивать. Конечно, все в силе, – буркнул Ричард и повесил трубку.

На желтой бумажке, внизу, был номер телефона – он сам его записал несколько недель назад, когда оставил это напоминание самому себе. И он действительно заказал столик – кажется. Но не подтвердил заказ. Все собирался, но забегался... да и времени еще оставалось вполне достаточно. Однако неприятности ходят стаями...

У его стола возникла Сильвия.

– Дик, где отчет?

– Сейчас, Сильвия. Подожди секундочку. – Он застучал по кнопкам телефона и облегченно вздохнул, когда на том конце ответили:

– «Итальянский дворик». Слушаю вас.

– Мне нужен столик на троих, – выдохнул Ричард, – сегодня. Я, кажется, заказывал. Если да, то я подтверждаю бронь. А если нет, то хотел бы заказать его сейчас. Если можно.

Оказалось, никто не бронировал столик на сегодня на имя Мэхью. И на имя Стоктона тоже. И на Бартрам (фамилия Джессики). А заказать *сейчас* ...

Самым неприятным был даже не отказ, а то, каким тоном ему отказали. Этот тон подтверждал, что столик *на сегодня* следовало заказать давным-давно. Возможно, это должны были сделать родители еще до его рождения. А *теперь* заказать столик *на сегодня* абсолютно невозможно. Даже если папа римский, премьер-министр Великобритании и президент Франции явятся в «Итальянский дворик», заранее не заказав столик и не подтвердив заказ, они будут изгнаны оттуда с позором.

– Понимаете, это для босса моей невесты. Конечно, я должен был позвонить заранее. Но ведь нас только трое, неужели нельзя как-нибудь...

На том конце повесили трубку.

– Ричард! Финансовый директор ждет! – напомнила Сильвия.

– Как думаешь, если я перезвоню и предложу им денег, у них найдется столик?

* * *

Ей снилось, что они снова дома – все вместе: родители, брат и малышка-сестренка. Бледные и серьезные, все стоят в зале и смотрят на нее. Порция, мама, погладила ее по щеке и сказала, что ей грозит опасность. Во сне Дверь улыбнулась: «Знаю». Мама покачала головой. «Нет. Нет. Опасность грозит тебе *сейчас*. Прямо *сейчас*».

Девушка открыла глаза. Тихо и очень медленно дверь отворялась. Она затаила дыхание. Послышались осторожные шаги по каменному полу. *Может, он меня не заметит*, подумала она. *Может, уйдет*. И вдруг, в отчаянии: *Как же хочется есть!*

Шаги нерешительно замерли. Она знала, что хорошо спряталась – ее не видно под газетами и тряпьем. И очень может быть, что тот, кто пришел, не желает ей зла. *Слышит ли он, как у меня бьется сердце?* Шаги вновь стали приближаться. Она знала, что должна сделать. Ей было страшно. Чья-то рука откинула тряпье, и она увидела безбровое лицо, искажившееся нехорошей ухмылкой. Она откатилась в сторону и изогнулась – лезвие, которое должно было вонзиться ей в грудь, угодило в предплечье.

До сих пор она не думала, что сможет. Ей казалось, у нее не хватит смелости, она никогда не будет настолько напугана, в таком отчаянии, чтобы сделать это. Но она протянула руку к его груди и *открыла* ...

Он охнул и повалился на нее. Стало мокро, жарко и скользко. Она выползла из-под него и бросилась прочь из своего убежища.

В туннеле – узком, с низким потолком – тяжело дыша, она привалилась к стене и захлебнулась рыданиями. На этого человека ушли последние силы. Она совсем выдохлась. Левое предплечье пульсировало. *Нож*, вспомнила она и вздохнула: зато теперь ей ничто не угрожает.

– Ай-ай-ай, – слышалось откуда-то справа, из темноты. – Ей удалось уйти от мистера Росса. Вот уж никогда бы не подумал, мистер Вандемар, – протянул голос, тягучий, как

серая слизь.

– Я тоже, мистер Круп, – отозвался кто-то слева.

Вспыхнул дрожащий свет.

– Однако, – проговорил мистер Круп. Его глаза блестели во мраке туннеля, – от нас ей не уйти.

Дверь со всей силы ударила его коленом в живот, зажала правой рукой рану и помчалась куда глаза глядят.

Она спаслась.

* * *

– Дик!

Ричард отмахнулся. Теперь у него почти все под контролем. Еще чуть-чуть...

– Дик! – повторил Гарри. – Уже полседьмого.

– Сколько ?!

Документы, карандаши, таблицы, тролли полетели в портфель. Он защелкнул застёжки и побежал, на ходу накидывая плащ.

Гарри трусил за ним.

– Эй, так как насчет выпить?

– Выпить?

– Мы же хотели сегодня обсудить ситуацию с «Мерстэм». Забыл?

Так это сегодня? Ричард на секунду замер, подумав о том, что если бы неорганизованность стала олимпийским видом спорта, он мог бы с честью выступить за свою страну.

– Гарри, прости. Не получится. Я сегодня должен встретиться с Джессикой. Мы ведем в ресторан ее босса.

– Мистера Стоктона? *Того самого* Стоктона?

Ричард кивнул. Они сбежали по ступенькам.

– Что ж, желаю хорошо провести время, – проговорил Гарри совершенно неискренне. – Как там твоё чудовище из Черной Лагуны?

– Джессика из Илфорда. Ее любовь по-прежнему согревает меня. Спасибо, что спросил, Гарри.

Они вышли в холл. Ричард бросился к автоматическим дверям, которые, разумеется, не открылись.

– Уже полседьмого, мистер Мэхью, – сообщил охранник, мистер Фиджис. – Вам придется расписаться.

– Вот уж не вовремя, – проворчал Ричард себе под нос. – Совсем не вовремя.

От охранника пахло какой-то мазью. Поговаривали, что у него энциклопедическая коллекция мягкого порно. Он охранял вход с каким-то болезненным энтузиазмом – после того случая, когда пропало все компьютерное оборудование с целого этажа, а также две пальмы в кадках и аксминстерский⁹ ковер финдиректора.

– Значит, посидеть не получится?

– Прости, Гарри. Давай в понедельник, а?

– Ну хорошо, до понедельника.

Мистер Фиджис внимательно изучил их подписи и, убедившись, что они не выносят ни компьютеров, ни пальм, ни ковров, нажал на кнопку, и дверь открылась.

– Ну да, двери, – сказал Ричард, словно что-то припоминая.

* * *

⁹ Аксминстерский ковер – род бархатного ковра с тиснением в виде крупных цветов.

Туннель раздвоился. Она выбрала наугад. Бежала и бежала, отталкиваясь то от одной стены, то от другой, и постоянно спотыкаясь. Мистер Круп и мистер Вандемар шли за ней – спокойно и беззаботно, как викторианские государственные мужи, прогуливающиеся по Великой выставке в Хрустальном дворце¹⁰. Когда они оказывались на перепутье, мистер Круп наклонялся и выискивал на полу капельку крови. Они были словно гиены, терпеливо ожидающие, пока жертва выдохнется. Они никуда не торопились. Время принадлежало им.

* * *

Ричарду наконец улыбнулась удача: он поймал такси. На редкость жизнерадостный водитель провез Ричарда по таким улочкам, о существовании которых тот даже не подозревал, бодро рассуждая о политике, росте преступности и пробках на дорогах – как рассуждают все лондонские таксисты, если пассажир жив и говорит по-английски. Ричард выскочил из такси, оставив водителю хорошие чаевые и свой портфель, потом умудрился тормознуть такси, прежде чем оно вырулило из переулка, и забрать портфель, взлетел по лестнице и вбежал в квартиру, раздеваясь на ходу. Он ловко швырнул портфель через всю комнату напрямик на диван. Ключи Ричард достал из кармана и предусмотрительно положил на тумбочку в коридоре – чтобы не забыть.

Когда он ворвался в спальню, зазвонил домофон. На ходу натягивая свой лучший костюм, Ричард бросился в коридор.

– Ричард? Это Джессика. Надеюсь, ты готов.

– Да, конечно. Уже спускаюсь.

Он накинул плащ и, выскочив на площадку, захлопнул за собой дверь.

Джессика как всегда ждала его внизу у лестницы. Она не любила его квартиру – там все было противно ее женской натуре. В самом неожиданном месте можно было обнаружить его трусы, на раковине в ванной засохли капли зубной пасты – нет, это было совсем не подходящее место для Джессики.

При виде нее Ричард в очередной раз подивился, до чего же она красива. Он нередко ловил себя на том, что откровенно любит ее, недоумевая: *Как такая женщина могла выбрать меня?* Но когда они занимались любовью в квартире Джессики в фешенебельном Кенсингтоне, на ее медной кровати, под накрахмаленными льняными простынями (ее родители говорили, что пуховые одеяла – признак дурного вкуса) – он обнимал ее в темноте, ее каштановые локоны рассыпались по его груди, она шептала ему, как сильно его любит, он шептал «люблю» в ответ, и – оба верили, что так оно и есть.

* * *

– Глядите-ка, мистер Вандемар. Она бежит уже не так быстро.

– Это верно, мистер Круп.

– Должно быть, потеряла много крови.

– Славной крови. Славной, липкой крови.

– Ждать уже недолго.

Раздался щелчок – это открылся пружинный нож. Звонкий, одинокий звук в темноте.

* * *

¹⁰ Великая выставка в Хрустальном дворце – знаменитая международная выставка в Лондоне в мае 1851 г., одной из основных идей которой было совместить искусство и науку в попытке стимулировать развитие промышленного дизайна. Выставка продолжалась 120 дней, ее посетила примерно пятая часть всего населения Великобритании.

– Ричард, что ты делаешь?

– Ничего.

– Ты опять забыл ключи?

– Нет.

Ричард прекратил поиски и сунул руки в карманы плаща.

– Значит, так. Когда будешь говорить с мистером Стоктоном, помни: это не просто важная персона, это еще и целая компания в одном лице.

– Прямо не терпится с ним познакомиться, – вздохнул Ричард.

– Ричард, что это значит?

– Честно, жду не дождусь! – сказал он уже бодрее.

– Ты можешь идти скорее? – спросила Джессика. Если бы она не была самым совершенством, можно было бы предположить, что она начала терять терпение. – Мы не имеем права опаздывать.

– Конечно, Джесс.

– Ричард! Не называй меня так. Терпеть не могу уменьшительные имена. Они принижают!

– Подайте монетку! – протянул человек, сидевший на тротуаре. У него была желтоватая седая борода и ввалившиеся темные глаза. На шее на растрепанной бечевке висела картонка, извещавшая, что он бездомный и голодный. Впрочем, это и так было понятно. Ричард сунул руку в карман и принялся искать мелочь.

– Ричард! У нас нет времени, – сказала Джессика, которая периодически делала пожертвования благотворительным организациям и вкладывала свои средства исключительно в полезные для общества мероприятия. – Так вот, я хочу, чтобы ты произвел на мистера Стоктона хорошее впечатление. Ведь ты мой жених! Мне очень важно, чтобы ты понравился мистеру Стоктону. – Тут ее лицо исказилось в умильной гримасе, она на секунду прижалась к Ричарду и прошептала: – Я же *так* тебя люблю! Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Ричард кивнул: да, он знал, что она его любит.

Джессика посмотрела на часы и зашагала быстрее. Ричард незаметно бросил монетку в один фунт – и человек на тротуаре ловко поймал ее грязной ладонью.

– Столик заказал? Все в порядке? – спросила Джессика, и Ричард, который не умел врать, когда его спрашивали напрямую, выдавил только:

– Э-хм...

* * *

Она свернула не туда – и уперлась в тупик. Раньше бы ее это не остановило, но сейчас она была голодна, ранена и измучена... Она прижалась щекой к грубой кирпичной кладке и тяжело дышала, захлебываясь рыданиями. Рука у нее была холодная, а ладонь онемела. Она чувствовала, что это конец. Свет начал меркнуть. Ей хотелось лечь и заснуть на сто лет.

– Клянусь всеми уголками моей черной души! Мистер Вандемар, вы это видите? – послышался голос. Оказывается, преследователи были ближе, чем она думала. – Моим глазам предстало нечто такое...

– Что мы сейчас уьем, мистер Круп, – подхватил другой голос.

– Наш босс будет в восторге.

Девушка собрала последние силы, почерпнутые из глубин боли, страха и отчаяния. Она выдохлась, она разбита, она больше ничего не может. Бежать некуда, сил нет, времени нет.

– Пусть это будет последняя дверь, которую мне удастся открыть, – взмолилась она, обращаясь к Темплу и Арке¹¹. – Пусть она ведет куда угодно, куда-нибудь, где *безопасно*

¹¹ *Темпл* (Внутренний Темпл и Средний Темпл) – два из четырех древнейших судебных иннов, расположенных в районе с тем же названием, который долгое время принадлежал ордену тамплиеров. В

... – и в отчаянии добавила: – *К кому-нибудь* .

Уже теряя сознание, она попыталась открыть дверь.

Когда темнота объяла ее, она услышала голос мистера Крупа, прозвучавший откуда-то издалека. Он сказал:

– Черт ее подери!

* * *

Джессика и Ричард шли к ресторану. Она держала его под руку и бодро стучала каблучками по тротуару. Ричард с трудом выдерживал этот темп. Уличные фонари и витрины уже закрывшихся магазинов освещали им путь. Они миновали череду призрачных зданий, темных и заброшенных, за высоким кирпичным забором.

– Ты правда пообещал им пятьдесят фунтов за столик?! Ричард, ты идиот! – глаза Джессики сердито сверкнули. Его рассказ не показался ей забавным.

– У них почему-то не оказалось записи о моем заказе. И они сказали, что все столики забронированы.

Их шаги гулким эхом отдавались от стен.

– Теперь нас наверняка посадят рядом с кухней, – вздохнула Джессика. – Или у входа. Ты сказал им, что это для мистера Стоктона?

– Да.

Она снова вздохнула и потащила Ричарда дальше. Вдруг впереди открылась дверь и кто-то шагнул на улицу. Секунду, показавшуюся очень долгой, человек покачивался из стороны в сторону, а потом рухнул на тротуар. Ричард вздрогнул и замер. Джессика резко дернула его вперед.

– Самое главное, запомни: ни в коем случае не перебивай мистера Стоктона и не вздумай с ним спорить – он этого терпеть не может. И обязательно смейся его шуткам. А если не поймешь, шутка это или нет, – посмотри на меня, я... м-м... буду барабанить пальцами по столу.

Они дошли до распростертой на асфальте фигуры. Джессика невозмутимо через нее перешагнула, а Ричард остановился.

– Джессика.

– Да, ты прав. Он может подумать, что мне скучно. – Джессика задумалась. – О! Точно! – Она просияла. – Если он пошутит, я коснусь уха.

– Джессика! – Он не мог поверить, что она не замечает человека на тротуаре.

– Что? – раздраженно спросила она, недовольная тем, что прервали ход ее мыслей.

– Гляди.

Он указал на тротуар. Человек в бесформенной, мешковатой одежде лежал лицом вниз. Джессика схватила Ричарда за руку.

– А, ну да. Знаешь, Ричард, если станешь обращать внимание на всяких бродяг, придется заниматься только ими. Поверь, у них у всех есть квартиры. Она проспится и придет в себя. – *Она?* Ричард пригляделся. В самом деле, это была *девушка* . Джессика между тем продолжала: – Я сказала мистеру Стоктону, что мы... – Ричард опустил на колени. – Ричард! Что ты делаешь?!

– Она не пьяная, – проговорил он и, посмотрев на свои пальцы, добавил. – Она ранена. Вся в крови.

Джессика поглядела на него раздраженно.

– Мы опаздываем, – напомнила она.

– Но девушка *ранена* .

современном Лондоне существует также станция метро «Темпл». *Арка* происходит от названия Церкви на Арках (церкви Сент-Мэри-ле-Боу), где заседал апелляционный суд – Court of Arches («Суд Арок»). Темпл и Арка в романе превращаются в своеобразных божеств.

Джессика снова посмотрела на фигурку на тротуаре. Ричард никогда не умел расставлять приоритеты.

– Ричард, мы опоздаем. О ней позаботится кто-нибудь другой.

Лицо девушки было в грязи, а одежда – мокрая от крови.

– Она ранена, – просто повторил он. Джессика никогда прежде не видела его с таким лицом.

– Ричард, – строго проговорила она и вдруг смягчилась, найдя выход: – Позвони 999 и вызови «скорую». Только быстрее.

Девушка вдруг открыла глаза – огромные на маленьком грязном личике.

– Пожалуйста, не надо «скорую», – еле слышно проговорила она. – В больнице меня найдут. Отвезите меня куда-нибудь, где безопасно. Пожалуйста.

– Но вы ранены, – сказал Ричард и посмотрел туда, откуда она появилась. Никакой двери там не было – только глухая кирпичная стена. Он снова поглядел на хрупкую фигурку и спросил: – Почему вы не хотите в больницу?

– Помогите мне! – прошептала она и закрыла глаза.

– Почему вы так боитесь оказаться в больнице? – повторил он, но она не ответила.

– Когда будешь звонить в «скорую», – продолжала Джессика, – не называй своего имени. Иначе придется заполнять бумаги, и тогда мы точно опоздаем. А я никому не позволю испортить этот вечер... Ричард! Что ты делаешь?

Он осторожно взял девушку на руки и подивился, какая она легкая.

– Я отнесу ее к себе, Джесс. Нельзя же ее здесь оставить. Передай мистеру Стоктону мои извинения. Скажи, что случилось нечто непредвиденное. Уверен, он поймет.

– Ричард Оливер Мэхью, если ты сейчас же не опустишь эту девицу на землю, я разрываю нашу помолвку! – ледяным тоном объявила Джессика. – Серьезно тебя предупреждаю!

Чувствуя, как его рубашка становится мокрой и теплой от крови, Ричард вдруг понял, что иногда просто нет выбора.

И ушел.

Джессика осталась стоять на тротуаре, глядя вслед человеку, который взял и испортил такой важный вечер. На ее глаза навернулись слезы. Вскоре он скрылся из виду и тогда – и только тогда – Джессика позволила себе громко и неприлично выругаться: «Блядь!». Она швырнула сумочку на землю, и из нее вывалились мобильный телефон, помада, ежедневник, тампоны. Но поскольку ничего другого не оставалось, она собрала все обратно в сумочку и отправилась в ресторан, где ее ждал мистер Стоктон.

Позже, потягивая белое вино, она попыталась придумать достойное оправдание для своего жениха и решила объявить, что Ричард неожиданно скончался.

– Это случилось так внезапно... – промолвила она трагическим шепотом.

* * *

По дороге домой Ричард ни разу не задумался о том, что же он делает. От него ничего не зависело. Где-то в дальнем уголке сознания кто-то – точнее, нормальный, разумный Ричард Мэхью – говорил, что он повел себя как болван, что достаточно было вызвать полицию или «скорую», что поднимать раненого опасно, что он по-настоящему, серьезно обидел Джессику, что ему придется спать на диване, что он испортил свой единственный дорогой костюм, что от девушки ужасно воняет... но Ричард просто шел вперед, шаг за шагом, не обращая внимания, что руки болят и спину ломит и что прохожие странно на него косятся, – он просто шел. И вскоре добрался до своего дома, медленно поднялся по лестнице, оказался перед дверью квартиры – и только тогда сообразил, что забыл ключи на тумбочке в коридоре...

Но девушка вытянула свою грязную окровавленную руку – и дверь открылась.

Никогда бы не подумал, что буду рад, если замок можно будет открыть без ключа ,

подумал Ричард, внося девушку в квартиру и закрывая дверь ногой. Он положил ее на кровать. Его рубашка пропиталась кровью.

Девушка была в сознании: глаза закрыты, но веки подрагивали. Он снял с нее кожаную куртку и охнул, увидев длинный порез на левом предплечье.

– Послушай, я сейчас вызову врача, – негромко сказал он. – Ты меня слышишь?

Она открыла глаза – огромные и испуганные.

– Не надо, пожалуйста! Со мной все будет в порядке. Порез неглубокий. Мне бы только поспать... А врача не надо.

– Но рука...

– Завтра все будет в порядке... – еле слышно повторила она.

– Э-э... ну ладно, – согласился он. Тут в нем проснулся здравомыслящий Ричард: – Послушай, можно хотя бы узнать?..

Но она уже спала. Он достал из шкафа старый шарф с университетской символикой и туго перевязал рану. Не хотелось, чтобы она истекла кровью у него на кровати и умерла, прежде чем он успеет вызвать врача. Потом он вышел из спальни и бесшумно прикрыл дверь.

Сел на диван перед телевизором и задумался, что же он натворил.

Глава II

Ричард где-то глубоко под землей: в туннеле, а может, в канализационной трубе. Свет то и дело мигает, не рассеивая темноту, а словно подчеркивая ее. Он не один. Рядом идут какие-то люди, но во мраке лиц не разобрать. Они бегут по канализационной трубе, разбрызгивая во все стороны грязь и нечистоты. Капли воды срываются с потолка и медленно падают во тьму, поблескивая в тусклом свете.

Он сворачивает за угол и видит зверя.

Зверь огромный, едва помещается в трубе. Он пригнул к земле голову, напряг щетинистое тело. Из пасти у него вырывается пар – в трубе холодно. «Похож на кабана», – думает Ричард, но потом понимает, что это не так: кабаны гораздо мельче, а этот просто гигантский, как бык, как тигр, как автомобиль.

Зверь глядит на Ричарда, ему некуда спешить, он вполне может подождать, пока человек поднимет копьё. Ричард чувствует, что сжимает копьё, смотрит на руку, но это не его рука. Рука покрыта густыми черными волосами, а ногти грязные и длинные, как когти.

И тут зверь нападает.

Ричард бросает в него копьё – слишком поздно. Он чувствует, как зверь пронзает его своими острыми, как бритвы, клыками, как течет кровь, смешиваясь с грязью у него под ногами, как жизнь постепенно покидает его. Он понимает, что упал лицом в воду, которая становится почти бордовой от крови. Ричард хочет закричать, проснуться, но не может даже вдохнуть. Он чувствует невыносимую боль...

– Мучают кошмары? – спросила девушка.

Ричард резко сел на диване, хватая ртом воздух. Шторы были по-прежнему задернуты, свет горел, работал телевизор, но сквозь щель между шторами пробивался тусклый серый свет, и Ричард понял, что уже утро. Он отыскал пульт, на котором, как выяснилось, проспал всю ночь, и выключил телевизор.

– Точно, – ответил он. – Кошмары.

Ричард протер глаза и с радостью убедился, что вчера снял хотя бы туфли и пиджак. Правда, остался в заскорузлой от крови рубашке. Девушка молчала. Она выглядела ужасно: грязная, окровавленная, бледная как полотно, очень худая. И одета странно. Множество слоев потертого бархата и рваных кружев какого-то удивительного кроя. Словно она ограбила зал истории моды в музее Виктории и Альберта, нацепила все, что удалось украсть,

и теперь разгуливает так по Лондону. Волосы у нее были недлинные и, судя по всему, оказались бы рыжевато-каштановыми, если их отмыть.

Ричард терпеть не мог тех, кто говорит очевидное, то, что просто невозможно не заметить, например, «Дождь пошел» или: «Глядите, у вас разорвался пакет, и все продукты упали в лужу», или: «Ой, вам, наверное, больно!».

– А ты уже встала, – заметил Ричард, всей душой в эту минуту ненавидя себя.

– Чьи это владения? – спросила девушка.

– Хм... Чего?

Она подозрительно огляделась.

– Где я?

– Ньютон Мэншинз, Литл-комден-стрит, 4.

Девушка раздвинула шторы, щурясь и мигая от серого утреннего света, и выглянула наружу. Из окна Ричарда открывался самый обычный вид на одну из лондонских улиц. Удивленно распахнув глаза, девушка смотрела на машины, автобусы, газетный киоск, булочную, аптеку, винный магазин.

– Я в Верхнем Лондоне, – тихо проговорила она.

– Ну да, в Лондоне, – отозвался Ричард, подумав: «Что еще за *верхний* ?» – Ты вчера была в ужасном состоянии. И на плече у тебя рана. – Он замолчал, ожидая, что она объяснит, что с ней произошло.

Девушка взглянула на него, а потом снова принялась рассматривать автобусы и магазины. Ричард продолжил:

– Я, эээ... наткнулся на тебя на улице. Ты была вся в крови.

– Не волнуйся, – серьезно сказала она. – Кровь в основном не моя.

Девушка задернула шторы. И принялась разматывать шарф с запекшейся кровью, которым он ее перевязал. Осмотрев рану, она поморщилась.

– Надо сделать нормальную перевязку, – заявила девушка. – Поможешь?

Ричард растерянно посмотрел на нее.

– Честно говоря, я не умею перевязывать раны, – пробормотал он.

– Что ж, – отозвалась она, – если ты такой трус, скажи хотя бы, где взять бинт, и я сама все сделаю. Помоги только завязать концы, а то я сама не дотянусь. У тебя ведь есть бинт?

Ричард кивнул.

– Конечно, – сказал он, – в аптечке. В ванной. Под раковиной.

Потом Ричард пошел в спальню и переоделся, мечтая о том, чтобы рубашка (его лучшая рубашка, подарок Джессики, – о боже, она его просто *убьет*) отстиралась.

* * *

Розовая от крови вода напомнила Ричарду странный сон, который ему однажды приснился, но он никак не мог вспомнить, что это был за сон. Выдернув пробку, он спустил грязную воду, наполнил раковину чистой и влил туда дезинфицирующий раствор. Резкий медицинский запах наполнил ванную и показался ему таким правильным, таким нужным, – словно запах мог излечить его от всего непонятного, что с ним произошло с тех пор, как он подобрал свою странную гостью. Девушка склонилась над раковиной, и он стал лить ей на руку и плечо теплую воду.

На самом деле Ричард был вовсе не таким трусом, каким себя считал. Да, он не выносил вида крови: во время фильма ужасов или даже обычного сериала про больницу забивался в угол, закрывал лицо руками и бормотал: «Уже все? Скажите, когда можно смотреть». Но сейчас, когда кровь и боль были не на экране, все его страхи отступили, и он был готов помогать девушке. Они вместе промыли рану, которая выглядела теперь не так ужасно, как накануне вечером, и перевязали ее бинтом, – девушка держалась изо всех сил и почти не морщилась от боли. Ричарду вдруг стало интересно, сколько ей лет и как она выглядит, если ее отмыть, и почему она бездомная, и...

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Ричард. Ричард Мэхью. Дик.

Она медленно кивнула, словно стараясь запомнить его имя. Тут в дверь позвонили. Ричард глянул на кровавые потеки в раковине, потом – на девушку в лохмотьях и представил, как все это может выглядеть со стороны.

– Вот черт! – вдруг воскликнул Ричард, сообразив, кто к нему мог прийти. – Это наверняка Джесс. Она меня убьет.

Тревога! Тревога!

– Побудь здесь, я сейчас, – сказал он девушке, закрыл за собой дверь в ванную и бросился в коридор. Открыв дверь, он облегченно вздохнул. Это не Джессика. Это... Кто это такие? Мормоны? Свидетели Иеговы? Полиция? Кто их знает. В любом случае, их двое.

Одеты в черные костюмы, не особенно чистые, слегка помятые, и даже Ричард, который не слишком разбирался, как шьют одежду и как она должна сидеть, заметил, что костюмы скроены как-то странно. Словно лет двести назад их сшил портной, который ни разу не видел современного костюма и кроил с чьих-то слов. И силуэт, и отделка были какие-то странные.

Лис и волк, невольно подумал Ричард. Тот, что стоял впереди, действительно чем-то походил на лиса. Он был немного ниже Ричарда, с гладкими, лоснящимися волосами странного оранжевого цвета и бледной кожей. Когда дверь открылась, он широко улыбнулся, обнажив свои гнилые черные зубы, и сказал:

– Доброго вам утра, сэр. Мы рады приветствовать вас в этот непередаваемо приятный и удивительный день.

– Э-э. Здравствуйте, – отозвался Ричард.

– Мы проводим опрос на редкость деликатного свойства. Ходим от дома к дому, от двери к двери, чтобы добыть хотя бы крупицу драгоценной информации ради нашего благого дела. Позвольте войти?

– Простите, но я сейчас не могу вас принять, – ответил Ричард и спросил: – Вы из полиции?

Второй незнакомец, похожий, как решил Ричард, на волка, стоял немного позади, прижимая к груди пачку отсканованных листков. Это был крупный высокий мужчина с коротко стриженными черными с проседью волосами. Все это время он молчал – просто стоял и ждал. А теперь рассмеялся – басовито и гаденько, словно Ричард смолол чушь.

– Из полиции? Увы, нет, – сказал тот, что пониже. – К сожалению, мы не имеем счастья состоять в этой достойной организации. Конечно, профессия полицейского весьма привлекательна, и мы бы сочли за честь всячески служить уважаемому и почитаемому нами закону, однако госпожа Фортуна сдала нам несколько иные карты. Нет-нет, мы обычные люди. Позвольте представиться. Я – мистер Круп, а этот джентльмен – мой брат, мистер Вандемар.

Они не были похожи на братьев. Ричард вообще таких странных людей еще не встречал.

– Ваш брат? – удивленно переспросил он. – Но тогда, наверное, у вас должны быть одинаковые фамилии?

– Я потрясен до глубины души. Какой интеллект, мистер Вандемар! Какой острый ум! – Мистер Круп подался вперед, встал на цыпочки и заглянул Ричарду в лицо. – Такой острый, что можно порезаться.

Ричард невольно отступил назад.

– Можно войти? – спросил мистер Круп.

– Что вам угодно?

Мистер Круп изобразил скорбный вздох.

– Мы ищем нашу сестру, – объяснил он. – Сбившееся с пути дитя, упрямое и капризное, которое вот-вот разобьет сердце нашей несчастной матушки, безутешной вдовы.

– Сбежала из дома, – тихо сказал мистер Вандемар и сунул Ричарду под нос

отксерокопированный листок. — Она немного... того, — добавил он, покрутив пальцем у виска.

Ричард посмотрел на листок.

На нем было написано: «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?» Под надписью красовалась черно-белая фотография той самой девушки, что сидела у Ричарда в ванной. Ниже он прочел: «ПРОПАЛА ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ВЕРА. КУСАЕТСЯ И БРЫКАЕТСЯ. СБЕЖАЛА ИЗ ДОМА. СООБЩИТЕ, ЕСЛИ УВИДИТЕ. ОЧЕНЬ ХОТИМ ЕЕ НАЙТИ. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕМ». И номер телефона. Ричард еще раз посмотрел на фотографию. Да, это та самая девушка.

— Нет, — сказал он. — К сожалению, я ее не видел. Простите.

Но мистер Вандемар его не слушал. Задрав голову, он тщательно принюхивался, словно почувствовал какой-то странный, неприятный запах. Ричард хотел вернуть ему листок, но мистер Вандемар оттолкнул его и ринулся в квартиру, как волк, почуявший добычу. Ричард бросился за ним:

— Как вы смеете?! А ну-ка остановитесь! Вон отсюда! Нет, только не туда...

Мистер Вандемар направился напрямик в ванную. Ричард надеялся, что девушка — Вера? — догадалась запереть дверь. Оказалось, что нет, — мистер Вандемар толкнул дверь, и она тут же распахнулась. Он вошел в ванную, и Ричард, как маленькая глупая собачонка, визгливо тявкающая на почтальона, последовал за ним.

Ванная у Ричарда была небольшая. В ней помещались раковина, ванна, унитаз, на полочке стояло несколько бутылок шампуня, лежало мыло, на крючке висело полотенце. Пару минут назад, до прихода этих странных людей, над заляпанной кровью раковиной склонялась грязная, окровавленная девушка с аптечкой в руках. Однако теперь раковина и пол сияли чистотой. А самой девушки не было.

Выйдя из ванной, мистер Вандемар толкнул дверь в спальню. Зашел и огляделся.

— Не знаю, почему вы решили, что можете вот так запросто врывать в чужую квартиру, — сказал Ричард. — Но если сейчас же не уберетесь отсюда, я вызову полицию.

Тут мистер Вандемар, осматривавший гостиную, повернулся к Ричарду, и тот снова ощутил себя той самой собачонкой, которая вдруг поняла, что тот, кого она неистово облаивает, никакой не почтальон, а огромное, пожирающее собак инопланетное чудовище из фильмов, которые никогда не смотрела Джессика. Ричард понял, что мистер Вандемар из тех, кому говорят: «Пожалуйста, не бейте меня!», и задумался, подействует ли на него такая просьба.

Тут его приятель-лис сказал:

— Мистер Вандемар! Что это на вас нашло? — И уже обращаясь к Ричарду: — Видите ли, он очень тоскует по нашей несчастной сестре. Немедленно извинитесь перед джентльменом, мистер Вандемар.

Мистер Вандемар кивнул и задумался.

— Мне показалось, что мне нужно в туалет, — наконец сказал он. — Но я передумал. Простите.

Мистер Круп двинулся к выходу, подталкивая мистера Вандемара.

— Так вот, мы сейчас уйдем. Нижайше прошу простить моего брата за дурные манеры. Мы так переживаем за нашу бедную овдовевшую матушку и за сестру, которая сейчас, в то время как мы с вами ведем любезную беседу, скитается по Лондону, обездоленная, всеми покинутая, и некому о ней позаботиться, некому наставить ее на путь истинный и вернуть в лоно семьи. Неудивительно, что мой братец, охваченный горем, совсем забыл, как следует себя вести в благородном обществе. Он неплохой малый, всегда готов прийти на выручку в трудную минуту. Не правда ли, мой крупный брат?

Они уже вышли из квартиры и теперь стояли у порога. Мистер Вандемар молчал. Он был не похож на человека, охваченного горем. Круп повернулся к Ричарду и снова улыбнулся лисьей улыбкой.

— Сообщите нам, если увидите ее, — сказал он.

– До свидания, – отозвался Ричард, закрыл дверь и повернул в замке ключ. А потом, впервые с тех пор, как здесь поселился, запер дверь на цепочку.

* * *

– Я не толстый, – проворчал мистер Вандемар.

Мистер Круп, перерезавший телефонный провод, как только Ричард заявил, что вызовет полицию, вдруг задумался, тот ли это был провод, – он не очень хорошо разбирался в современных телекоммуникациях.

– А я и не говорил, что ты толстый, – сказал он и взял у Вандемара ксерокопию. – Наплюй!

Мистер Вандемар плюнул на оборот ксерокопии, и мистер Круп прижал листок к стене у двери Ричарда. Листок приклеился намертво. «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?»

– Ты сказал «крупный». «Крупный» – значит «толстый».

– А еще «крупный» значит «сильный», «крепкий», «мощный», «значительный», «выдающийся» и даже «важный», – заметил мистер Круп. – Ты ему веришь?

Они спустились по лестнице.

– Что я, идиот, что ли? – отозвался мистер Вандемар. – Я ее почуял.

* * *

Ричард немного постоял у входной двери. И только услышав, как хлопнула дверь внизу, отправился в ванную, но тут зазвонил телефон. Ричард чуть не подпрыгнул от неожиданности, бросился к аппарату и снял трубку.

– Алло! – сказал он. – Алло!

Однако в трубке была тишина. Потом раздался тихий щелчок, и из динамика автоответчика, стоявшего рядом с телефоном, послышался голос Джессики: «Ричард! Это Джессика. Жаль, что тебя нет дома, потому что больше я звонить не буду, к тому же мне бы очень хотелось сказать тебе все, что я думаю, лично, а не через автоответчик».

Ричард заметил, что провод, который вел к трубке, аккуратно перерезан почти у самого аппарата. Но все равно закричал:

– Джессика, я здесь! Подожди, не вешай трубку!

«Ричард, вчера вечером ты меня очень обидел, – продолжала Джессика. – С меня хватит. Ярываю помолвку. Не желаю тебя больше видеть и кольцо не верну. Надеюсь, ты и твоя несчастная овца сгорите в аду! Пока!»

– Джессика! – воскликнул Ричард, словно надеясь, что если крикнет погромче, она его услышит. Автоответчик записал послание Джессики, послышался еще один щелчок, и на аппарате замигала красная лампочка.

– Плохие новости? – спросила девушка. Она стояла у него за спиной в крошечной кухне. Рука у нее была перевязана. Девушка вынула из коробки два пакетика чая и опустила их в кружки. Чайник уже кипел.

– Да, – ответил Ричард. – Очень плохие. – Он подошел к ней и вручил листок «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?». – Это ведь ты?

Девушка подняла бровь.

– Да, это моя фотография.

– Значит, тебя зовут... Вера?

Она покачала головой:

– Нет, Ричард-ричард-мэхью-дик, меня зовут Дверь. Молока добавить? Сколько сахара?

Ричард окончательно растерялся.

– Ричард, – пробормотал он. – Просто Ричард. Не надо сахара, – потом помолчал и сказал: – Слушай, я понимаю, что лезу не в свое дело, но все же – что с тобой случилось?

Дверь налила кипятка в кружки.

– Это тебя не касается, – спокойно сказала она.

– Прости, я не хотел...

– Нет, Ричард, ты не понимаешь. Честное слово, тебе *ни к чему* это знать. Это не принесет тебе ничего хорошего. Ты и так сделал для меня слишком много.

Выбросив чайные пакетики, она протянула Ричарду кружку. Он взял чай и вдруг заметил, что все еще держит в руке телефонную трубку.

– Да ладно. Не мог же я тебя там бросить.

– Мог, – отозвалась Дверь. – Но не бросил.

Прижавшись спиной к стене, она осторожно выглянула в окно. Ричард подошел и тоже посмотрел на улицу. Мистер Круп и мистер Вандемар отошли от газетного киоска. На стекле красовался листок с надписью «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?».

– Это действительно твои братья? – спросил Ричард.

– Ричард, прошу, – устало ответила Дверь, – не мучай меня.

Он отхлебнул чая, пытаясь сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

– А где ты была? – спросил он. – Только что.

– Здесь, – ответила она. – Что ж, раз уж эти двое меня преследуют, придется позвать... – она запнулась. – Кого-нибудь, кто может помочь. Одной мне лучше отсюда не выходить.

– А есть такой человек? Кому ты могла бы позвонить?

Она взяла телефон с обрезанным шнуром и покачала головой.

– У моих друзей нет телефона, – сказала она и поставила такой одинокий и бесполезный теперь аппарат на стол. А потом хитро улыбнулась:

– Крошки.

– Что? – не понял Ричард.

* * *

Небольшое окошко в спальне выходило на крыши и водосточные трубы. Забравшись на кровать, Дверь дотянулась до него, открыла и насыпала на подоконник хлебных крошек.

– Зачем ты это делаешь? – удивился Ричард. – Я ничего не понимаю.

– Ну разумеется, – кивнула Дверь. – Тихо!

Послышалось хлопанье крыльев, и на подоконник сел сизый голубь с перьями, отливающими красным и зеленым. Он стал клевать крошки, и Дверь осторожно взяла его в руки. Голубь с любопытством смотрел на нее, но не вырывался.

Они сели на кровать. Дверь попросила Ричарда подержать голубя, а сама прижала к его лапке записку и принялась приматывать ее ярко-синей резинкой, которой Ричард перевязывал счета за электричество. Он не особенно любил голубей и совсем не умел их держать.

– Зачем тебе это? – спросил он. – Голубь ведь не почтовый, а самый обыкновенный, из тех, что гадят на голову Нельсона.

– Точно, – согласилась Дверь. На щеке у нее красовалась ссадина, грязные рыжеватые волосы были спутаны, хотя и не до такой степени, чтобы их уже невозможно было расчесать. А глаза... Ричард вдруг понял, что не может сказать, какого они цвета. Не голубые и не зеленые, не карие и не серые, они напоминали огненный опал, мерцая голубыми, зелеными, красными и желтыми искорками, которые вспыхивали, гасли и тут же вспыхивали снова. Дверь забрала у Ричарда голубя, поднесла его к лицу и заглянула птице в глаза. Склонив голову на бок, голубь уставился на нее своими черными глазками-бусинками.

– Значит так, – сказала Дверь и издала очень странный звук, похожий на голубиное воркование. – Значит так, *Крррпллрр*, ты должна отыскать маркиза Карабаса. Понятно?

Птица заворковала в ответ.

– Умница! Это очень важно, так что...

Голубка прервала ее громким, недовольным воркованием.

– Прости, – сказала Дверь. – Ты и сама отлично знаешь, что делать. – Она поднесла голубку к окну и выпустила на волю.

Ричард удивленно наблюдал за ней.

– Надо же! Такое впечатление, будто она тебя поняла, – проговорил он, когда птица взметнулась в небо и скрылась за крышами.

– Ну да, – отозвалась девушка. – Теперь придется подождать.

Подойдя к книжному шкафу, она взяла с полки «Мэнсфилд-парк»¹², – Ричард и не знал, что у него есть эта книга, – и отправилась в гостиную. Ричард побрел за ней. Дверь уселась на диван и стала читать.

– Это прозвище? – спросил он.

– Что?

– Дверь.

– Нет. Меня так и зовут – Дверь.

– Дверь?

– Да, как то, что ты открываешь, чтобы куда-нибудь войти.

– А... – Чтобы сказать хоть что-нибудь, Ричард брякнул: – Что за имя такое – Дверь?

Она подняла на него свои странного цвета глаза и ответила:

– Мое имя, – и вернулась к Джейн Остен.

Ричард взял пульт и включил телевизор. Переключил канал – раз, другой, третий. Вздыхнул.

– А чего мы ждем?

Дверь перевернула страницу и сказала, не отрываясь от книги:

– Ответа.

– Какого ответа?

Дверь пожала плечами.

– Ну ладно, – пробормотал Ричард. Тут он вдруг заметил, что у нее очень бледная кожа, – раньше это было сложно разглядеть под слоем грязи и засохшей крови. Интересно, она такая бледная, потому что чем-то больна? Или от потери крови? Или просто редко выходит на улицу? А может, у нее малокровие? Может, она сидела в тюрьме? Хотя вряд ли, слишком уж она молоденькая. А вдруг тот тип не соврал, и она действительно сумасшедшая?

– Скажи, когда те люди вошли...

– Люди? – ее опаловые глаза блеснули.

– Круп и... ммм... Вандербилт.

– Вандемар, – Дверь на секунду задумалась, потом кивнула: – Ну да, они похожи на людей. Две ноги, две руки, голова.

– Так вот, – продолжил Ричард. – *Куда* ты делась, когда они зашли в квартиру?

Лизнув палец, она перевернула страницу:

– Я была здесь.

– Но... – В его квартире просто невозможно спрятаться. А наружу она точно не выходила. – Но...

Послышался шорох, и из груды видеокассет под телевизором выскочил какой-то темный зверек, покрупнее мыши.

– Господи! – воскликнул Ричард и запустил в зверька пультом. Пульт ударился о видеокассеты и с громким стуком упал на пол. Зверек исчез.

– Ричард! – крикнула Дверь.

– Не бойся, – сказал он. – Это всего лишь крыса.

Она возмущенно посмотрела на него.

¹² «Мэнсфилд-Парк» (Mansfield Park, 1814) – наиболее крупное произведение знаменитой английской писательницы Джейн Остен (Jane Austen, 1775–1817).

– Разумеется, это всего лишь крыса. И ты ее, беднягу, сильно напугал.
Дверь огляделась, потом тихо свистнула.
– Эй! – позвала она и, отложив «Мэнсфилд-парк», опустилась на колени. – Эй, где вы?
Она снова сердито глянула на Ричарда.
– Если ты ее покалечил... – с угрозой в голосе начала она, а потом тихо и очень вежливо обратилась к крысе: – Простите, он полный кретин. Вы где?
– Я не кретин! – возмутился Ричард.
– Тссс, – шикнула Дверь. – Куда вы делись?
Тут из-под дивана показался розовый носик. Через пару секунд зверек осторожно высунул голову и подозрительно оглядел черными глазками комнату. «Да, это точно немышь, – подумал Ричард. – Мыши гораздо мельче».
– Здравствуйте! – радостно сказала Дверь. – С вами все в порядке?
Она протянула руку. Зверек вскарабкался ей на ладонь, а потом пробежал по руке до локтя и там остановился. Дверь погладила его пальцем по пушистой шерстке. Это была темно-коричневая крыса с длинным розовым хвостом. К ее брюшке был привязан сложенный листок бумаги.
– Это крыса, – сказал Ричард, решив, что иногда говорить очевидное простительно.
– Конечно, крыса. Ты не хочешь извиниться?
– Что?
– Извинись.
Может, он не расслышал? Или сошел с ума?
– Перед крысой?
Дверь промолчала, давая понять, что он понял правильно.
– Простите, – с достоинством сказал Ричард крысе. – Я не хотел вас напугать.
Крыса посмотрела на Дверь.
– Нет, нет, он правда не хотел, – сказала девушка. – Это не просто слова. Что вы мне принесли?
Она отвязала сложенный в несколько раз клочок оберточной бумаги – Ричард заметил, что он был примотан к крысе обрывком ярко-синей резинки.
Дверь развернула листок, испещренный мелкими буквами. Быстро пробежав письмо глазами, девушка кивнула.
– Спасибо, – сказала она крысе. – Я очень благодарна вам за все, что вы для меня сделали.
Крыса спрыгнула на пол, бросила гневный взгляд на Ричарда и скрылась.
Девушка по имени Дверь протянула Ричарду обрывок бумаги.
– На, прочитай, – велела она.

* * *

День клонился к вечеру. Начало темнеть, – осень уже давно вступила в свои права. Ричард доехал на метро до Тоттенхэм-корт-роуд и теперь шел на запад по Оксфорд-стрит. В руках он держал клочок коричневой оберточной бумаги. На Оксфорд-стрит было множество магазинов, поэтому даже сейчас, в сумерки, тут толпились туристы.

«Это записка, – сказала она, вручая ему мятый обрывок бумаги, – от маркиза Карабаса».

Ричарду показалось, что он уже где-то встречал это имя.

«Замечательно, – сказал он. – Должно быть, у него закончились открытки».

«Просто так быстрее».

Он прошел мимо шумного, залитого ярким светом огромного магазина «Вирджин», мимо магазинчика для туристов, в котором продавались шлемы лондонских полицейских и

крошечные модели красных двухэтажных лондонских автобусов, мимо кафе, где продавали пиццу кусками, а потом повернул направо.

«Ты должен сделать все так, как написано в записке. Смотри, чтобы за тобой никто не следил. – Дверь вздохнула и добавила: – Не надо было тебя во все это впутывать».

«Если я все сделаю... ты сможешь уйти из моей квартиры?»

«Да».

Он свернул на Хэнвей-стрит. И хотя шумная, ярко освещенная Оксфорд-стрит была всего в двух шагах, словно попал в другой город. Хэнвей-стрит казалась пустынной, заброшенной: узкая, темная улица, больше похожая на переулок, с мрачными магазинами звукозаписи и закрытыми ресторанами. Ее освещал лишь свет из окон нелегальных пабов на верхних этажах домов. Ричард почувствовал страх.

«...сверни направо на Хэнвей-стрит, потом налево на Хэнвей-плейс, потом еще раз направо – на Орм-песседж. Остановись возле первого фонаря...»

«Ты уверена, что так надо?»

«Да».

Ричард не помнил Орм-песседж, хотя и бывал на Хэнвей-плейс не раз: здесь в одном из подвалов находился индийский ресторан, который обожал его коллега Гарри. Насколько Ричард помнил, Хэнвей-плейс заканчивалась тупиком. Ресторан назывался «Мандир». Ричард прошел мимо ярко освещенного входа, глянув на лестницу, ведущую вниз, в ресторан, и повернул налево...

Он ошибался. Отсюда действительно можно было свернуть на Орм-песседж. На стене даже висела табличка: «ОРМ-ПЕССЕДЖ, № 1».

Неудивительно, что он раньше не замечал этой улицы. Ее и улицей-то нельзя было назвать: просто узкий переулок, освещенный газовыми фонарями. «Таких сейчас почти не осталось», – подумал Ричард и поднес клочок бумаги к свету.

«Трижды повернись вокруг себя против движения солнца. Против движения солнца – это то же самое, что против часовой стрелки, Ричард».

Он три раза повернулся, чувствуя себя полным идиотом.

«Зачем вообще все это выделывать, чтобы встретиться с твоим другом? Это же какая-то чепуха...»

«Это не чепуха. Поверь мне. Просто сделай это ради меня, ладно?» – и она улыбнулась.

Ричард остановился, подождал немного и прошел до конца улицы. Пусто. Никого. Рядом с железным мусорным баком гряда тряпья.

– Эй! – крикнул Ричард. – Есть тут кто? Я друг Двери. Эй!

Нет, тут никого не было. Ричард облегченно вздохнул. Теперь можно спокойно вернуться домой и сказать девушке, что ничего не получилось. Потом он вызовет кого надо, и они во всем разберутся. Скомкав бумагу, он бросил ее в бак.

В ту же секунду то, что Ричард принял за груды тряпья, зашевелилось, поднялась, мелькнула рука – и на лету поймала скомканный листок.

– Это, кажется, мое, – сказал маркиз Карабас. На нем был огромный черный плащ, немного смахивавший на сюртук, и высокие черные сапоги, а под плащом – что-то рваное и грязное. В свете фонарей на темном лице ярко поблескивали белки глаз. Он тут же улыбнулся, обнажив белые зубы, словно в ответ на шутку, понятную ему одному,

поклонился Ричарду и сказал:

– Маркиз Карабас к вашим услугам, а вы?..

– Хм... – замялся Ричард. – Ммм. Эээ...

– Вы – Ричард Мэхью, тот самый молодой человек, который спас нашу раненую Дверь. Как она?

– Ммм... Нормально. Ее рука все еще...

– Не переживай, с ней все будет в порядке. У всех членов ее семьи раны заживают в мгновение ока. Странно вообще-то, что их удалось убить.

Говоря все это, маркиз Карабас ходил взад-вперед, как тигр в клетке. Ричард понял, что он из тех людей, которые не могут усидеть на месте.

– А что, ее семью убили? – спросил он.

– Боюсь, мы так ничего не успеем, если ты еще будешь спрашивать о том, что тебя не касается, – ответил маркиз, останавливаясь напротив Ричарда. – Садись, – велел он.

Ричард огляделся, – куда бы здесь сесть? Взяв его за плечо, маркиз с силой толкнул Ричарда, так что тот упал навзничь на мостовую.

– Она отлично знает, что мои услуги стоят недешево. Что она предлагает?

– В каком смысле?

– Каковы условия сделки? Она ведь прислала тебя заключить со мной сделку. За просто так я никому не помогаю.

Ричард пожал плечами, насколько это возможно сделать, лежа на спине.

– Она велела передать, что хочет, чтобы вы отвели ее домой, – а я понятия не имею, где ее дом, – и наняли для нее телохранителя.

Даже когда маркиз стоял спокойно, его глаза все время бегали – вверх-вниз, туда-сюда, словно он что-то искал или о чем-то думал. Складывал, вычитал, взвешивал. Может, он ненормальный?

– А взамен? Что она предлагает взамен?

– Да вроде ничего.

Плюнув себе на ногти, маркиз потер их о лацкан плаща и отвернулся.

– Она *ни* ничего не предлагает, – похоже, он смертельно обиделся.

Ричард поднялся на ноги.

– По крайней мере ни о каких деньгах она не говорила. Сказала только, что будет у вас в долгу.

Глаза маркиза блеснули.

– В каком долгу?

– В огромном долгу, – сказал Ричард. – Она сказала, что будет у вас в огромном долгу.

Карабас ухмыльнулся, как голодная пантера, заведшая в лесу ребенка. Потом снова повернулся к Ричарду.

– И ты оставил ее совсем одну?! – воскликнул он. – В то время как Круп и Вандемар рыщут по городу? Так чего же мы ждем? – Он встал на колени перед люком у обочины, выхватил из кармана какой-то металлический предмет, воткнул его в щель и нажал. Люк открылся. Маркиз сунул предмет на место и вытащил из другого кармана нечто, похожее, как показалось Ричарду, на длинную римскую свечу¹³ или факел. Маркиз провел по нему рукой, и он загорелся, освещая улицу ярко-красным светом.

– Можно спросить? – вмешался Ричард.

– Нет, конечно, – отозвался маркиз. – Значит так. Никаких вопросов, ответов ты все равно не получишь. Не отставай от меня ни на шаг. И даже не пытайся понять, что происходит. Ясно?

– Но...

– И самое главное: никаких «но». А теперь в путь. Прекрасная дама в опасности, –

¹³ Римская свеча – род фейерверка.

заявил Карабас. – Нельзя терять ни минуты. Вперед! – С этими словами он указал в темноту канализационного люка.

Ричард спускался по лестнице, прикрепленной к стенке канализационной шахты, чувствуя себя таким потерянным, что даже первоклассный детектив не смог бы его теперь найти.

* * *

«Интересно, где мы?» – подумал Ричард. Кажется, это не канализация. Скорее, туннель для телефонного кабеля или даже для небольшого поезда. Или... для чего-то еще. Он вдруг понял, что почти ничего не знает о том, как устроены лондонские подземные коммуникации. Ричард шел медленно, опасаясь споткнуться и сломать ногу. А маркиз Карабас уверенно шагал впереди, словно не заботясь о том, идет ли за ним Ричард. Пылающий факел заливал туннель красным светом, на стенах плясали огромные тени.

Ричард бросился догонять маркиза.

– Так... – проговорил Карабас. – Нужно отвести ее на рынок. Ближайший будет, ммм, через два дня, если мне не изменяет память, а она уж конечно мне не изменяет. До тех пор надо бы ее спрятать.

– Рынок? – переспросил Ричард.

– Да, Плавающий рынок. Но тебя это не касается. Хватит задавать вопросы.

Ричард огляделся.

– Вообще-то я хотел спросить, где мы. Но вы, наверное, мне все равно не ответите.

Маркиз снова улыбнулся.

– Молодец, – обрадовался он, – кое-что усвоил. У тебя и без того большие проблемы.

– Не то слово! – вздохнул Ричард. – Меня бросила невеста, а еще мне, видимо, придется покупать новый телефон...

– Темпл и Арка! Поверь мне, телефон – это сушая ерунда! – Маркиз Карабас поставил факел на землю, прислонив к стене, – факел продолжал шипеть, заливая тоннель красным светом, – и стал взбираться вверх по вделанным в стену железным скобам. Немного помедлив, Ричард последовал за ним. Скобы были холодными и ржавыми. Ржавчина, превращавшаяся под руками в пыль, сыпалась вниз, забиваясь ему в глаза и рот. Красный свет внизу замигал и потух. Теперь они карабкались в полной темноте.

– Мы возвращаемся к Двери? – спросил Ричард.

– Ну да. Только сначала мне нужно кое-что уладить, позаботиться о своей безопасности. Когда выйдем наружу, не смотри вниз.

– Почему? – спросил Ричард. Тут ему в глаза хлынул свет, и он невольно посмотрел вниз.

* * *

Яркий дневной свет чуть не ослепил Ричарда. *Дневной свет?* – удивленно подумал он. – *Не может быть. Ведь когда я зашел в переулок, на Лондон уже спустилась ночь, а это было всего-то час назад.* Он карабкался по железной лестнице, вделанной в стену какого-то высокого здания, а под ним...

Под ним был Лондон.

Крошечные машинки, крошечные автобусы и такси, крошечные домики, деревья, малюсенькие грузовички и крошечные, просто микроскопические люди. Он с трудом мог различить все это далеко внизу.

Сказать, что Ричард Мэхью страдал от акрофобии¹⁴, было бы не совсем верно, – это

¹⁴ *Акрофобия* – навязчивый страх, боязнь высоты или высоких мест (балконов, крыш, башен и др.), сопровождающаяся головокружением.

все равно что утверждать, что Юпитер крупнее утки. Нет, Ричарду не просто делалось страшно, когда он оказывался на горе или на последнем этаже высокого здания, – это рождало в нем тупой, невыносимый ужас, от которого потеют руки и хочется кричать во все горло. Ему казалось, что если он подойдет слишком близко к краю, какая-то неведомая сила подтолкнет его, и, не владея собой, он непременно шагнет в пустоту. В такие минуты Ричард переставал доверять самому себе, и это пугало его даже больше, чем сама бездна. И хотя он понимал, что акрофобия – своего рода болезнь, он ненавидел себя за это и старался держаться подальше от высоких зданий и гор.

Ричард застыл, вцепившись в железную скобу. У него заболели глаза, а дыхание стало прерывистым.

– Я вижу, – послышался знакомый веселый голос сверху, – кто-то меня не послушал?

– Я... – У Ричарда пересохло в горле, он судорожно сглотнул. – Я не могу лезть дальше.

Руки у него вспотели. А вдруг потные ладони соскользнут со скобы, и он полетит вниз?..

– Еще чего! Конечно можешь. А впрочем, если хочешь, оставайся здесь, на лестнице. Повисишь пару часов, пока не замерзнут руки, а потом полетишь вниз, разобьешь башку о мостовую и наконец перестанешь бояться.

Ричард посмотрел на маркиза. Тот улыбался, а заметив, что Ричард на него смотрит, отпустил обе руки и помахал ими в воздухе. Ричарда тут же захлестнула волна панического страха.

– Вот сволочь, – пробормотал он, протянул правую руку вверх и нащупал следующую скобу. Потом переставил правую ногу. Протянул левую руку. Так, очень медленно и осторожно, он лез все выше и выше. Вскоре Ричард увидел прямо перед собой край крыши. Перебравшись через него, он растянулся во весь рост.

Он слышал удаляющиеся шаги маркиза, ощущал ладонями шершавое покрытие крыши и всем телом – твердую поверхность. Сердце бешено колотилось в груди.

Неподалеку послышался хриплый голос:

– Что тебе здесь надо, Карабас? Ступай прочь. Прочь!

– Старина Бейли¹⁵, – сказал маркиз, – а ты держишься молодцом!

Кто-то, шаркая, подошел к Ричарду и легонько ткнул его пальцем под ребра.

– Ты жив, приятель? Я как раз приготовил отличное рагу из скворца. Хочешь попробовать?

Ричард открыл глаза:

– Нет, спасибо.

Первое, что он увидел, была куча перьев. Что это было – пальто или плащ, – непонятно, но невообразимое одеяние, казалось, состояло из одних только перьев, а помимо перьев Ричард еще увидел добродушное морщинистое лицо, а на щеках – густые седые бакенбарды. Тело – там, где не было перьев, – было обмотано веревками. Ричард вспомнил спектакль «Робинзон Крузо», на который его водили в раннем детстве, и подумал, что так, скорее всего, выглядел бы Робинзон, если бы его занесло не на необитаемый остров, а на крышу небоскреба.

– Меня зовут старина Бейли, – сказал городской Робинзон Крузо, потом водрузил на нос старые очки, болтавшиеся на шее на веревочке, и пристально посмотрел на Ричарда. – А тебя я что-то не припомню. Ты чей подданный? Как тебя зовут?

Ричард сел. Они были на крыше старинного здания из коричневого камня, с высокой башней, украшенной облезлыми каменными гаргульями, частично утратившими крылья и лапы, а местами и головы. Откуда-то снизу доносился глухой вой полицейской сирены и

¹⁵ *Старина Бейли* – Old Bailey – центральный уголовный суд в Лондоне.

приглушенный рев моторов. Неподалеку, в тени башни, был натянут навес – старый коричневый навес, весь в заплатах и следах птичьего помета. Ричард хотел было представиться, но маркиз рявкнул:

– Молчать! Ни слова! – И повернулся к старине Бейли. – Люди, которые суют свой нос куда не следует, – маркиз щелкнул пальцами прямо под носом у старика, и тот аж подпрыгнул от неожиданности, – рискуют его лишиться. А теперь к делу. Ты у меня в долгу уже двадцать лет, старина Бейли. В большом долгу. И вот теперь я пришел его получить.

Старик моргнул.

– Я был дурак, – тихо сказал он.

– Дурак – это еще мягко сказано, – согласился маркиз. Сунув руку во внутренний карман плаща, он достал небольшую богато украшенную серебряную шкатулку, покрупнее табакерки, но поменьше портсигара. – Ты знаешь, что это?

– Лучше бы не знал.

– Пусть она хранится у тебя.

– Я не хочу.

– У тебя нет выбора, – сказал маркиз.

Старик осторожно взял шкатулку двумя руками – словно она могла в любую секунду взорваться. Маркиз легонько пнул Ричарда в бок массивным сапогом.

– А теперь, – заявил он, – нам пора идти.

С этими словами он зашагал прочь. Ричард встал и пошел за ним, стараясь держаться как можно дальше от края крыши. За каминными трубами оказалась дверь, ведущая в башню. Маркиз открыл ее, и они стали спускаться по винтовой лестнице.

– Что это за старик? – спросил Ричард, пытаясь разглядеть в полумраке очередную ступеньку. Звук шагов эхом разносился по всей башне, лестница слегка подрагивала.

Маркиз Карабас фыркнул.

– Ты ничего не слышал, – сказал он. – У тебя и так одни проблемы. Чем больше ты делаешь, чем больше говоришь и слышишь, тем больше проблем себе создаешь. Молись, чтобы еще не было слишком поздно, потому что ты и так уже далеко зашел.

Ричард склонил голову на бок.

– Простите, – проговорил он, – я понимаю, такое спрашивать неприлично, но все же. Вы в своем уме?

– Может и нет, но вряд ли. А что?

– Потому что кто-то из нас двоих точно сумасшедший.

Было уже совсем темно, и Ричард, попытавшись нащупать ногой следующую ступеньку, ее не обнаружил.

– Береги голову, – предупредил маркиз и открыл дверь. Больно ударившись головой о низкую притолоку, Ричард охнул и вышел наружу, заслонив рукой глаза от яркого света.

Он потер лоб, потом протер глаза. Дверь, через которую они прошли, вела в небольшой чулан в подъезде его собственного дома. Тут хранились метлы, веники, тряпки, старая швабра и всякие чистящие средства. Ричард оглянулся и с удивлением обнаружил, что никаких ступенек в чулане нет и в помине. На задней стене висел лишь старый календарь, совершенно бесполезный, если, конечно, когда-нибудь снова не наступит 1979 год.

Маркиз внимательно разглядывал листок «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?», висевший у двери Ричарда.

– Не самый удачный ракурс, – заметил он.

Ричард закрыл за собой дверь чулана, вынул из кармана ключи, отпер замок и зашел в квартиру. Наконец-то он дома. Бросив взгляд на кухонное окно, он с облегчением отметил, что снаружи снова темно.

– Ричард! – воскликнула Дверь. – Ты привел его!

За время его отсутствия она помылась и, кажется, даже попыталась отчистить одежду от грязи и крови. Руки и лицо ее сияли чистотой. Тщательно вымытые волосы оказались золотисто-каштановыми, даже скорее темно-рыжими, с медным отливом. «Интересно,

сколько ей лет? – подумал Ричард. – Пятнадцать? Шестнадцать? Или больше? Непонятно».

Она надела свою коричневую кожаную куртку, ту самую, в которой была, когда Ричард ее нашел, – огромную, мешковатую куртку, похожую на летнюю, и выглядела в ней еще более хрупкой.

– Привел, – отозвался Ричард.

Маркиз Карабас опустился перед девушкой на одно колено и склонил голову.

– Мое почтение, леди, – сказал он.

Казалось, девушке стало неловко.

– Прошу вас, маркиз Карабас, встаньте. Я так рада, что вы пришли!

Он быстро поднялся и сказал:

– Насколько я понимаю, вы произнесли слова *долг* и *огромный*. Это так? Или вы имели в виду что-то другое?

– Мы поговорим об этом позже, – сказала Дверь, подошла к Ричарду и взяла его за руки. – Спасибо, Ричард. Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Я сменила простыни на кровати. Жаль, я ничего больше не могу для тебя сделать.

– Ты уходишь?

Она кивнула:

– Теперь я в безопасности. Более или менее. По крайней мере, на какое-то время.

– И куда вы пойдете?

Мягко улынувшись, она покачала головой:

– Не спрашивай. Я уйду, и больше ты меня не увидишь. Ты просто молодец. – Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку, как, прощаясь, целуют друг друга хорошие друзья.

– А если мне когда-нибудь понадобится с тобой связаться...

– Не понадобится. Никогда. И еще... – Она немного помолчала, а потом проговорила: – Прости меня за все, ладно?

Ричард смущенно опустил голову и уставился на свои туфли.

– Мне не за что тебя прощать, – пробормотал он и неуверенно добавил: – По-моему, все было отлично.

Когда он поднял голову, в комнате уже никого не было.

Глава III

В воскресенье утром Ричард раскопал в глубине шкафа телефон в виде Бэтмобиля, который подарила ему на Рождество пару лет назад тетя Мод, и воткнул его в розетку. Он попытался дозвониться до Джессики, но безрезультатно. Автоответчик у нее был выключен, мобильный телефон – тоже. Скорее всего, она отправилась к своим родителям в пригород Лондона, а туда Ричард звонить не хотел. Он побаивался родителей Джессики, и не без причины. Они не одобряли выбор своей ненаглядной дочурки, и однажды мать Джессики как бы между прочим сказала Ричарду, что их помолвка ее очень расстроила, и добавила, что Джессика, уж конечно, могла бы найти себе кого-нибудь получше.

Его собственных родителей не было в живых. Отец умер давно, от инфаркта, – Ричард тогда был еще совсем маленьким. Не выдержав такого удара, мать стала медленно угасать. Когда Ричард уехал, она совсем затосковала, и буквально через полгода после отъезда в Лондон ему пришлось срочно вернуться в Шотландию, чтобы два дня просидеть у кровати матери в маленькой местной больнице. Время от времени она его узнавала, но чаще всего ей казалось, что это не Ричард, а его отец.

Так и не дозвонившись до невесты, Ричард сел на диван и задумался. События последних двух дней казались все менее и менее реальными, как будто это произошло не с ним, да и вообще не могло произойти. Гораздо более реальной была запись на автоответчике – та самая, где Джессика говорила, что не хочет больше его видеть. Он отмотал запись назад и прослушал еще раз, потом еще и еще. Он слушал эту запись все воскресенье, каждый раз

пытаясь уловить в голосе Джессики хоть каплю теплоты. Он надеялся найти какой-то признак того, что она еще может его простить. Но так и не нашел.

Ричард хотел было выйти и купить воскресную газету, но передумал. Все воскресные газеты, которые не смог приобрести Руперт Мердок¹⁶, принадлежали боссу Джессики Арнольду Стоктону – хваткому бизнесмену с тройным подбородком и невероятно высоким самомнением. Стоктон являл собой пародию на человека, который сам всего добился. В его газетах писали практически только о нем, как впрочем, и в других тоже. Так что воскресная газета наверняка напомнит Ричарду о том, что он пропустил ужин в пятницу. Ричард принял ванну, съел несколько бутербродов и выпил пару кружек чая. Потом немного посмотрел телевизор. Все это время он мысленно разговаривал с Джессикой, прося у нее прощения. И каждый такой разговор в его воображении заканчивался бурным, неистовым, полным слез и страсти сексом; а потом у них все налаживалось.

* * *

В понедельник утром не зазвонил будильник. Размахивая портфелем, Ричард выскочил из дома без десяти девять и стал лихорадочно выискивать глазами такси. Увидев неподалеку большой черный автомобиль с ярко-желтым знаком на крыше, он с облегчением вздохнул, махнул водителю рукой и крикнул: «Эй, сюда!».

Но такси медленно проехало мимо, свернуло за угол и скрылось из виду.

А вот и еще одно, с таким же светящимся знаком на крыше. На этот раз Ричард выскочил на середину улицы. Ловко обогнув его, таксист поехал дальше. Ричард тихо выругался и помчался к ближайшей станции метро.

Вытащив из кармана горсть мелочи, он нажал на кнопку автомата, – билет до станции «Черинг-кросс», – и отправил в щель несколько монет. Автомат плотоядно проглотил их одну за другой, прожевал и выплюнул обратно. Ричард удивленно смотрел, как монеты со звоном сыпятся в поддон. Билета не было. Ричард попробовал купить билет в другом автомате. Бесплезно. И еще в одном. Кассир увлеченно беседовал с кем-то по телефону, когда Ричард подбежал к нему пожаловаться на автоматы и купить билет в кассе. Он громко кричал: «Эй, вы!» и «Мне нужен билет!» и даже стучал монетой по стеклу, но несмотря на его крики – а может быть, даже *назло*, – кассир продолжал болтать по телефону, не обращая на Ричарда ни малейшего внимания.

– Да пошли вы все! – выругался Ричард и перемахнул через турникет. Никто его не остановил – всем было наплевать. Задыхаясь и истекая потом, он сбежал вниз по эскалатору и оказался на платформе, где уже собралась целая толпа. В ту же минуту подошел поезд.

В детстве Ричарду часто снились кошмары о том, что его словно бы не существует, – как бы громко он ни кричал, что бы ни делал, никто его не замечал. Сейчас он испытал именно такое чувство. Люди, выходявшие из вагона, и те, кто собирался зайти, толкали его, оттесняли назад, похоже, просто не видя.

Ричард изо всех сил пытался проложить себе путь в толпе, работая локтями и протискиваясь вперед, и ему уже почти удалось прорваться в вагон, – он решил во что бы то ни стало сесть на этот поезд, – как вдруг двери начали закрываться. Ричард отпрянул назад, но двери защемили рукав его плаща. Он заколотил по стеклу и закричал, в надежде, что машинист хоть на миллиметр приоткроет двери, и ему удастся высвободиться. Но поезд тронулся, и Ричарду пришлось бежать за ним, все быстрее и быстрее. Бросив портфель, он отчаянно дергал свободной рукой за рукав. В конце концов ткань не выдержала и треснула; Ричард от неожиданности упал на каменные плиты, поранив руку и разорвав брюки на коленях. С трудом поднявшись на ноги, он поплелся назад и подобрал портфель. Растерянно

¹⁶ *Руперт Мердок* (Murdock, Rupert, р. 1931) – основатель и владелец «Ньюс корпорейшн», глобальной империи средств массовой информации, объединяющей американскую сеть телепрограмм «Фокс» и около 150 газет и журналов.

посмотрел на оторванный рукав, на ссадину на руке и порванные брюки. Потом поднялся по лестнице и вышел из метро. Билет у него так никто и не спросил.

* * *

– Простите, что опоздал, – ни к кому не обращаясь, сказал Ричард, добравшись наконец до офиса.

На часах было 10:30. Ричард бросил портфель на стул и вытер лицо платком.

– Вы не поверите, я едва добрался, – продолжал он. – Просто кошмар какой-то.

С этими словами он глянул на свой стол. Чего-то не хватало. Точнее, не хватало всего.

– А где мои вещи? – немного громче спросил он. – Где телефоны? Где тролли?

Ричард заглянул в ящики стола – пусто. Нет даже обертки от «марса», даже какой-нибудь скрепки, – ничего, словно Ричард вообще никогда не работал за этим столом. Тут он заметил, что к нему направляется Сильвия, а с ней два здоровых типа. Ричард подошел к ним.

– Сильвия! В чем дело?

– Что, простите? – вежливо переспросила Сильвия. Не дожидаясь ответа, она указала здоровякам на стол. Те послушно подняли его и понесли к выходу.

– Осторожнее, – предупредила Сильвия.

– Это же мой стол! Куда они его несут?

Сильвия удивленно посмотрела на Ричарда.

– Простите, а вы кто?

Что за бред? – подумал Ричард.

– Ричард, – саркастически сказал он. – Ричард Мэхью.

– А-а-а, – протянула она. И в ту же секунду ее внимание соскользнуло с Ричарда, как соскальзывает вода с покрытых жиром утиных перьев. – Нет, не туда! Только не туда! – закричала она грузчикам и поспешила за ними. Между тем грузчики уносили рабочий стол Ричарда в неизвестном направлении.

Ричард посмотрел им вслед и подошел к столу Гарри. Тот писал письмо. Ричард глянул на экран: письмо, явно интимного свойства, было адресовано почему-то не девушке Гарри. Ричарду стало неловко, и он обошел стол так, чтобы не видеть экрана.

– Гарри, что тут происходит? Это, что, шутка?

Гарри оглянулся, будто что-то услышал. Поспешно нажал на клавишу, выводя на экран «обои» с танцующим бегемотом, потом тряхнул головой, будто ему что-то померещилось, взял телефонную трубку и начал набирать номер. Ричард хлопнул по телефону, прерывая вызов.

– Слушай, Гарри, это уже не смешно. Все вокруг притворяются, что не видят меня. Можешь мне объяснить, в чем дело?

Наконец, к огромному облегчению Ричарда, Гарри поднял голову и посмотрел на него.

– Если меня уволили, – продолжил Ричард, – так и скажи. Зачем делать вид, что меня здесь нет?..

Тут Гарри улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте! Меня зовут Гарри Перуну. Чем могу вам помочь?

– Думаю, ничем, – мрачно ответил Ричард и вышел из кабинета, оставив на стуле портфель.

* * *

Офис Ричарда располагался на четвертом этаже старого, немного обшарпанного дома неподалеку от Стрэнда. Джессика работала поблизости, в Сити, в огромном современном здании с большими зеркальными окнами, до которого от офиса Ричарда было всего минут пятнадцать ходу.

Ричард домчался за десять. Прошел мимо охранников на первом этаже, зашел в лифт и нажал на кнопку. В лифте на стенах были зеркала, так что, пока ехал, он успел вдоволь на себя налюбоваться. Галстук развязался и перекосябочился, рукав плаща оторван, брюки продраны на коленках, волосы слиплись от пота... Боже, какой кошмар!

Наконец прозвенел звонок, и двери лифта раздвинулись. Ричард оказался на этаже, где работала Джессика. Несмотря на общий дух минимализма, все здесь дышало роскошью. У лифта сидела секретарша – элегантная, уверенная в себе девушка, которая наверняка получала в несколько раз больше, чем Ричард. Она читала «Космополитен» и, когда Ричард подошел, даже не подняла головы.

– Мне нужно к Джессике Бартрам, – сказал он. – По очень важному делу. Мне необходимо срочно с ней поговорить.

Секретарша принялась с большим интересом разглядывать свои ногти, по-прежнему не обращая на Ричарда внимания. Не чуя ног, он промчался по коридору до кабинета Джессики, открыл дверь и вошел. Джессика стояла перед тремя огромными плакатами. На всех трех было написано: «Ангелы над Англией – передвижная выставка», и изображены ангелы, на каждом плакате свой. Когда Ричард вошел, Джессика повернулась к нему и мило улыбнулась.

– Джессика! Слава богу! Знаешь, я, кажется, схожу с ума. Утром я не смог поймать такси, а потом оказалось, что в офисе меня никто не узнает, а еще в метро меня зажало... – Он показал ей оторванный рукав. – Все ведут себя так, будто я вообще не существую.

Джессика улыбнулась еще шире, словно пытается его утешить.

– Слушай, – продолжил Ричард. – Прости меня за тот вечер. Мне очень стыдно. Не потому, что я решил помочь той девушке, а потому, что обидел тебя и... Слушай, прости меня! Весь мир сошел с ума, и я вообще не понимаю, что мне теперь делать.

Джессика кивнула, продолжая сочувственно улыбаться, а потом сказала:

– Вы, наверное, решите, что я тоже сумасшедшая, но, понимаете, у меня ужасная память на лица. Погодите минуту, сейчас я вспомню, кто вы.

И тут Ричард понял, что его действительно никто не узнает, и содрогнулся. Значит, все, что сегодня творится, – не страшный сон, не шутка и не розыгрыш. Нет, все это происходит на самом деле.

– Да ладно, – пробормотал он, – не стоит.

С этими словами Ричард вышел из кабинета и поплелся назад по коридору. Когда он был уже у лифта, Джессика крикнула ему вслед:

– Ричард!

Он обернулся. Значит, это все-таки *шутка*! Злая шутка в отместку за то, что он сделал. Что ж, по крайней мере теперь все встало на свои места.

– Ричард... Мэбери? – судя по всему, она была очень рада, что вспомнила, как его зовут.

– Мэхью, – поправил Ричард и зашел в лифт. Снова послышался печальный звонок, и двери закрылись.

* * *

Расстроенный, злой и окончательно сбитый с толку, Ричард побрел домой. Время от времени он махал рукой, даже не надеясь, что водитель такси его заметит, и машины действительно проезжали мимо. У Ричарда страшно устали ноги и болели глаза, но он еще пытался убедить себя, что все будет в порядке, начнется новый, нормальный понедельник, самый обычный, *настоящий*.

Добравшись до дома, Ричард набрал ванну, разделся, бросил одежду на кровать и, пройдя голым через всю квартиру, опустился в приятную горячую воду. Он уже почти заснул, когда услышал, как в замке повернулся ключ, входная дверь открылась, потом закрылась, и мужской голос сказал:

– Разумеется, вы первые, кому я показываю эту квартиру, однако поверьте, у меня длинный список желающих здесь поселиться.

– А она совсем не такая большая, как выглядит в проспектах, которые вы нам прислали, – слышался женский голос.

– Да, она такая... компактная. И лично я считаю, что это большой плюс.

Ричард не запер дверь в ванную. С какой стати? Ведь он жил один.

Хриплый и сердитый мужской голос сказал:

– Насколько я помню, вы говорили, что квартира не обставлена. Это вы называете не обставлена? Да она буквально забита мебелью!

– Вероятно, предыдущий жилец еще не все увез. Странно, что мне об этом не сообщили.

Ричард встал, но тут же вспомнив, что он не одет, и сообразив, что эти люди могут в любую минуту войти в ванную, снова сел и принялся лихорадочно оглядываться в поисках полотенца.

– Ой, Джордж, гляди! – вдруг сказала женщина в гостиной. – Кто-то забыл на стуле полотенце.

Ричард стал искать что-нибудь, что могло бы заменить полотенце: губка? Полбутылки шампуня? Желтая резиновая уточка?

– Не могли бы вы показать нам ванную? – попросила женщина.

Ричард прикрылся какой-то мокрой тряпкой, вжался в стену и приготовился к самому худшему. Дверь распахнулась. В ванную вошли трое: молодой парень в пальто из верблюжьей шерсти и супружеская пара средних лет. Должно быть, они смутятся не меньше, чем я, подумал Ричард.

– Маленькая, – проворчала женщина.

– Компактная, – поправил тип в верблюжьем пальто. – Зато ее легче убирать.

Дама провела пальцем по краю раковины и поморщилась.

– Я думаю, мы все посмотрели, – заявил мужчина.

Они вышли.

– Квартира, конечно, небольшая, но это даже *хорошо*, – сказала женщина. Потом они стали тихо переговариваться. Ричард выбрался из ванны и подкрался к двери. Заметив полотенце, по-прежнему висевшее на спинке стула, он подался вперед и схватил его.

– Мы согласны, – объявила женщина.

– Правда? – уточнил тип в пальто.

– Да. Это именно то, что нам нужно, – ответила дама. – Сейчас, правда, в квартире много чужих вещей, но мы тут обустроимся, и станет вполне уютно. Мы можем въехать в среду?

– Разумеется! Завтра же вывезем отсюда весь этот хлам.

Замерзший, мокрый, в одном полотенце на бедрах, Ричард гневно посмотрел на них с порога ванной.

– Это не хлам, – сказал он. – Это мои вещи!

– Хорошо, тогда мы возьмем ключи в агентстве.

– Простите, – жалобно промямлил Ричард, – но я здесь живу!

Все трое прошли мимо него к входной двери.

– С вами очень приятно иметь дело, – сказал парень в пальто.

– Неужели вы... неужели никто меня не слышит?! Это моя квартира. Я здесь живу!

– Условия контракта можете прислать по факсу... – сказал сердитый мужчина, дверь за ними захлопнулась, и наступила тишина.

Дрожа от холода, Ричард так и остался стоять посреди квартиры, которую он еще недавно считал своей.

– Этого просто не может быть! – сказал он в пустоту, упрямо отказываясь верить в очевидное.

Тут затрещал Бэтмобиль, весело мигая фарами. Ричард робко взял трубку:

– Алло!

В трубке что-то зашипело, потом послышался громкий треск, словно звонили откуда-то издалека. Наконец раздался незнакомый голос:

– Мистер Мэхью? Это Ричард Мэхью?

– Да, – отозвался Ричард, а потом с облегчением добавил: – Вы меня слышите! Ну слава богу! Кто это?

– Мы с моим партнером имели честь разговаривать с вами в воскресенье, мистер Мэхью. Я пытался выяснить, не знакомы ли вы с некоей молодой леди. Помните? – голос был приторно-сладкий, мерзкий, хитрый.

– Ах, да. Помню. Это вы.

– Мистер Мэхью, вы сказали, что Двери у вас нет. Однако у нас есть основания полагать, что вы существенно исказили истину.

– Ну и что? А *вы* сказали, что вы ее брат.

– Все люди братья, мистер Мэхью.

– Ее здесь больше нет. И я понятия не имею, где она.

– Знаем, мистер Мэхью. Нам отлично известно и то и другое. Честно говоря, мистер Мэхью, – насколько я понимаю, вы теперь не против того, чтобы говорить честно, верно? – я бы посоветовал вам забыть об этой девушке. Жить ей осталось считанные дни, и, уж поверьте, чтобы сосчитать их, можно обойтись без двузначных чисел.

– Зачем вы мне звоните?

– Мистер Мэхью, – вежливо сказал мистер Круп, – вы когда-нибудь пробовали печень? Свою печень? – Ричард промолчал. – У вас будет такая возможность. Мистер Вандемар пообещал собственноручно извлечь ее и засунуть вам в глотку, прежде чем он перережет вашу тощую шею. Так что вы ее наверняка попробуете.

– Не смейте мне угрожать, я позвоню в полицию!

– Мистер Мэхью, вы вольны звонить куда хотите. Но напрасно вы думаете, что мы вам угрожаем. Ни я, ни мистер Вандемар никогда никому не угрожали, – не правда ли, мистер Вандемар?

– Да ну! А что же вы тогда сейчас *делаете* ?

– Даем вам обещание, которое исполним, когда придем, – донеслось до Ричарда сквозь невыносимый треск, эхо и шипение. – Кстати, мы прекрасно помним, где вы живете! – На этом мистер Круп повесил трубку.

Ричард сжал в руке Бэтмобиль, пристально посмотрел на него, потом быстро набрал «999» – пожарные, полиция, «скорая помощь».

– Вы позвонили в службу спасения, – сказал оператор. – С кем вас соединить?

– Соедините меня, пожалуйста, с полицией. Меня только что угрожали убить, и я думаю, что они не шутят.

Оператор долго молчал. Ричард надеялся, что сейчас его переключат на полицию. Через некоторое время оператор повторил:

– Алло! Это служба спасения. Алло! Вы меня слышите? Алло!

Ричард повесил трубку, прошел в спальню и оделся, потому что был совсем голый и страшно замерз, и очень испугался, и совсем не знал, что ему теперь делать.

* * *

В конце концов он вытащил из-под кровати черную спортивную сумку и бросил в нее носки, трусы, пару футболок, паспорт, бумажник. Натянул на себя джинсы, толстый свитер и кроссовки. Ему вспомнилось, как девушка по имени Дверь прощалась с ним. Как она помолчала, как сказала «прости»...

– Ты знала, – сказал он пустой квартире. – Ты знала, что со мной произойдет.

Он пошел на кухню, взял из вазы несколько бананов, положил в сумку, застегнул ее и вышел на темную улицу.

* * *

С тихим жужжанием карточка скрылась в слоте банкомата. На экране высветилось: «ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПИН-КОД». Ричард быстро ввел свой пин-код (Д-И-К). Экран погас. Потом появилась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ», и экран снова погас. В автомате что-то заворчало и зарокотало.

«ДОСТУП ЗАКРЫТ. ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ В КОМПАНИЮ, ВЫДАВШУЮ КРЕДИТНУЮ КАРТУ». Послышался громкий лязг, и карточка вылезла из слота.

– Не найдется пары монет? – устало протянул кто-то за спиной у Ричарда.

Он обернулся: позади стоял невысокий, лысый старик со спутанной желтовато-седой бородой и глубокими морщинами, избороздившими грязное лицо. Грязное пальто поверх рваного темно-серого свитера. Серые, слезящиеся глаза.

Ричард протянул незнакомцу свою кредитку.

– Вот, возьмите, – сказал он. – На ней полторы тысячи фунтов. Может, вам повезет больше, и вы сумеете до них добраться.

Мужчина взял карточку своими черными от грязи пальцами, посмотрел на нее, перевернул и сказал:

– Ну спасибо. Если дашь еще шесть пенсов, я смогу купить себе чашку кофе, – он вернул Ричарду карточку и пошел прочь.

Схватив сумку, Ричард быстро догнал старика и сказал:

– Постойте! Так вы меня видите?

– Конечно, вижу! *Я* же не слепой, – отозвался нищий.

– А вы случайно не знаете, где находится некий Плавающий рынок? – спросил Ричард. – Мне очень нужно туда попасть. Девушка по имени Дверь...

Но старик не дал ему договорить – он испуганно попятился.

– Прошу вас, помогите, – сказал Ричард. – Ну пожалуйста!

Нищий смотрел на него без всякого сочувствия. Ричард вздохнул:

– Что ж, ладно. Простите, что побеспокоил.

Отвернувшись, он крепко сжал ручку спортивной сумки, чтобы старик не увидел, как дрожат руки, и пошел по Хай-стрит.

– Постой! – прохрипел вдруг нищий. Ричард оглянулся. Старик помахал ему рукой. – Иди сюда, да поживей.

Нищий повел его к одному из обветшалых домов, – лестница, которая вела к заброшенным квартирам в подвалах, была сплошь засыпана мусором. Открыв дверь вниз, старик подождал, пока Ричард зайдет, а потом запер ее у него за спиной. Они оказались в крошечной тьме. Послышался шорох, и Ричард увидел в руке у нищего горящую спичку, которую тот поднес к фитилю старого железнодорожного фонаря. Фонарь давал света не намного больше спички. Старик повел Ричарда куда-то в темноту.

Воздух здесь был затхлый, пахло сыростью и старыми кирпичами.

– Где мы? – прошептал Ричард, но старик шикнул на него, приказывая молчать.

Вскоре они добрались до еще одной двери. Старик постучал условным стуком, и через некоторое время дверь распахнулась.

В первую секунду Ричарда ослепил свет. Он оказался в огромном сводчатом помещении – подземном зале, – наполненном ярким красноватым светом и дымом. Там горели небольшие костры. Возле них стояли люди, лица которых невозможно было различить в полумраке зала, – и жарили мясо на вертелах. Другие сновали между кострами. Ричарду показалось, что он попал в ад, – по крайней мере, именно таким ад представлялся ему в детстве. У него запершило в горле от дыма, и он закашлялся. Тотчас же на него уставились сотни глаз, которые смотрели холодно и недружелюбно.

К Ричарду и старику подскочил какой-то человек. Длинноволосый, с клочковатой каштановой бородой, в рваной одежде, отороченной мехом, – оранжево-бело-черным, как у

леопарда. Он был явно выше Ричарда, но сильно сутулился, а руки держал у груди, скрючив пальцы на манер какого-нибудь грызуна.

– Это еще кто такой? Кто такой? Кто? – спросил он у нищего. – Кого это ты привел к нам, Илиастер? Скажи-скажи-скажи.

– Он из Верхнего мира, – ответил старик (*Илиастер ?* – подумал Ричард). – Все выпрашивал про леди Дверь. И про Плавающий рынок. Вот я привел его к вам, предводитель крыситов. Вы наверняка знаете, что с ним делать.

Их окружили уже человек десять – все в отороченной мехом одежде, мужчины и женщины, даже дети. Они передвигались довольно странно, мелкими перебежками, – замирали на секунду, а потом бросались вперед, к Ричарду.

Порывшись в своем меховом тряпье, предводитель крыситов достал большой, дюймов восемь длиной, осколок стекла, один конец которого был обмотан обрывками меха, так что осколок напоминал острый кинжал с рукояткой. В стеклянном клинке отражался огонь костров.

Предводитель приставил осколок к горлу Ричарда.

– О, да. Да-да-да, – весело пропищал он. – Я *отлично* знаю, что с ним делать.

Глава IV

Мистер Круп и мистер Вандемар обосновались в больнице, построенной в викторианскую эпоху и закрытой десять лет назад в связи с сокращением финансирования. Застройщик, обещавший превратить это здание в великолепный многоквартирный дом класса «люкс», исчез, как только больница закрылась, и с тех пор вот уже сколько лет мрачное, заброшенное сооружение с заколоченными окнами и навесными замками на дверях стояло бесхозным. Крыша прохудилась, дождевая вода стекала на пол, и здесь воцарились вечная сырость и запустение. Из внутреннего двора просачивался тусклый, серый свет.

В верхних этажах были заброшенные палаты, а в подвале – сотни комнатушек, одни из которых стояли совсем пустые, а в других громоздилось ржавеющее оборудование. Одну из них почти целиком занимала квадратная металлическая печь, а по соседству располагались неработающие туалеты и душевые. Повсюду стояли грязные лужи, и в них отражалась эта безрадостная картина.

Если спуститься по лестнице и пройти мимо заброшенных душевых и туалетов для персонала через комнату, усыпанную осколками стекла, где провалился потолок и видно ступеньки этажом выше, можно добраться до ржавой лестницы с отслаивающейся белой краской. А если сойти по ржавым ступеням и пересечь лужу грязной стоялой воды внизу, то за растрескавшейся деревянной дверью вы найдете помещение, в котором на протяжении ста двадцати лет в больнице скапливался всякий хлам. Тут, среди хлама, и обустроились мистер Круп и мистер Вандемар. Вода капала с потолка и сочилась по стенам. В углах что-то догнивало – «что-то», что, возможно, когда-то было живым.

Мистер Круп и мистер Вандемар убивали время. Мистер Вандемар нашел где-то ярко-оранжевую сороконожку восьми дюймов длиной с ядовитыми изогнутыми жвалами и теперь возился с нею. Она крутилась меж его пальцев, залезала в один рукав и выбиралась из другого. Мистер Круп баловался с бритвами. Он обнаружил в углу целую коробку бритв пятидесятилетней давности, обернутых в тонкую пергаментную бумагу, и теперь пытался придумать, что бы такое с ними сотворить.

– Не могли бы вы обратить на меня взор ваших глаз, мистер Вандемар? – промолвил он.

Мистер Вандемар осторожно зажал сороконожку между большим и указательным пальцами и поглядел на мистера Крупа.

Тот, растопырив пальцы, приложил руку к стене. Затем достал четыре лезвия, тщательно прицелился и метнул их в стену одно за другим. Лезвия вонзились в штукатурку между пальцами. Мистер Круп убрал руку, довольный своим представлением – лезвия

остались в стене веером, – и повернулся к напарнику.

Мистер Вандемар, однако, не оценил его мастерства.

– И что? Ты же *ни в один* палец не попал!

Мистер Круп вздохнул.

– Да ну? Черт меня подери, ты прав! Как это я мог так опростоволоситься? – Он вытащил лезвия из стены и швырнул их на деревянный стол. – Может, покажешь, как надо?

Мистер Вандемар кивнул. Посадил сороконожку в банку из-под джема, приложил левую руку к стене, а в правую взял нож – острый, длинный, идеально сбалансированный. Прищурился и метнул. Нож просвистел в воздухе – как свистит нож, пущенный с большой силой, – и вонзился в мокрую штукатурку, пригвоздив руку.

Зазвонил телефон.

Мистер Вандемар оглянулся и с самодовольной ухмылкой объявил:

– *Вот* как надо.

В углу стоял старинный телефон с корпусом, выполненным из дерева и эбонита, которым не пользовались с двадцатых годов. Мистер Круп поднес к уху динамик на длинном матерчатом шнуре и, склонившись к аппарату, заговорил в микрофон:

– Круп и Вандемар, «Древнейшая фирма». Устранение препятствий, уничтожение помех, усекновение ненужных конечностей, а также стоматология наоборот к вашим услугам.

Ему что-то сказали. Мистер Круп поморщился. Мистер Вандемар тем временем безуспешно пытался оторвать от стены пригвожденную руку.

– Да, сэр. Разумеется, сэр. Осмелюсь доложить, что телефонные коммуникации с вами воистину скрашивают наши однообразные и безрадостные будни. – Он немного помолчал. – Хорошо, хорошо, никакого подхалимства. Безмерно рад. Такая честь... Что нам известно? – Он умолк, сосредоточенно, с наслаждением поковырял в носу и только потом продолжил: – Нам не известно, где она в данный момент. Но это и не нужно. Сегодня вечером она обязательно появится на рынке... – Он стиснул зубы. – Нет, мы не собираемся нарушать перемирие. Подождем, пока она покинет рынок, тогда и прикончим...

Он умолк, слушая, что ему говорят, и время от времени кивая.

Мистеру Вандемару между тем все не удавалось выдернуть из стены нож – лезвие вонзилось слишком глубоко.

– Да, это можно устроить, – проговорил мистер Круп. – То есть, мы, *разумеется*, все устроим. Конечно. Да-да. Понимаю. И еще, сэр, может быть, мы могли бы обсудить...

Но его собеседник уже положил трубку. Мистер Круп недоуменно посмотрел на динамик и повесил его на место. – Думаешь, ты один такой умный? – прошипел он. И, заметив, как мистер Вандемар дергается у стены, бросил: – Прекрати!

Он с легкостью извлек из стены лезвие, освободив руку мистера Вандемара, и швырнул нож на стол.

Вандемар потряс рукой, размял пальцы и вытер с лезвия крошки штукатурки.

– Кто это был?

– Босс. Оказалось, с той, другой, ничего не получится. Слишком мала. Так что ему нужна Дверь.

– Значит, ее теперь нельзя убивать?

– О да, друг мой, ты верно резюмировал сказанное нашим уважаемым работодателем. Кстати, мисс Дверь объявила, что ищет телохранителя. И выберет его на рынке. Сегодня.

– И? – Мистер Вандемар плюнул на рану сначала с одной стороны ладони, потом с другой, и растер слюну большим пальцем. Рана мгновенно затянулась, не осталось даже шрама.

Мистер Круп поднял с пола свой плащ – тяжелый, черный, сильно заношенный – и надел его.

– Ну-с, мистер Вандемар, может, и нам пора нанять себе телохранителя?

Мистер Вандемар спрятал нож в рукав, тоже надел плащ, сунул руки в карманы и с радостью обнаружил в одном из них почти целую мышь. Отлично. Он как раз проголодался. Потом он принялся размышлять над тем, что сказал мистер Круп, тщательно, словно патологоанатом, который препарирует любовь всей своей жизни, и обнаружил в логике напарника серьезный изъян.

– Нам не нужен телохранитель, мистер Круп, – сообщил он. – Нам некого бояться. Это другие боятся нас.

Мистер Круп выключил свет.

– Да что вы, мистер Вандемар?! – медленно проговорил мистер Круп, как всегда, наслаждаясь каждым словом. – Неужели вы хотите сказать, что нам нельзя причинить боль?

Мистер Вандемар несколько секунд раздумывал, а потом ответил четко и ясно:

– Нет.

* * *

– Шпион из Верхнего мира, да? – прошипел предводитель крыситов. – Я выпущу тебе кишки, чтобы предсказать по ним будущее.

– Послушайте, – пробормотал Ричард, прижатый спиной к стене и с кинжалом из стекла у горла. – Вы, вероятно, ошиблись. Меня зовут Ричард Мэхью. Я могу это доказать. У меня есть читательский билет. Есть кредитки. Вещи, – в отчаянии добавил он.

И вдруг обостренным зрением человека, которому какой-то псих собирается перерезать горло, Ричард увидел, что в дальнем конце зала люди падают на колени и склоняют головы в почтительном поклоне, а по полу движется черная тень.

– Если рассуждать здраво, это чистое недоразумение, – проговорил он, сам не очень-то понимая, что хочет этим сказать. Сейчас он знал только одно: если он что-то говорит, значит, еще жив. – Почему бы вам не убрать свой кинжал... Пойдите! Это моя сумка! – закричал он, увидев, как худенькая нечесаная девушка лет восемнадцати схватила его сумку и принялась вытряхивать на пол вещи.

Один за другим люди падали на колени – черная тень приближалась и вскоре добралась до тех, кто окружал Ричарда. Впрочем, они этого не заметили, потому что смотрели только на него.

Черная тень при ближайшем рассмотрении оказалась крысой. Она с любопытством разглядывала Ричарда. И ему на секунду показалось – хотя, разумеется, это был полный бред, – что крыса ему *подмигнула*. А потом она вдруг громко запищала.

Человек с кинжалом рухнул на колени. Так же, как и остальные. Секунду подумав, их примеру последовал и бродяга, которого тут называли Илиастер. Ричард остался стоять, но худенькая девушка потянула его за рукав, и он тоже опустился на колени.

Предводитель крыситов поклонился так низко, что его длинные волосы коснулись пола, и запищал, зацокал, защелкал, морща нос и обнажая зубы, словно и сам тоже был огромной крысой.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь... – начал Ричард, но девушка шикнула:

– Тихо!

Крыса забралась в грязную ладонь предводителя крыситов – с некоторой безразличностью, как показалось Ричарду, – и тот поднес ее к самому его лицу. Крыса медленно поводила хвостом, всматриваясь ему в глаза.

– Это господин Долгохвост из клана серых, – сообщил предводитель крыситов. – Он говорит, что уже видел тебя. И спрашивает, встречались ли вы раньше?

Ричард и крыса с минуту изучали друг друга.

– Может быть.

– Он говорит, что передавал тебе сообщение от маркиза Карабаса.

Ричард присмотрелся.

– А, так это *тот самый* крыс? Да, мы встречались. Я швырнул в него пультом от

телевизора.

Окружающие в ужасе переглянулись. Девушка взвизгнула.

Но Ричарду было не до них. Слава богу, хоть кто-то знакомый в этом хаосе.

– Привет, крысунчик. Рад тебя видеть. Ты не знаешь, где Дверь?

– Крысунчик! – то ли всхлипнула, то ли пискнула девушка. К ее лохмотьям был прицеплен потертый красный значок, какие бывают прикреплены к открыткам. На нем желтыми буквами было написано: «Мне 11».

Предводитель крыситов угрожающе помахал перед носом Ричарда кинжалом.

– Обращаться к господину Долгохвосту только через меня, понял? – Крыс что-то пропищал, и предводитель поморщился. – Его? – переспросил он, брезгливо косясь на Ричарда. – У меня нет лишних людей. Лучше я перережу ему горло и отправлю к жителям канализации...

Крыс снова что-то пропищал, на этот раз сердито, а потом спрыгнул с руки предводителя на пол и исчез в дыре в плинтусе.

Предводитель встал. Сотни глаз обратились на него. Он повернулся к своим невымытым подданным, сгрудившимся у костров.

– Чего уставились? – рявкнул он. – Кто будет следить за мясом? Хотите, чтобы все подгорело? Нет тут ничего интересного. Займитесь своими делами. И ты вставай, чего ждешь? – Ричард обеспокоенно поднялся с колен. Левая нога у него затекла, и он принялся ее растирать. Предводитель повернулся к Илиастеру: – Надо отвести его на рынок. Приказ господина Долгохвоста.

Илиастер покачал головой и сплюнул.

– Я не поведу, – сказал он. – Это уже слишком. Вы, крыситы, всегда мне помогали, но я не могу его отвести. Вы же знаете.

Предводитель кивнул, убрал кинжал под шубу, а потом повернулся к Ричарду и оскалился, обнажив желтые зубы.

– Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

– Нет, я знаю, – пробормотал Ричард.

– Не знаешь, – отрезал предводитель. – Ничего ты не знаешь. – Он тряхнул головой и удивленно повторил: – Надо же, «крысунчик»!

Затем взял под руку Илиастера и отвел в сторонку. Они о чем-то шептались, то и дело косясь на Ричарда.

Девушка тем временем ела банан, который нашла в сумке. Ричард подумал, что трудно себе представить менее эротичное поедание банана.

– Это был мой завтрак, – сообщил он. Она виновато глянула на него. – Меня зовут Ричард. А тебя?

Он вдруг понял, что она успела съесть все бананы, которые он взял с собой. Проглотив последний кусок, она пробормотала что-то похожее на «Анестезия» и добавила:

– Мне есть хотелось.

– Но я-то тоже хочу есть!

Она поглядела на костры и улыбнулась Ричарду.

– Кошек любишь?

– Ну, в общем, да. Я люблю кошек.

Анестезия облегченно вздохнула.

– Бедрышко или грудку?

* * *

Дверь шла через двор. За ней шагал маркиз Карабас. В Лондоне сотни таких дворов, закутков и проулков – островков старины, которые ничуть не изменились за последние

триста лет. Даже запах мочи здесь стоит точно такой же, как во времена Сэмюэла Пипса¹⁷. До рассвета был еще час, но небо уже начало светлеть и сделалось тускло-свинцовым. В воздухе висели клочья тумана, похожие на привидения.

Грубо заколоченная дверь была обклеена плакатами, рекламировавшими всеми забытые музыкальные группы и давно закрывшиеся ночные клубы. Маркиз скептически уставился на потертые доски, ободранные плакаты и кривые гвозди – впрочем, он всегда и на все смотрел скептически.

– Это и есть вход? – спросил он.

Дверь кивнула:

– Один из входов.

Маркиз сложил руки на груди.

– Ну. Скажи ей: *Сезам, откройся!* – или что ты там говоришь.

– Я не хочу идти туда. Мне кажется, мы совершаем ошибку.

– Хорошо. Тогда до встречи. – Он резко развернулся и пошел прочь.

Дверь схватила его за рукав.

– Вы меня бросаете? Вот так просто?

Он улыбнулся холодной официальной улыбкой.

– Конечно. Я занятой человек. Меня ждут дела, меня ждут люди.

– Нет, подождите. – Она отпустила его и прикусила губу. – Последний раз я была там, когда... – она не закончила.

– Когда была там последний раз, ты обнаружила, что всех твоих родных убили. Да, я это уже понял. Ты говорила. Но если мы туда не идем, я считаю, что наше сотрудничество закончено.

Она подняла на него глаза. Ее лицо казалось совсем бледным в этот серый предрассветный час.

– И это все?

– Ну, я мог бы пожелать тебе удачи в будущем. Однако, полагаю, ты до этого будущего не доживешь.

– Вы человек дела, да?

Он промолчал. Она вернулась в двери.

– Ладно. Я проведу вас.

Девушка положила левую руку на заколоченную дверь, а правой взяла за руку маркиза. Ее тонкие пальчики потерялись в его огромной коричневой ладони. Она закрыла глаза.

...Что-то зашептало, задрожало, изменилось...

...Дверь исчезла во тьме...

* * *

Воспоминания были совсем свежими. Всего несколько дней прошло с тех пор, как она шла по Дому без Дверей и кричала: «Эй? Где вы?». Переходила из холла в столовую, библиотеку, гостиную – никого.

Она отправилась дальше. Бассейн был викторианский, отделанный мрамором, с чугунными украшениями. Отец нашел его очень давно. Бассейном никто не пользовался и его собирались снести, а отец включил его в Дом без Дверей. Может быть там, в Верхнем Лондоне, эта комната давно исчезла и даже память о ней стерлась. Дверь понятия не имела, где физически находятся комнаты ее дома. Собрать его начал дедушка – медленно, по одной комнате. Он выискивал их по всему Лондону и незаметно присоединял к дому, в котором не было ни одной двери. Его труд продолжил отец.

Она шла вдоль бассейна, радуясь, что снова оказалась дома, и удивляясь, куда все

¹⁷ Сэмюэл Пипс (1633–1793) – английский чиновник, автор дневника, посвященного жизни лондонцев.

подевались. А потом посмотрела на воду.

В бассейне плавало тело. Два красных облака расплылись от его горла и живота. Это был ее брат Арк. Глаза у него были открыты, но он уже ничего не видел. Она вдруг поняла, что громко кричит.

* * *

– Больно, – пожаловался Маркиз, с силой потирая лоб. Затем дважды крутанул головой, разминая шею.

– Это воспоминания, – объяснила Дверь. – Стены все впитывают.

Он удивленно вскинул бровь:

– Могла бы предупредить.

– А, ну да.

Они стояли в белоснежном зале. Все стены были увешаны картинами, изображавшими разные комнаты. В зале не было ни одной двери, никакого выхода.

– Любопытный декор, – заметил Маркиз.

– Это центральный зал. Отсюда мы можем попасть в любую комнату. Они все сообщаются между собой.

– А где остальные комнаты?

Она покачала головой.

– Не знаю. Может быть, за несколько миль отсюда. Они разбросаны по всему Нижнему миру.

Маркиз принялся нетерпеливо расхаживать по залу.

– Занятно. Этакий сложносочиненный дом, комнаты со всех уголков Лондона. Оригинально. Знаешь, Дверь, твой дедушка был с фантазией.

– Я его не знала. – Она сглотнула и добавила, скорее сама себе, чем маркизу: – Кажется, здесь мы в безопасности, нам ничто не угрожает. Ведь сюда никто не может попасть, кроме членов нашей семьи.

– Остается надеяться, что дневник твоего отца хоть немного прольет свет на то, что случилось, – проговорил Маркиз. – Где будем искать? – Дверь пожала плечами. – Ты точно знаешь, что он вел дневник?

Девушка кивнула.

– Он уходил в кабинет и блокировал все связи до тех пор, пока не закончит надиктовывать.

– Тогда начнем с кабинета.

– Но там я уже искала. Честное слово. Я все *обшарила* еще тогда, когда... убирала тело... – Она заплакала, тяжело и надрывно, словно рыдания прорывались из самой глубины души.

– Ну, ну, – маркиз Карабас неловко похлопал ее по плечу. – Ну-ну, – добавил он на всякий случай. Он не очень-то умел утешать.

Глаза Двери были полны слез.

– Вы... можете подождать... минутку? Я скоро приду в себя.

Он кивнул и отошел в другой конец зала, а через некоторое время обернулся. Она все так же стояла, обхватив себя руками, и плакала отчаянно, навзрыд, как маленькая девочка, – крошечная фигурка на фоне белой стены, увешанной картинами.

* * *

Ричард все еще горевал по утраченной сумке.

Но предводитель крыситов был неумолим. Он заявил, что господин Длиннохвост не говорил, что надо вернуть вещи, – только велел отвести Ричарда на рынок, и сообщил Анестезии, что именно она поведет чужака: «Да, это приказ. И хватит хныкать. Собирайся».

Еще он предупредил Ричарда, чтобы тот держался от него подальше, и добавил, что тому страшно повезло. А потом, не обращая внимания на просьбы вернуть сумку или хотя бы бумажник, выпроводил Ричарда и Анестезию за дверь и запер ее.

Они тронулись в путь в темноте.

Анестезия несла самодельную лампу: жестяная банка, свеча, проволока и стеклянная бутылка из-под лимонада с широким горлом. Ричард удивился, как быстро его глаза привыкли к полумраку. Они шли через какие-то подвалы и погреба. Иногда ему казалось, что в углах кто-то шевелится – то ли крыса, то ли человек, то ли еще кто. Но каждый раз, когда они добирались до угла, там уже было пусто. Он спросил у Анестезии, что это, но она велела ему помалкивать.

Вдруг он ощутил поток воздуха. Ни слова не говоря, Анестезия опустилась на корточки, поставила на пол лампу и с силой дернула вделанную в стену решетку. Решетка неожиданно подалась, и девушка растянулась на земле. Она махнула Ричарду, и он пролез в дыру в стене. Однако, не продвинувшись и на фут, Ричард почувствовал, что пол обрывается.

– Послушай, – прошептал он, – тут внизу тоже дыра.

– Ничего, падать невысоко.

Она пролезла в дыру, закрыла за собой решетку и оказалась вплотную к Ричарду. Он смутился.

– Держи! – Она протянула ему лампу и соскользнула в темноту. – Ну вот, видишь, совсем не страшно! – Ее голова была на несколько футов ниже его болтающихся ног. – Давай лампу.

Он наклонился и протянул ей самодельную лампу. Девушке пришлось подпрыгнуть, чтобы ее забрать.

– Ну, – прошептала она, – теперь ты.

Ричард осторожно свесился через край, соскользнул вниз и повис на руках. Повисев несколько секунд, он разжал ладони и шлепнулся в мягкую жидкую грязь. Пока он вытирал руки о свитер, Анестезия прошла вперед и открыла еще одну дверь. Ричард поспешил к ней, они выбрались в какой-то туннель, и девушка закрыла за ними дверь.

– Все, теперь можно говорить, – сказала она. – Только не слишком громко. Если хочешь.

– Это хорошо, – обрадовался Ричард и тут же обнаружил, что не знает, о чем ее спросить. – Так, значит, ты крыса?

Девушка тонко захихикала и, как маленькая японка, прикрыла рот ладошкой.

– Не-а. Я была бы счастлива, будь я крысой, но увы... – она покачала головой. – Нет, мы крыситы, мы говорим с крысами.

– Говорите? В смысле, просто болтаете?

– Что ты?! Мы выполняем их поручения. Дело в том, – она понизила голос и заговорила так, будто сообщала нечто совершенно невероятное: – что крысы *не все могут*. Понимаешь? Потому что у них нет пальцев, нет рук и все такое. погоди... – Она прижала Ричарда к стене, зажала ему рот грязной ладошкой и задула свечу.

Сначала ничего необычного не происходило.

Потом издали донеслись голоса. Ричард и Анестезия ждали в темноте. Он дрожал от холода и сырости.

Мимо, негромко переговариваясь, прошли какие-то люди. Когда все стихло, Анестезия убрала ладошку, зажгла свечу, и они отправились дальше.

– Кто это был? – спросил Ричард.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Это не важно.

– Тогда с чего ты взяла, что лучше не показываться им на глаза?

Она посмотрела на него с грустью, как смотрит мать, пытающаяся объяснить ребенку, что *любой* огонь жжется. «Да, и *этот* тоже. Уж поверь мне».

– Идем, – сказала девушка. – Мы можем срезать путь через Верхний Лондон.

Они поднялись по каменным ступеням, и Анестезия открыла дверь. Они вышли на улицу, и дверь мягко за ними закрылась.

Ричард потрясенно огляделся. Они стояли на северном берегу Темзы, на набережной Виктории длиной в несколько миль, которую построили в викторианскую эпоху, скрыв под ней безобразные канализационные стоки и недавно открывшуюся линию метро – «Дистрикт-лайн», – и навсегда устранив грязную приливную полосу, отравлявшую своей вонью Лондон на протяжении предыдущих пятисот лет. Была ночь – все та же или уже следующая, Ричард не знал. В этих темных туннелях он потерял счет времени.

Ночь была безлунной, но в небе сухо поблескивали осенние звезды. Сияли фонари, окна в домах и огни на мостах, отражаясь, как и ночное небо, как и весь город, в темной воде Темзы, и казалось, что эти огоньки тоже звезды, только обреченные сиять на земле. *Волшебная страна*, подумал Ричард.

Анестезия задула свечу, и Ричард спросил:

– Ты уверена, что нам сюда?

– Конечно.

Перед ними была деревянная скамейка, при виде которой Ричард понял, что больше всего на свете хочет на нее присесть.

– Давай отдохнем немножко, совсем чуть-чуть.

Девушка пожала плечами, и они сели на разных концах скамейки.

– В пятницу, – проговорил Ричард, – я работал в престижной компании, занимался инвестиционным анализом.

– Что такое инивестиционный...

– Инвестиционный анализ? Это моя работа.

Она кивнула, сочтя такое объяснение достаточным.

– Ясно. И что?

– Ничего. Просто вспоминаю, как это было. А вчера... я как будто перестал существовать. Здесь, наверно, никто меня не замечал.

– А ты и правда перестал для них существовать, – сказала Анестезия.

К ним подошла парочка, медленно прогуливавшаяся по набережной. Мужчина и женщина уселись на скамейку прямо между Анестезией и Ричардом и принялись страстно целоваться.

– Простите, – сказал им Ричард. Мужчина запустил руку под свитер своей подруги и принялся там шарить, как одинокий путешественник, открывший неизведанную землю. – Я хочу, чтобы все было как раньше, – сообщил ему Ричард.

– Я люблю тебя, – сказал мужчина.

– А как же твоя жена?... – проворковала женщина, облизывая ему щеку.

– Хер с ней.

– А я надеялась, что *он* с тобой, – пьяно захихикала она и стала мять его ширинку.

– Идем, – сказал Ричард. Ему вдруг расхотелось сидеть на скамейке.

Они пошли дальше. Анестезия несколько раз с любопытством оглянулась на парочку, которая постепенно переходила в горизонтальное положение.

Ричард молчал.

– Что-то не так? – спросила девушка.

– Все, – буркнул он. – Ты всегда жила под землей?

– Не-а, я родилась здесь. – Анестезия на секунду умолкла. – Ты что, хочешь узнать, как я оказалась в Нижнем Лондоне? – спросила она, и Ричард с удивлением обнаружил, что ему и в самом деле хотелось бы услышать ее историю.

– Да.

Она повертела кварцевые бусы на шее и сглотнула.

– У меня была мама и еще сестренки-близняшки... – Она вдруг замолчала.

– Продолжай, – подбодрил Ричард. – Мне действительно интересно. Честное слово.

Девушка кивнула. Потом глубоко вдохнула и заговорила, не глядя на него, не поднимая глаз.

– У мамы были я и близняшки, а потом она свихнулась. Однажды я вернулась из школы, а она плакала и кричала, совсем голая. Она все била, тарелки и всякое другое. Но нас она никогда и пальцем не трогала. Никогда. А потом пришла женщина из органов опеки и забрала близняшек, а меня отправили к тетке. Она жила с одним типом. Мне он не нравился. И когда тетки не было дома... – Она снова смолкла и на этот раз молчала так долго, что Ричард уже подумал, ее рассказ на этом окончится. Однако она продолжила: – Ну, в общем, он меня бил. И... всякое делал. В конце концов я сказала тетке, что он меня бьет, а она сказала, что я лгунья и пригрозила вызвать полицию. Но я говорила правду! И тогда я сбежала. В свой день рождения.

Они дошли до Альберт-бридж – излюбленного туристами моста через Темзу, который соединял Баттерси на юге и Челси со стороны набережной Виктории, – волшебного моста, усыпанного тысячами белоснежных огоньков.

– Мне было некуда идти. Стояли холода. – Она ненадолго задумалась. – Я стала жить на улице. Спала днем, когда было потеплее, а ночью бродила, чтобы согреться. Мне было всего одиннадцать. Я воровала хлеб и молоко, которые оставляют покупателям у дверей. Но мне не нравилось воровать, поэтому я стала болтаться у рынков, жевала гнилые яблоки и разные объедки. А потом я сильно заболела. Я жила тогда под мостом в Ноттинг-хилле. Когда пришла в себя, я уже была в Нижнем Лондоне. Это крысы меня нашли.

– Ты никогда не пыталась вернуться сюда? – спросил он, обводя рукой тихие, уютные дома, редкие автомобили и припозднившихся прохожих – реальный мир...

Она покачала головой. *Нет, малыш, и этот огонь тоже жжется. Ты сам это поймешь.*

– Это невозможно. Либо один мир, либо другой. Нельзя быть разом и здесь, и там.

* * *

– Простите, я не хотела, – нерешительно проговорила Дверь. Глаза у нее покраснели, и вообще казалось, что она только что отчаянно сморкалась и с остервенением вытирала слезы с глаз и щек.

Маркиз, развлекавшийся тем временем игрой в бабки с помощью монеток и костей, которые таскал в одном из многочисленных карманов своего плаща, поднял голову и холодно на нее посмотрел:

– Да ну?

Она закусила губу.

– Нет. На самом деле мне действительно было это нужно. Потому что я все время убегала и пряталась, так что... у меня даже не было времени, чтобы... – Она не договорила.

Маркиз собрал кости и монетки, убрал их в карман.

– Прошу, – проговорил он и подошел вслед за ней к увешенной картинами стене. Она положила руку на ту, где был изображен кабинет отца, а другую вложила в темную ладонь маркиза.

...Все вокруг расплылось...

* * *

Они поливали цветы в оранжерее. Сначала Порция поливала растение, направляя струю воды под корень и стараясь не забрызгать листья и цветы.

– Поливаем туфельки, а не одежду, – объясняла она младшей дочке.

У Ингресс была своя крошечная леечка, и она этим очень гордилась. Ярко-зеленая железная леечка – точно такая же, как у мамы, только маленькая. Из этой леечки девочка поливала цветок следом за Порцией.

– Поливаем туфельки, – повторила она и рассмеялась – звонким смехом маленькой девочки.

И мама тоже рассмеялась. Она смеялась, пока подлый мистер Круп, резко запрокинув голову и дернув за волосы, не перерезал ей горло от уха до уха.

* * *

– Здравствуй, папа, – тихо сказала Дверь.

Она коснулась бюста отца, провела пальцами по его щеке. У него было худое аскетичное лицо и большая лысина. «Цезарь в роли Просперо», – подумал маркиз Карабас. Его немного подташнивало. Последнее видение оказалось на редкость неприятным. Однако... он в кабинете лорда Портико, и *это* сейчас важнее всего.

Маркиз огляделся, внимательно рассматривая все, что было в кабинете: чучело крокодила, подвешенное под потолком, книги в кожаных переплетах, астролябия, вогнутые и выпуклые зеркала, старинные измерительные приборы, на стенах – карты стран и городов, о которых маркиз никогда не слышал, стол, заваленный письмами, написанными от руки. На белой стене у стола – ржаво-красные пятна. На столе рамка с портретом всей семьи. Маркиз поглядел на портрет и задумчиво проговорил:

– Мать и отец, сестра и брат – все мертвы. Как тебе удалось выжить?

Дверь убрала руку с бюста отца.

– Просто повезло. Меня не было здесь несколько дней... А вы знали, что на реке Килберн до сих пор стоят римские legionеры?

Маркиз не знал, и ему это было неприятно.

– Гм... и много их там?

Она пожала плечами.

– Несколько десятков. Это дезертиры из девятнадцатого легиона, кажется. Я не очень хорошо знаю латынь. В общем, когда я вернулась... – Она не договорила. Ее опаловые глаза снова наполнились слезами.

– Возьми себя в руки, – бросил маркиз. – Нам нужен дневник. Мы должны узнать, кто это сделал.

– Но ведь мы и так знаем, – проговорила она, нахмурившись. – Круп и Вандемар...

– Они руки, пальцы. – Он помахал руками у нее перед носом. – А где-то есть голова, которая отдает приказы. Именно голова задумала убить твоих родных и тебя тоже. Кстати, эту парочку не так-то просто нанять. – Маркиз снова огляделся. – Так где дневник?

– Его здесь нет. Я же говорила, что уже искала.

– Странно. А у меня сложилось впечатление, что члены вашего семейства способны открывать двери – как обычные, так и невидимые с первого взгляда.

Она недовольно на него посмотрела, а потом закрыла глаза, надавила пальцами на переносицу и глубоко задумалась. Маркиз между тем продолжал разглядывать стол лорда Портико: чернильница, шахматная фигурка, игральная кость, золотые карманные часы, перья и...

А вот это любопытно...

Небольшая статуэтка – лежащий вепрь, а может, бык, трудно сказать. Размером с крупную шахматную фигуру. Грубо вырезанная из черного обсидиана. Эта статуэтка что-то ему напоминала, но он никак не мог понять, что именно. Он небрежно взял ее со стола, покрутил, сжал в ладони.

Дверь опустила руку. Вид у нее был смущенный и озадаченный.

– В чем дело? – спросил Маркиз.

– Он здесь.

Она медленно прошла по комнате, склоняя голову то вправо, то влево. Маркиз незаметно опустил статуэтку в карман.

Дверь остановилась у высокого шкафа.

– Тут.

Она протянула руку, внутри шкафа что-то щелкнуло, и сбоку открылась дверца. Девушка наклонилась, вытащила из темноты шар размером с небольшое пушечное ядро и протянула его маркизу. Шар был сделан из латуни и полированного дерева, и в него были вставлены медные диски и стеклянные линзы. Маркиз взял шар.

– Это он? – Дверь кивнула. – Отлично.

– Не знаю, как я не нашла его раньше, – мрачно проговорила девушка.

– Ну, ты была в таком состоянии... Я так и знал, что дневник здесь. Я почти никогда не ошибаюсь. А теперь... – Он взвесил на руке шар. Полировка блестела, свет играл на медных и стеклянных деталях. Маркиз не любил признавать, что он чего-то не знает, но все же спросил: – И как он работает?

* * *

Анестезия привела Ричарда в парк на южной стороне моста. Они спустились по каменным ступеням, прилепившимся к стене. Девушка зажгла свечу и открыла дверь служебного входа. Ричард прошел за ней. Темнота вновь окружила их. Они опять спускались.

– Есть одна девушка по имени Дверь, чуть помладше тебя. Ты ее знаешь?

– Да, я знаю, кто такая леди Дверь.

– А... из какого она рода?

– Она не из рода. Она из Дома Арков. Ее семья пользовалась большим уважением.

– Почему «пользовалась»? А теперь?

– Теперь их всех убили.

Да, вспомнил Ричард: маркиз говорил об этом. Дорогу им перебежала крыса. Анестезия остановилась и сделала глубокий реверанс. Крыса замерла.

– Сир, – поклонилась девушка крысе.

– Привет, – сказал Ричард.

Крыса секунду разглядывала их, а потом бросилась вниз по лестнице.

– А какой он, этот Плавающий рынок?

– Он огромный, но мы, крыситы, редко там бываем. Честно говоря... – Анестезия замолчала. – Нет, ты будешь надо мной смеяться.

– Не буду, – пообещал Ричард.

– Я боюсь.

– Боишься? Чего? Рынка?

Ступени кончились. Немного поразмыслив, Анестезия повернула налево.

– Что ты! На рынке действует перемирие. Никто не посмеет причинить кому-то вред, иначе на него ополчится весь Нижний Лондон.

– Тогда чего же ты боишься?

– Пути на рынок. Он каждый раз в новом месте. Он перемещается. А чтобы попасть туда сегодня, – она нервно теребила кварцевые бусы, – придется пройти очень неприятное место.

Судя по голосу, ей действительно было страшно. Ричарду захотелось обнять ее за плечи, но он этого не сделал.

– И где же рынок будет на этот раз? – спросил он.

Она повернулась к нему, отбросила волосы с лица и ответила:

– В Найтсбридже¹⁸.

– В Найтсбридже? – повторил Ричард и невольно расхохотался.

¹⁸ *Найтсбридж* – фешенебельный район Лондона, получивший название от моста через реку Вестбурн, которая в настоящее время течет под землей.

Девушка отвернулась.

– Вот видишь. Я же говорила, что ты будешь смеяться.

* * *

Эти туннели глубоко под землей вырыли в самом начале Второй мировой войны. Здесь были расквартированы тысячи солдат. Мощные насосы поднимали отходы их жизнедеятельности наверх, до уровня канализации. Вдоль стен стояли железные койки. Когда-то туннели планировалось включить в систему скоростного метро, но эти планы так и не реализовали. По окончании войны кровати оставили в туннелях и сложили на них картонные коробки, забитые документами и письмами, – скучнейшие секреты, похороненные глубоко под землей и давно позабытые. В связи с кризисом начала 1990-х туннели были окончательно закрыты. Коробки вынесли, чтобы рассортировать документы: что-то отсканировать, а что-то измельчить или сжечь.

В самом глубоком туннеле, под станцией метро «Кэмден-таун», и обосновался Варни. Единственный вход в туннель он завалил железными кроватями, а потом занялся украшением стен. Варни обожал оружие. Он сам его делал из всего, что удавалось найти или украсть. Из автомобильных деталей и обломков всякого оборудования он создавал крючья, ножи, самострелы и арбалеты, баллисты и требушеты, пробивающие стены, копья, мощные дубины и палицы. Они были развешены по стенам и расставлены по углам, создавая более чем негостеприимную атмосферу.

Варни был похож на быка, которому отпилили рога, а потом обрили и густо покрыли татуировками. У него были выбиты все зубы. И еще он храпел. Керосиновая лампа в изголовье была пригашена. Варни спал на гряде тряпья, свистя и пыхтя, а прямо под рукой у него лежал обоюдоострый меч собственного изготовления.

Чья-то рука прибавила в лампе огонь.

Варни схватил меч и вскочил даже быстрее, чем открыл глаза. А потом заморгал, удивленно оглядываясь. В туннеле никого не было. Железные кровати по-прежнему перегораживали вход. Варни уже собрался опустить меч, как вдруг кто-то сказал:

– Эй!

– А?

– Сюрприз! – сказал мистер Круп, появляясь в кругу света.

Варни сделал шаг назад – и очень зря. В висок ему тут же уперлось острие ножа.

– Дальнейшие телодвижения нежелательны, – сообщил мистер Круп. – А то может приключиться досадный инцидент при участии любимого ножичка мистера Вандемара. Смертность от бытовых травм по статистике самая высокая. Правда ведь, мистер Вандемар?

– Мне плевать на статистику, – вяло ответил мистер Вандемар, протянул руку, затянутую в перчатку, отобрал у Варни меч, погнул его и бросил на пол.

– Ну, Варни, как жизнь? – поинтересовался мистер Круп. – Надеюсь, неплохо. А? Ты в отличной форме, бодр, свеж и готов отправиться на рынок? Знаешь, кто мы такие?

Варни кивнул, если можно, конечно, кивнуть не шелохнувшись. Да, он знал, кто такие Круп и Вандемар.

Он незаметно оглядел стены. Вот он, моргенштерн – деревянный шар на цепи, утыканный гвоздями. В самом дальнем конце туннеля.

– Мы тут узнали, что одна известная юная особа собирается сегодня выбрать себе телохранителя. Как ты насчет того, чтобы получить такую работу? – Мистер Круп поковырял в своих гнилых зубах. – Говори прямо.

Усилием мысли Варни снял с крюка моргенштерн. Это был его коронный номер. Теперь осторожно... не торопясь... Он поднял его под самый потолок... А мистеру Крупу сказал:

– Варни – лучший наемник и телохранитель во всем Нижнем мире. Говорят, лучше меня была только Охотница.

Варни придвинул моргенштерн ближе к мистеру Крупу и остановил чуть позади его головы. *Он проломит череп Крупу, а потом займется Вандемаром.*

Шипастый шар просвистел в воздухе, Варни бросился на землю, избавившись наконец от ножа у виска. Мистер Круп даже не поглядел в сторону орудия. Он просто нереально быстро повернул голову. Моргенштерн пронесся мимо и рухнул на пол, взметнув осколки кирпича и бетона. Мистер Вандемар одной рукой поднял с пола Варни.

– Убить его? – спросил он у напарника.

Мистер Круп покачал головой: *не сейчас* – и сказал Варни:

– Недурно, недурно. Итак, «лучший наемник и телохранитель», мы хотим, чтобы ты сегодня отправился на рынок. И сделал все, что потребуется, чтобы стать личным телохранителем небезызвестной юной особы. А когда ты им станешь – помни: охраняешь ее от всех, кого хочешь, но когда она понадобится нам, ты ее отдашь. Понял?

Варни провел языком по обломкам зубов.

– Хотите меня подкупить?

Мистер Вандемар поднял моргенштерн и принялся не спеша разбирать цепь. Разогнутые звенья одно за другим падали на пол.

Бряк.

– Нет, – сказал мистер Вандемар. *Бряк.* – Мы хотим тебя запугать. – *Бряк.* – И если ты не сделаешь так, как сказал мистер Круп... – *Бряк.* – Мы будем тебя жестоко мучить... – *Бряк* ... – очень долго... – *Бряк.* – А потом еще более жестоко уьем.

– Ясно. Значит, мне придется согласиться, так?

– Конечно, – сказал мистер Круп. – Только, увы, никакой компенсации за труд не предполагается.

– Ничего, переживу.

– Отлично. Поздравляем с новой работой.

* * *

Это был великолепный механизм внушительных размеров из полированного дерева – ореха и дуба, – меди, латуни, стекла и резной слоновой кости. Тут были зеркала и кварцевые призмы, медные шестеренки и пружины. Весь прибор был больше, чем широкоэкранный телевизор, хотя сам экран – всего шесть дюймов. Перед экраном располагалось увеличительное стекло. Сбоку приделан латунный рожок, вроде слухового, или раструба старинного граммофона. Все вместе напоминало телевизор и видеомаягнитофон, какими они могли бы быть, если бы их изобрел триста лет назад Исаак Ньютон. Впрочем, так оно и было.

– Смотрите, – сказала Дверь и положила деревянный шар на подставку. На самом аппарате и на шаре зажглись огоньки, шар начал вращаться.

На крошечном экране вспыхнуло яркое цветное изображение – и появилось аристократическое лицо лорда Портико. Слово из глубины времен послышался голос, который изредка прерывало потрескивание.

– ...что эти два мира так близки и в то же время так далеки друг от друга, – говорил он. – Там наверху – хозяева жизни, а здесь, внизу, – мы, те, кто из нее выпал.

Дверь с каменным лицом смотрела на экран.

– ...Однако, – продолжал ее отец, – я совершенно уверен, что именно наша разобщенность разъедает Нижний мир. Система ленов глупа и бессмысленна.

Лорд Портико был в потертом сером смокинге и шапочке вроде кардинальской. Трудно было поверить, что запись сделана несколько недель назад. Казалось, его голос летит через столетия.

Лорд кашлянул.

– И не я один так считаю. Есть те, кто хочет сохранить статус-кво. Есть такие, кто хочет углубить разобщенность, но есть и другие, которые...

– Нельзя ли все это пропустить? – спросил маркиз. – Можешь найти последнюю запись?

Дверь кивнула. Нажала на рычажок из слоновой кости, и картинка расплылась, смазалась, а когда снова стала четкой, лорд Портико был уже без шапочки и не в смокинге, а в длинном плаще. На голове у него кровоточила рана. Теперь он не сидел, вальяжно развалившись в кресле, а склонился к прибору и говорил торопливо, почти шепотом:

– Не знаю, кто найдет мой дневник, не знаю, кто увидит эту запись. Но, кто бы ты ни был, пожалуйста, передай ее моей дочери Двери, если она выживет... – Послышался треск, изображение на секунду пропало. – Дверь, девочка моя, все очень плохо. Не знаю, сколько у меня времени. Они скоро и до этой комнаты доберутся. Кажется, мою Порцию и твоих брата и сестру – всех убили, – звук стал нечетким, картинка дрожала.

Маркиз бросил взгляд на Дверь. По ее лицу текли слезы, но она словно не замечала, что плачет, не пыталась смахнуть их, а только неотрывно смотрела на своего отца и внимательно вслушивалась в его слова.

Тррр. Щелк. Хррр.

– Послушай меня, дочка, – говорил отец. – Иди к Ислингтону... Ислингтону можно верить... Ты должна ему верить... – Изображение стало мутным. Кровь текла со лба лорда Портико, заливая глаза. Он отер кровь и продолжил: – Дверь! Отомсти за нас. Отомсти за свою семью.

Послышался громкий удар. Портико покосился куда-то вбок, испуганно, затравленно.

– Что такое? – пробормотал он и вышел за пределы экрана.

Некоторое время экран показывал только стол на фоне белой стены. Вдруг в стену ударила яркая струя крови. Дверь быстро нажала на рычажок, экран погас, и она отвернулась.

Маркиз протянул ей носовой платок.

– На.

– Спасибо. – Она вытерла слезы и громко высморкалась. А потом проговорила, глядя в пустоту: – Ислингтон.

– Никогда не имел с ним дела, – сообщил Маркиз.

– Я думала, его не существует. Что это только легенда...

– Отнюдь, – маркиз взял со стола золотые часы и открыл крышку. – Славная работа, – заметил он.

Дверь кивнула.

– Это часы моего отца.

Маркиз захлопнул крышку.

– Пора отправляться на рынок, а то опоздаем. Время работает против нас.

Она снова высморкалась, сунула руки в карманы куртки и повернулась к маркизу. Ее многоцветные глаза ярко горели, брови были сурово сдвинуты.

– Вы в самом деле думаете, что мы сможем найти телохранителя, способного справиться с Крупом и Вандемаром?

Маркиз улыбнулся, блеснули белоснежные зубы.

– Справиться с этими господами? Нет! Со времен Охотницы никто даже и не пытается. Я надеюсь, что мы найдем такого телохранителя, который отвлечет на себя их внимание и даст тебе время сбежать.

Он пристегнул цепочку к жилету и опустил часы карман.

– Что вы делаете? Это же часы моего отца!

– Ну, они же ему больше не нужны, разве не так? – Маркиз поправил цепочку. – Смотри. По-моему, очень элегантно.

Маркиз с интересом наблюдал, как отчаяние на лице девушки сменяет ярость. Дверь успокоилась и безучастно произнесла:

– Нам пора.

– До моста уже недалеко, – сказала Анестезия.

Ричард облегченно вздохнул. Они истратили две свечи, и теперь горела третья. В голове не укладывалось, что они все еще под Лондоном. Казалось, они должны быть где-то на полпути в Уэльс.

– Мне так страшно! – продолжала девушка. – Я никогда раньше не была на мосту.

– Ты говоришь, что бывала на рынке, – удивился Ричард.

– Это же *Плавучий* рынок! Я ведь говорила. Он «плавает», перемещается. Он всегда в разных местах. Последний раз, когда я ходила на рынок, это было в такой большой башне с часами. Большой... кто-то там. А в другой раз...

– Биг Бен¹⁹?

– Да, кажется. Прямо внутри часов, там, где огромные шестеренки. Бусы, кстати, оттуда, – девушка приподняла бусы, и кварцевые шарики заискрились в свете свечи. Она улыбнулась, как ребенок, и спросила: – Нравится?

– Да, очень красиво. Дорогие?

– Я их кое на что сменяла. Здесь, внизу, нет денег. Мы просто меняемся.

Тут они вышли из-за угла и увидели мост. Ричард подумал, что так мог бы выглядеть один из мостов через Темзу пятьсот лет назад – огромный каменный мост, перекинутый над черной бездной, – под ним не было воды, над ним не было неба. Все тонуло во мраке. *Интересно, кто его построил... и когда?* – подумал Ричард, подивившись, что такой огромный мост стоит себе под городом, и никто об этом не знает. У него вдруг засосало под ложечкой, и он понял, что тоже отчаянно напуган.

– А нам обязательно идти через мост? – спросил он. – Неужели нет другого пути?

Они остановились.

– Есть. Но тогда рынка там не будет.

– Как это? Что за бред? Если в каком-то месте что-то есть, то оно там есть, разве не так?

Анестезия только молча покачала головой.

Сзади послышались голоса. Кто-то толкнул Ричарда, и он шлепнулся на землю. Обернувшись, он увидел огромного человека, покрытого примитивными татуировками, в одежде, которая, казалось, была сшита из автомобильных чехлов и ковриков. Он равнодушно смотрел на Ричарда. Позади толпились люди, человек десять – мужчины и женщины, одетые так, будто собрались на деревенский маскарад.

– Ты стоял у меня на пути, – проговорил Варни. Настроение у него было паршивое. – А я этого не люблю.

Как-то раз, в детстве, Ричард шел из школы и увидел в канаве крысу. Заметив его, крыса поднялась на задние лапы и угрожающе зашипела. Тогда он отошел подальше, удивляясь, как такое маленькое создание не боится постоять за себя – ведь он по сравнению с ней просто огромный. А сейчас Анестезия встала между ним и Варни. Она едва доставала ему до груди, однако уставилась прямо в глаза и сердито зашипела, обнажив зубы, словно маленькая разъяренная крыса. Варни отступил и плюнул Ричарду под ноги. А потом повернулся и пошел к мосту, уводя своих спутников.

– Ты как? – спросила девушка, помогая Ричарду подняться.

– Нормально. Ты очень смелая.

Она потупилась.

– Нет, я не смелая. Я боюсь моста. Но даже эти его боятся. Поэтому и сбились в кучу. Они думают, что вместе не так страшно, и нападать стаей легче.

¹⁹ Название самой знаменитой английской башни с часами – Биг Бен (Большой Бен) – по одной из версий, происходит от имени члена Парламента, толстяка сэра Бенджамина Холла.

– Если вы собираетесь идти через мост, я с вами, – послышался сзади женский голос, густой и сладкий, как мед.

Ричард так и не понял, что это за акцент. Сначала он подумал, что канадский или американский. Позже ему стало казаться, что скорее африканский или австралийский, а может, даже индийский. Женщина была высокой, с длинными темно-каштановыми волосами и кожей цвета жженого сахара. Одета во что-то серо-коричневое, из пятнистой кожи. Через плечо перекинут потрепанный вещмешок – тоже кожаный. В руке она держала боевой шест, на поясе висел нож, а на запястье болтался электрический фонарик. И это, безусловно, была самая красивая женщина из всех, каких Ричард когда-либо встречал.

Секунду подумав, он сказал:

– Вместе не так страшно. Присоединяйтесь. Меня зовут Ричард Мэхью. Это Анестезия. Из нас двоих только она знает, что делает.

Анестезия приосанилась.

Женщина в пятнистой коже оглядела его с ног до головы.

– Ты из Верхнего Лондона, – заключила она.

– Да.

– Человек из Верхнего мира рука об руку с крыситкой! Ну и дела!

– Я его проводник, – сердито вмешалась Анестезия. – А ты кто такая? Кому ты служишь?

Женщина улыбнулась.

– Я никому не служу, детка. Кто-нибудь из вас раньше ходил по мосту? – Анестезия покачала головой. – Что ж... Думаю, будет весело.

Они подошли к мосту. Анестезия отдала Ричарду самодельную лампу.

– Возьми, – сказала она.

– Спасибо, – ответил Ричард и спросил у женщины в коже: – Чего именно надо бояться? Рыцарей?

– Нет, ночи²⁰.

Анестезия взяла Ричарда за руку. Он стиснул ее крошечную ладошку. Она улыбнулась и пожала ему руку. А потом они взойшли на мост, и Ричард начал понимать, что мрак – не просто отсутствие света, а нечто реальное, осязаемое. Он чувствовал, как мрак касается его кожи, оглаживает, проверяет, проникает в мозг, забирается в легкие, в глаза, рот...

С каждым шагом свет свечи все тускнел. Как и фонарика – в руке у женщины в коже. Складывалось ощущение, что это не свет тускнел, а гуще становилась темнота. Ричард закрыл глаза, а когда открыл – вокруг был полный, непроглядный мрак. Послышался шорох, шепот. Ослепленный мраком, Ричард отчаянно моргал. Снизу доносились безобразные, какие-то голодные звуки. Ричарду показалось, что он различает голоса, словно под мостом притаилась целая армия огромных, уродливых троллей...

Что-то проскользнуло мимо них.

– Что это? – пискнула Анестезия. Ее ладошка дрожала в его руке.

– Тс-с... Не привлекай их внимание, – прошептала женщина.

– Что происходит? – спросил Ричард еле слышно.

– Ничего. Это темнота, мрак, а во мраке – все кошмары, которые рождались в ночи с древнейших времен, когда мы, завернутые в шкуры, жались друг к другу в поисках тепла и защиты. А теперь... – проговорила она, – пора бояться темноты.

Ричард почувствовал, как что-то ползет по его лицу. Он закрыл глаза, но ощущения остались прежними. Мрак был абсолютным. И тогда начались видения.

* * *

²⁰ *Knightsbridge* – букв. «Рыцарский мост». *Knight* (рыцарь) сходно по звучанию с *night* (ночь).

Фигура с горящими волосами и распростертыми крыльями, объатыми огнем, летит прямо на него.

Он вскинул руки – ничего.

Джессика глядит на него с презрением. Он хочет крикнуть ей, что ему очень стыдно...

И идет дальше.

Он снова маленький, возвращается из школы поздним вечером по улице без единого фонаря. Он здесь ходил тысячу раз, но от этого ему не легче, и он умирает от страха.

Он в лабиринте, глубоко под землей. Зверь ждет его. Он слышит, как капает вода. Он знает, что Зверь выжидает. Крепче сжимает копьё... И тут за его спиной раздается утробный рык. Он оборачивается. Медленно, как во сне, Зверь мчится к нему.

Зверь атакует.

Ричард умирает.

И по-прежнему идет по мосту.

И снова и снова на него во мраке ночи мчится Зверь.

* * *

Послышался треск, вспыхнул свет – такой яркий, что Ричард зажмурился и отшатнулся. Это была свечка в бутылке из-под лимонада. Трудно было поверить, что одна свеча может давать столько света. Он поднял ее вверх, облегченно отдуваясь. Сердце гулко стучало в груди.

– Кажется, мы успешно прошли мост, – сообщила женщина в коже.

Сердце билось так сильно, что Ричард сперва не мог вымолвить ни слова. Он заставил себя дышать ровнее, успокоиться. Они были в огромном зале, точно таком же, как на той стороне моста. Ричард даже подумал, что это тот самый зал. Однако темнота была гуще, и перед глазами у него вспыхивали разноцветные круги, как после яркой вспышки.

– На самом деле, – медленно проговорил Ричард, – бояться было нечего, так?.. Это как дом с привидениями... что-то шуршит в темноте, а ты уже воображаешь невесть что. Нам ведь ничего не грозило, верно?

Женщина посмотрела на него с состраданием, и Ричард вдруг обнаружил, что Анестезия больше не держит его за руку.

– Анестезия?..

Из мрака на мосту послышался шорох – или вздох, – и к его ногам покатались кварцевые бусины. Бусы Анестезии. Ричард поднял один шершавый шарик.

– Надо... надо вернуться. Она там...

Женщина посветила фонариком через мост. Там никого не было. Пустота.

– Где она?

– Ее нет, – просто ответила женщина. – Ее поглотил мрак.

– Мы должны что-то сделать, – не сдавался Ричард.

– Да? И что же?

Он открыл рот, но не нашелся, что ответить. Глядя на россыпь бусин на земле, он вертел в пальцах одну из них.

– Ее больше нет, – сказала женщина. – Мост взял свою дань. Радуйся, что он выбрал не тебя. А теперь, если ты хотел попасть на рынок, нам туда. – Она махнула фонариком в сторону узкого темного коридора, уходящего вверх.

Ричард не шелохнулся. Его охватило оцепенение. Он не мог поверить, что девушки больше нет, что она потерялась, исчезла, пропала... а женщина в коже при этом делает вид, что ничего не произошло, как будто терять людей – обычное дело. Нет, не может быть, чтобы Анестезия погибла, иначе...

Ричард вздохнул и закончил свою мысль: ...иначе получается, что это его вина. Она не просилась идти с ним. Он до боли сжимал в руке кварцевый шарик, вспоминая, как она

хвасталась своими бусами. И думал о том, как сильно привязался к ней за те несколько часов, что они провели вместе.

– Ты идешь?

Несколько секунд Ричард стоял в темноте, а потом осторожно опустил бусину в карман джинсов и пошел вслед за женщиной, которая шагала к выходу из зала. И тут он сообразил, что до сих пор не знает, как ее зовут.

Глава V

Люди с фонарями, лампами, факелами, свечами проплывали в темноте. Ричарду вспомнилось кино о подводном мире, которое показывали в школе: точно так же в океане сновали блестящие рыбы – глубоководные обитатели, ориентировавшиеся во тьме без зрения.

Вслед за женщиной в коже Ричард поднялся по ступеням с металлической окантовкой и понял, что оказался в метро. Они встали в очередь, тянущуюся от решетки, приоткрытой не больше чем на фут, за которой были двери на улицу.

Перед ними стояли двое юношей с веревками на запястьях. Концы веревок держал бледный лысый тип, от которого пахло формальдегидом. Сразу за ними встал бородатый старик с черно-белым котенком на плече. Котенок тщательно умылся, лизнул хозяина в ухо, свернулся калачиком и заснул. Очередь медленно продвигалась по мере того, как люди, один за другим, проскальзывали за решетку и исчезали в ночи.

– Зачем тебе на рынок, Ричард Мэхью? – тихо спросила женщина в коже.

– Я надеюсь встретить там своих друзей. Точнее, одного друга. Честно говоря, я мало кого знаю в Нижнем мире. Только познакомился с Анестезией, и... – Он умолк, а потом задал вопрос, который не решался задать раньше: – Она умерла?

Женщина пожала плечами.

– Кто знает? В любом случае, к прошлой жизни она не вернется. Надеюсь, ты найдешь на рынке то, что ищешь, и ее смерть окупится...

Ричарда передернуло.

– Сомневаюсь.

Они приближались к решетке.

– Чем вы занимаетесь? – спросил он.

Она улыбнулась.

– Оказываю персональные физические услуги.

– А-а... И что это за услуги?

– Я продаю свое тело, – ответила она.

– А-а...

Ричард прекратил расспросы – он слишком устал и к тому же, как ему казалось, догадался, что она имеет в виду.

Наконец они вышли на улицу. Ричард оглянулся. Над входом в метро была надпись: «Найтсбридж». Он горько усмехнулся. Судя по всему, ночь приближалась к концу. Ричард поглядел на часы и ничуть не удивился, увидев пустой дисплей. Может быть, села батарейка, а может, подумал он, время в Нижнем Лондоне не имеет ничего общего с тем, к которому он привык. Ему было наплевать. Он снял часы и выбросил их в ближайшую урну.

Причудливо одетые люди из Нижнего мира пересекали дорогу и скрывались за двойными дверьми на той стороне улицы.

– Нам туда? – взволнованно спросил он.

– Туда, – кивнула женщина.

Перед ними было огромное здание, сверкающее огнями. У входа висели стилизованные гербы с горделивыми надписями о том, что здесь отоваривались многие члены королевской фамилии. Ричард, который часами таскался за Джессикой по лучшим лондонским магазинам, тут же узнал этот, даже не поглядев на вывеску...

– «Хэрродс»? – удивился он.
– На этот раз да, – ответила женщина. – Где будет следующий рынок, никто не знает.
– Но неужели в «Хэрродс»?.. – пробормотал Ричард. Прокрасться сюда ночью казалось ему кощунственным.

Они прошли в боковую дверь и оказались в темноте. Пробрались мимо обмена валюты, мимо отдела подарочной упаковки, прошли через зал с солнечными очками и статуэтками и оказались в египетском зале. Свет и цвет хлынули на Ричарда, как приливная волна. Его спутница зевнула, как кошка, прикрыв розовый рот коричневой ладошкой, улыбнулась ему и сказала:

– Ну все, вот ты и на рынке. Целый и невредимый. У меня тут кое-какие дела. Так что счастливо, – На прощанье она кивнула и растворилась в толпе.

Оставшись один, Ричард растерянно огляделся. Здесь царил хаос. Безумный, сумасшедший хаос, шумный, чудовищный и в некотором смысле замечательный. Все кричали, спорили, толкались и пели. Расхваливали свой товар, зазывали покупателей. Гремела музыка. Разные мелодии звучали одновременно, исполняемые в самой разной манере на всевозможных немыслимых самодельных инструментах. Пахло едой: в основном карри, но улавливались и запахи мяса и грибов. На стеклянных прилавках, где днем лежали часы и парфюмерия, янтарь и шелковые шарфы, а также рядом с ними были разложены товары. Все что-то покупали. Все что-то продавали. Ричард медленно побрел через толпу, прислушиваясь к выкрикам торговцев.

– Свежайшие сны. Первосортные кошмары на любой вкус!

– Оружие! Вооружись! Защити свое жилье, нору или берлогу! Тебе это необходимо! У нас это есть! Подходи, не стесняйся – вооружайся!

– Му-у-сор! – гаркнула толстая старушонка в самое ухо Ричарду, когда он проходил мимо ее вонючего прилавка. – Хлам! Рухлядь! Обломки, осколки, обрезки! Подходи! Все битое, рваное, сломанное. Самое нужное!

Человек в латах стучал в барабан и орал:

– Потерянное, утраченное! Потерянное, утраченное! Никаких подделок, все честно, легально, все официально!

Ричард как сомнамбула шел по залам универмага. Трудно было даже представить, сколько тут собралось народу. Тысяча? Две? Пять?

Один из прилавков был весь заставлен бутылками – пустыми и чем-то наполненными, всевозможных форм и размеров: от обычных винных до гигантской блестящей бутылки, в которой, судя по ее виду, наверняка скрывался джинн. Рядом продавались свечи – восковые и сальные, а также всевозможные лампы. Кто-то сунул Ричарду под нос нечто похожее на отрубленную детскую ручку, сжимающую свечу, и прокричал: «Священная длань, сэр! Ваши враги сбегут аж в Бедфордшир. Стопроцентная гарантия!». Ричард поспешил отойти подальше. У него не было ни малейшего желания выяснять, что это за «священная длань» и чем она полезна. Он прошел мимо ювелира, торговавшего золотыми и серебряными украшениями, а потом мимо другого прилавка с украшениями – на этот раз сделанными, как ему показалось, из проводов и резисторов от древних радиоприемников. Он увидел лотки со всевозможными книгами и журналами и вешалки с одеждой – старой, залатанной, перешитой и перекроенной самым невообразимым образом. Увидел несколько татуировщиков. И, похоже, невольничий рынок, от которого решил держаться подальше. Увидел стоматологическое кресло со сверлом на педальном приводе и целую очередь несчастных, которые пришли сюда, чтобы запломбировать или вырвать зубы, увидел и самого дантиста, который, пожалуй, чересчур наслаждался своей работой. Он увидел сгорбленного старичка, торговавшего чем-то непонятным – то ли шляпами, то ли произведениями современного искусства. Он увидел нечто, смахивающее на переносную душевую кабину, прошел мимо небольшой кузницы...

Чуть не каждый четвертый торговец продавал еду. Некоторые готовили прямо здесь же, на кострах – запекали картошку, каштаны, огромные грибы, обжаривали всякие булки.

Глядя на эти костры, Ричард удивился, как это до сих пор не сработала пожарная сигнализация. А потом, с не меньшим удивлением, подумал, что всем этим людям было бы гораздо проще ограбить универмаг. Зачем тащить сюда свой товар, если можно все взять прямо здесь? Впрочем, он уже хорошенько ознакомился со здешними нравами и понял, что не стоит ни к кому приставать с дурацкими вопросами... На нем, казалось, было написано, что он из Верхнего мира, и все поглядывали на чужака с презрением.

Есть в них что-то первобытное, подумал Ричард и попытался вычленить конкретные типы. Были здесь люди, словно сбежавшие из общества исторической реконструкции, были какие-то хиппи и альбиносы в серых одеждах и темных очках, были авантюристы в дорогих костюмах и черных перчатках, были огромные женщины на одно лицо, которые ходили по двое – по трое и раскланивались, встречая себе подобных, были чрезвычайно вонючие субъекты с нечесаными волосами, будто вылезшие из канализации, и сотни других, ни на кого не похожих людей...

Он представил, каким хаотичным показался бы чужаку обычный Лондон – *его* Лондон, и это придало ему смелости. Он начал спрашивать прохожих: «Простите! Я ищу человека по имени Карабас и девушку, которую зовут Дверь. Вы их случайно не видели?». Люди качали головами, отводили глаза и уходили.

Ричард сделал шаг назад и наступил кому-то на ногу. Этот кто-то оказался семи футов ростом, весь покрытый густой рыжей шерстью и с остро заточенными зубами. Огромной лапищей размером с баранью голову он схватил Ричарда за шкуру и поднес к своему лицу, отчего беднягу чуть не стошнило.

– Простите, – пискнул Ричард, – я... я ищу девушку по имени Дверь. Вы не знаете...

Великан швырнул его наземь и ушел.

Ричард снова почувствовал запах еды и вдруг вспомнил, что ничего не ел с тех пор как отказался от сочного куска кошатины много часов назад. У него потекли слюнки, и он понял, что ни о чем не может думать, кроме еды.

За ближайшим прилавком с едой стояла женщина с жесткими рыжими волосами. Она едва доставала Ричарду до пояса. Когда он к ней обратился, она покачала головой и поднесла палец к губам, показывая, что то ли не может, то ли не хочет с ним говорить. Пришлось жестами объяснять ей, что ему нужны два бутерброда с сыром и листом салата, а также стакан домашнего лимонада (если он правильно понял, что это лимонад), а взамен он готов отдать шариковую ручку и коробок спичек, которые обнаружил у себя в кармане. Видимо решив, что он явно переплатил, торговка сунула ему вдобавок два крошечных кекса с орехами.

Ричард стал в сторонке и принялся жевать, глядя на хаос вокруг и слушая, как кто-то исполняет «Зеленые рукава» на мелодию «Якети-як»²¹. Кому пришло в голову такое странное сочетание, трудно было представить.

Покончив с бутербродами, он вдруг понял, что проглотил их, не почувствовав вкуса, и решил съесть кексы и допить остатки лимонада более осмысленно. Он с наслаждением потягивал лимонад, когда у него за спиной вдруг раздался бодрый возглас:

– Хотите птичку, сэр? Грачи, вороны, скворцы, вороны. Отличные умные птицы. Мудрые и вкусные. Просто замечательные.

– Спасибо, не надо, – ответил Ричард и обернулся.

Над прилавком была вывеска: «Птицы и информация от старины Бейли». И еще картонки с надписями: «Только спросите – получите ответ!», «Самые жирные скворцы только у нас!!!», «Нужен грач – обращайтесь к старине Бейли!». Ричард вдруг вспомнил, как

²¹ «Зеленые рукава», или «Гринсливз» (Greensleeves) – одна из знаменитых песен английского фолка, известна с XVI в. Дважды упоминается у Шекспира, в том числе в «Виндзорских насмешницах». «Якети-як» (Yakkety-Yak) – песня, написанная Jerry Leiber и Mike Stoller для «The Coasters» и записанная Atlantic Records в 1958 г. Семь недель продержалась в первой строке хит-парада музыки ритм-энд-блюз и неделю – в первой сотне поп-листа.

однажды, когда он только приехал в Лондон, увидел на станции «Лестер-сквер» человека с плакатом: «Как победить похоть? Вот ответ: меньше белков, никаких яиц, мяса, фасоли, сыра – и наши собрания».

Птицы подпрыгивали в тесных клетках, сделанных из телевизионных антенн.

– Значит, вам нужна информация? – продолжал старина Бейли, не желая терять потенциального покупателя. – Карты крыш? История? Тайное мистическое знание? Я всегда говорю так: если я этого не знаю, значит, и знать там нечего.

Старик был в том же пальто из перьев, весь опутанный веревками. Он несколько раз моргнул, нацепил на нос очки, которые висели у него на шее на обрывке бечевки, и принялся пристально разглядывать Ричарда.

– Постой-ка, я тебя знаю! Ты был с маркизом Карабасом. На крыше. Помнишь? Я старина Бейли. Не забыл? – и он кинулся горячо пожимать Ричарду руку.

– Вообще-то, я как раз ищу маркиза. И девушку по имени Дверь. Думаю, они могут быть вместе.

Старик заплясал на месте, отчего во все стороны полетели перья из его пальто, а птицы в клетках захлопали крыльями и сердито закричали.

– Информация! Информация! – заорал он в толпу. – Видали? Я же говорил! В торговле нужно разнообразие! Нельзя вечно торговать только грачами на бульон, – все равно бульон из них получается неважный, а мясо жесткое, как подошва. И бестолковые они ужасно. Совершенно безмозглые птицы. Пробовал когда-нибудь грача? – Ричард покачал головой. По крайней мере, в этом он был совершенно точно уверен: грачей он не ел. – Так что ты мне дашь? – спросил старина Бейли.

– Простите?

Ричард не поспевал за ходом его мысли. Это было не легче, чем перескакивать с льдины на льдину.

– Что ты мне дашь за информацию?

– Денег у меня нет. У меня была ручка, но я ее только что отдал, – Он стал выворачивать карманы.

– Во! – воскликнул старина Бейли.

– Носовой платок? – удивился Ричард. Платок – теперь уже не очень чистый – подарила ему тетя Мод на последний день рождения.

Старина Бейли быстро схватил платок и принялся размахивать им над головой.

– Радуйся, юноша! – пропел он. – Ты нашел то, что искал. Иди прямо туда, вон в те двери. Сразу их увидишь – у них там конкурс. – Он указал на продуктовую секцию. Грач сердито каркнул. – Не твоего ума дело, – бросил старина Бейли грачу, а Ричарду сказал: – Спасибо за флажок, – и пустился в пляс вокруг своего лотка, весело размахивая носовым платком.

Конкурс? – удивился Ричард. Но тут же улыбнулся и махнул рукой: все это уже неважно. Главное, он нашел то, что искал, как сказал чокнутый старик. Облегченно вздохнув, Ричард отправился туда, куда указал старина Бейли.

* * *

Судя по всему, телохранители уделяли огромное внимание моде. Однако у каждого было свое представление о том, как должен выглядеть телохранитель. В настоящий момент Райслип²² выступал против Франта Без Имени.

Франт Без Имени был похож на пижона восемнадцатого века, которому не удалось найти подлинной одежды того времени, так что пришлось выискивать себе одеяние на

²² *Райслип* – район в западной части Лондона.

благотворительной распродаже «Армии спасения». Лицо его было густо напудрено, губы накрашены алой помадой. Его противник – Райслип – мог бы вам присниться, если бы вы уснули под песни Боба Марли после трансляции чемпионата по реслингу. Это был здоровенный растафарианец, похожий на гигантского перекормленного младенца.

Они стояли не шевелясь, лицом к лицу. Вокруг выстроились любопытные, а также другие претенденты на роль телохранителя Двери. Франт был на голову выше Райслипа, зато Райслип весил примерно как четыре франта, если каждому из них еще вручить по кожаному чемодану, забитому салом. Противники пристально смотрели друг другу в глаза.

Маркиз Карабас похлопал Дверь по плечу – поединок начался, сейчас будет интересно.

Только что Франт и Райслип стояли, сверля друг друга взглядом, и вдруг Франт резко дернул головой, словно его ударили по лицу. На щеке появился небольшой фиолетовый синяк. Франт стиснул зубы и прищурился.

– Ну-у... – выдохнул он и растянул свои красные губы в безобразной улыбке.

Франт взмахнул рукой, и Райслип скрючился, схватившись за живот.

С омерзительной ухмылкой Франт принялся раскланиваться, посылая зрителям воздушные поцелуи. Райслип с ненавистью уставился на своего противника и, очевидно, усилил натиск. Из рта Франта брызнула кровь, левый глаз раздулся. Публика одобрительно зашумела.

– Не так страшно, как кажется, – прошептал маркиз Двери.

Вдруг Франт Без Имени рухнул на колени, будто прижатый к земле невидимой силой, а потом растянулся на полу. Затем он дернулся, словно его пнули в живот, и Райслип расплылся в самодовольной улыбке. Публика вежливо похлопала. Франт извивался на полу и харкал кровью. Друзья оттащили его в сторонку, где его тут же вырвало.

– Следующий! – объявил маркиз.

Очередной потенциальный телохранитель тоже не был так огромен, как Райслип (размером в два с половиной франта плюс чемодан с салом). Тело его сплошь покрывали татуировки, а одежда казалась сделанной из автомобильных чехлов и резиновых ковриков. Бритый налысо, он улыбался зрителям, обнажая гнилые обломки зубов.

– Я Варни, – сказал он, сплюнул зеленую слюну на посыпанный опилками пол и вышел к противнику.

– Прошу, господа! – скомандовал маркиз.

Райслип несколько раз переступил с ноги на ногу, как борец сумо, и принялся сверлить взглядом соперника. На лбу у того появился порез, кровь залила глаз, но Варни не обращал на это внимания. Он сосредоточился на своей правой руке. Словно преодолев огромное сопротивление, он поднял ее и двинул кулаком Райслипу в нос. Брызнула кровь, Райслип охнул, шумно вдохнул и рухнул на пол с таким звуком, с каким, должно быть, падает в ванну с водой тонна свиной печени. Варни заржал.

Райслип медленно поднялся. Из его разбитого носа шла кровь, заливала рот, сбегала по груди и капала на пол. Только теперь Варни стер кровь со лба и обнажил зубы в гадкой улыбке.

– Давай, жирдяй. Попробуй еще раз.

– Этот ничего, – пробормотал маркиз.

Дверь озадаченно вскинула бровь.

– Какой-то он неприятный.

– Приятный – неприятный – это не самое важное качество для телохранителя. И толку от него не больше, чем от умения заглатывать омаров живьем, – поучительно проговорил маркиз. – Главное, что он выглядит *устрашающе*.

Варни вдруг резко двинул Райслипа коленом по яйцам, и тот скорчился от боли. Публика захлопала – жиденько и без энтузиазма, как аплодируют на воскресной игре в крикет где-нибудь в сонной деревеньке.

Маркиз тоже вежливо ударил ладонью о ладонь.

– Отлично, сэр, – сказал он.

Варни поглядел на Дверь и по-свойски ей подмигнул, прежде чем окончательно разделаться с Райслипом. Дверь передернуло.

* * *

Ричард услышал аплодисменты и направился туда, откуда они доносились.

Мимо прошли пять бледных девушек в одинаковых платьях. Платья были бархатные, совсем темные: темно-зеленое, темно-коричневое, темно-синее, темно-красное – цвета спекшейся крови – и, наконец, черное. У девушек были серебряные украшения, черные волосы, уложенные в аккуратные прически, и безупречный макияж. Они двигались почти бесшумно, так что Ричард слышал только шорох бархата, похожий на тихий вздох. Последняя девушка – одетая в черное, самая бледная и самая юная – улыбнулась Ричарду. Он робко улыбнулся в ответ и пошел туда, где аплодировала и гомонила толпа.

Он оказался в мясном отделе, в центре зала со статуей в виде рыбы. Глядя собравшихся в круг людей, он подумал, что не так-то просто будет найти Дверь и маркиза, но тут толпа расступилась, и он их увидел. Они сидели на стеклянном прилавке с копченой рыбой. Он уже хотел окликнуть Дверь, как вдруг понял, почему расступилась толпа. На него летел огромный детина с дредами, совершенно голый, если не считать красно-желто-зеленой набедренной повязки, завязанной, как подгузник. Ричард и охнуть не успел, как гигант рухнул на него.

* * *

– Ричард!

Он открыл глаза. Все плыло и двоилось. Наконец он сфокусировал взгляд на бледном личике со сверкающими многоцветными опаловыми глазами.

– Дверь! – выдохнул он.

Она была в ярости, больше, чем в ярости.

– Темпл и Арка! Ричард! Я не верю своим глазам. Что ты здесь делаешь?

– Я тоже рад тебя видеть, – слабо проговорил Ричард. Он встал, гадая, заработал ли сотрясение мозга и как бы это выяснить. *С чего я решил, что Дверь будет рада меня видеть?* – спросил он себя. Она разглядывала свои ногти. Ноздри ее раздувались, видно было, что она всеми силами старалась сдерживать свой гнев.

Огромный детина с гнилыми зубами, который толкнул Ричарда у моста, дрался с карликом. Они сражались на железных прутьях, и бой не был таким уж неравным, как могло показаться. Карлик отличался сверхъестественной ловкостью – он крутился, вертелся, подныривал и подпрыгивал. По сравнению с ним Варни выглядел неловкой, неповоротливой тушей.

– Что тут происходит? – спросил Ричард у маркиза, который внимательно следил за поединком.

Тот бросил на него презрительный взгляд и отвернулся.

– Ты влез в очень неприятную историю, – проговорил он, – и, как я понимаю, очень скоро тебя ждет преждевременная и некрасивая смерть. А мы выбираем телохранителя.

Варни наконец огрел прутом карлика, который тут же перестал прыгать и вертеться и без сознания грохнулся на пол.

– Довольно! – громко объявил маркиз. – Всем спасибо. Мистер Варни, подождите минутку.

– Зачем ты пришел? – холодно спросила Ричарда Дверь.

– А что мне оставалось делать?

Она вздохнула. Маркиз тем временем прощался со всеми остальными претендентами. Кого-то хвалил, кого-то одаривал советом. Варни терпеливо ждал в сторонке.

Ричард робко улыбнулся Двери, но та не ответила на его улыбку.

– Как ты попал на рынок? – спросила она.

– Ну, я попал к таким людям-крысам... – начал Ричард.

– К крыситам.

– А крыс, который доставил записку маркиза...

– Господин Долгохвост.

– ...приказал отвести меня на рынок.

Она удивленно вскинула бровь и спросила, склонив голову набок:

– Тебя привел крысит?

Он кивнул.

– Крыситка. Ее звали Анестезия. Она... в общем, с ней что-то произошло... на мосту. И дальше меня повела одна женщина. Мне кажется, она... эта... – он запнулся, – проститутка.

Маркиз подошел к Варни, и тот самодовольно осклабился.

– Каким оружием владеете? – спросил маркиз.

– У-у! Скажем так: если чем-то можно искромсать человека на куски, снести ему башку, переломать кости или продырявить, – Варни в совершенстве этим предметом владеет.

– Предшествующие работодатели?

– Олимпия, Пастушья Королева, крауч-эндцы. Кроме того, я некоторое время следил за порядком на Майской ярмарке²³.

– Что ж. Ваши наработки произвели на нас впечатление.

– Я слышала, вы ищете телохранителя, – раздался женский голос. – Профессионального телохранителя, а не желторотых новичков.

Женщина с кожей цвета жженого сахара проговорила это с улыбкой, которая, казалось, могла бы остановить сражение. Одета она была в пятнистую серо-коричневую кожу, и Ричард тотчас ее узнал.

– Это она, – прошептал он Двери. – Проститутка.

– Варни – лучший наемник и телохранитель в Нижнем мире, – с негодованием заявил Варни. – Это всем известно.

Женщина посмотрела на маркиза.

– Вы уже выбрали телохранителя? – спросила она.

– Да, – ответил Варни.

– Может быть, и нет, – ответил маркиз.

– В таком случае я бы хотела показать, что умею.

На несколько секунд воцарилась тишина, и маркиз сказал:

– Отлично! – Он снова уселся на прилавок и приготовился наблюдать за поединком.

Варни был здоровым, крепким, безжалостным садистом, опасным для окружающих, но вот сообразительностью не отличался. Он уставился на маркиза, не понимая, что происходит. Постепенно – очень нескоро – до него дошло.

– Я должен драться с ней?

– Конечно, – ответила женщина в коже. – Если только ты не хочешь сначала прилечь отдохнуть.

Варни нервно заржал. Но тут же смолк – женщина двинула его коленом в солнечное сплетение, и он повалился на пол.

Он упал как раз рядом с железным прутом, которым дрался с карликом, и, поспешно схватив его, ударил женщину по лицу. Точнее, хотел ударить, но та ловко увернулась и резко хлопнула его по ушам. Железный прут отлетел на другой конец зала. Несмотря на звон в ушах, Варни вытащил из-за голенища нож. ...Он так и не понял, что произошло, но в

²³ *Олимпия* – выставочный центр в Лондоне, построенный в 1885 г. Существует также станция метро «Кенсингтон (Олимпия)». *Крауч-энд* – район Лондона, а также станция лондонского метро, просуществовавшая с 1867 по 1970 гг. *Майская Ярмарка* (Мэйфэр) – ежегодная ярмарка, длившаяся две недели. Проводилась изначально на Шепердс-маркет (с 1686 по 1764). Сейчас Мэйфэр – район в центре Лондона, а Шепердс-маркет (*shepherd* – пастух) – площадь в этом районе.

следующую секунду уже лежал на животе, из ушей у него шла кровь, соперница сидела на нем верхом, приставив ему к горлу его собственный нож.

Тут маркиз сказал:

– Хватит!

Не убирая ножа, женщина подняла глаза на маркиза.

– Ну как?

– Очень впечатляюще, – ответил маркиз, а Дверь кивнула.

Ричард онемел от удивления. Эта женщина была, как Эмма Пил²⁴, Брюс Ли и мощнейший торнадо вместе взятые. Ему вспомнился документальный фильм о животных, в котором есть кадры, как мангуст убивает королевскую кобру. Именно так эта женщина двигалась, и так же потрясающе сражалась.

Вообще-то Ричард не выносил насилия. Но сейчас, завороченно глядя на женщину, он чувствовал, как в нем просыпается что-то новое. Ему вдруг показалось, что в этом мире – искаженном отражении Лондона – без нее чего-то бы не хватало. Она должна была здесь быть. И должна была драться именно так.

Она – часть Нижнего Лондона. Теперь он понял, что это значит. И тут же подумал о Верхнем Лондоне, в котором никто так не дрался, потому что там это *не нужно*, – о разумном, безопасном мире. Его охватила тоска по дому – внезапная, как лихорадка.

Женщина тем временем вежливо сказала:

– Спасибо, мистер Варни. Боюсь, ваши услуги не понадобятся. – Она слезла с него и повесила его нож себе на пояс.

– И как же вас зовут? – спросил маркиз.

– Я Охотница.

Воцарилась тишина. И только Дверь робко переспросила:

– *Та самая ?*

– Да, – ответила женщина, смахивая с колен пыль и опилки. – Я вернулась.

Раздался удар колокола – один, а потом второй – низкий звук, дрожью отзывавшийся во всем теле.

– Осталось пять минут, – пробормотал маркиз. – Полагаю, мы выбрали телохранителя, – объявил он оставшимся зрителям. – Всем спасибо. Представление окончено.

Охотница подошла к Двери и оглядела ее с головы до ног.

– Вы сможете меня защитить? – спросила Дверь.

Охотница кивнула в сторону Ричарда.

– Я сегодня трижды спасла *ему* жизнь: на мосту и по дороге на рынок.

Варни медленно встал на ноги, мысленно ухватился за железный прут, поднял его. Маркиз видел, что происходит, но промолчал.

Легкая улыбка появилась на губах Двери.

– Забавно, – сказала она, – а Ричард подумал, что вы...

Охотница так и не узнала, за кого ее принял Ричард. Железный прут просвистел в воздухе – Варни метил ей в голову. Она подняла руку и поймала прут на лету – с тихим «шлеп» он лег в ее ладонь.

Охотница подошла к Варни.

– Это твое? – Он оскалился, показав коричневые обломки зубов. – На рынке действует перемирие. Но если ты еще раз выкинешь что-нибудь подобное, я наплюю на перемирие, оторву тебе руки, и ты унесешь их в зубах. А теперь, – она выкрутила ему руку, – проси прощения.

– О-о! – взвыл Варни.

²⁴ Эмма Пил – одна из главных героинь английского телесериала «Мстители», агент английской разведки, зачисленный в МИ-6 в 1964 году.

– Ну?

– Прошу прощения, – выдавил он с ненавистью.

Она отпустила его.

Варни попятился, не сводя глаз с Охотницы. Он был напуган, он был в ярости. И, добравшись до выхода, остановился и крикнул:

– Ты труп! Ты труп, поняла?! – но в голосе его слышались слезы.

А потом он повернулся и бросился наутек.

– Не профессионал, – вздохнула Охотница.

* * *

Они пошли обратно – тем же путем, каким пришел Ричард. Колокол теперь гудел не переставая. Вскоре они увидели его у витрины с мармеладом – огромный медный колокол на деревянной раме. К языку была привязана веревка, которую дергал верзила-негр в черной рясе доминиканского монаха.

Насколько Ричарда потряс сам рынок, настолько же – если не больше – его потрясло, как он закрылся. Все исчезло в считанные минуты. Торговцы сложили свои лотки, взвалили на спины и ушли. Ричард заметил старину Бейли, тащившего свои вывески и клетки с птицами. Старик помахал ему и выскочил на улицу.

Все разошлись, и «Хэрродс» снова выглядел точно так же, как по субботам, когда Джессика таскала Ричарда за собой, – даже на полу ни соринки не осталось. Словно никакого рынка и не было.

– Охотница, – пробормотал маркиз. – Я, разумеется, немало слышал о тебе. Где ты была все это время?

– Охотилась, – ответила Охотница и обратилась к Двери: – Ты умеешь исполнять приказы?

Девушка кивнула.

– Да, если нужно.

– Хорошо. Значит, я *смогу* тебя защитить, если соглашусь на эту работу.

Маркиз замер и недоверчиво воззрился на Охотницу.

– Что значит *если* ?

Охотница открыла дверь, и они вышли на улицу. Недавно прошел дождь, и мокрый асфальт блестел в свете фонарей.

– Я согласна, – сказала Охотница.

Ричард поглядел на ночную улицу – такую обычную, тихую, безопасную. На секунду ему показалось, что стоит поймать такси, поехать домой, выспаться хорошенько в своей собственной постели, и все будет как раньше. Но он знал, что такси не остановится, да и дома у него больше нет.

– Как же я устал! – пожаловался он.

Все молчали. Дверь старалась не встречаться с ним взглядом, маркиз его просто игнорировал, а Охотница видела в нем только обузу. Ричард чувствовал себя малышом, который увязался за взрослыми ребятами, и его это раздражало.

– Послушайте! – рассердился он. – Я не хочу никому быть в тягость. Я знаю, что вы все очень занятые люди. Но как же я?

Маркиз обернулся и посмотрел на него, сверкнув белками.

– Ты? А что ты?

– Как мне вернуться к нормальной жизни? Это какой-то затянувшийся кошмар. Еще на прошлой неделе все было понятно, а теперь – какая-то бессмыслица, безумие... – Он сглотнул. – Я хочу знать, как мне вернуться в свой мир.

– Мы тебе тут не поможем, – сказала Дверь. – Я понимаю, тебе нелегко, Ричард. Прости...

Охотница присела на корточки, сняла с пояса какой-то металлический предмет и

открыла канализационный люк. Спустилась туда сама и, убедившись, что все в порядке, позвала Дверь. Девушка полезла вниз, даже не взглянув на Ричарда. Маркиз потер переносицу.

– Молодой человек, – проговорил он, – тебе пора уяснить, что есть два мира: Верхний Лондон, в котором ты жил раньше, и Нижний Лондон, где существуют те, кто выпал из жизни. И ты тоже выпал. Так что удачи тебе, – бросил маркиз и исчез в люке.

– Постойте! – крикнул Ричард и схватился за крышку, прежде чем она успела захлопнуться.

Он стал спускаться вслед за маркизом. Пахло сыростью, тухлой капустой, сточными водами и разложением. Однако, как ни странно, когда он наконец спустился, запах исчез. Ричард оказался в кирпичном туннеле, по которому бежала грязная вода. В отдалении светился фонарик Охотницы, рядом с ней шагали маркиз и Дверь. Шлепая по воде, Ричард кинулся вдогонку.

– Уходи, – сказал маркиз.

– Нет.

Дверь поглядела на него.

– Прости, Ричард. Мне очень жаль, что так вышло.

Маркиз встал между ними.

– Ты не можешь вернуться к своей прошлой жизни, – сказал он почти с состраданием. – Ни твоего дома, ни твоей работы больше нет. Там, наверху, *тебясамого* тоже нет.

Перед ними оказались три туннеля. Дверь и Охотница, не оглядываясь, отправились по тому, где не было воды. Маркиз помедлил.

– Тебе придется жить здесь, – сказал он Ричарду. – Придется привыкнуть к канализации, магии и темноте. – Он улыбнулся ослепительной, неискренней улыбкой и добавил: – Рад был познакомиться. Всего тебе наилучшего. Если не помрешь в ближайшие два дня, может, месяцок еще протянешь.

И он поспешил вслед за Дверью и Охотницей.

Слушая эхо их шагов и журчание воды, сбегавшей к очистной станции в восточной части города, Ричард прислонился к стене.

– Черт! – выругался он.

И к своему собственному удивлению, здесь, в темноте туннеля, впервые после смерти отца Ричард Мэхью разрыдался.

* * *

На станции метро было темно и пусто. Варни крался вдоль стены, стараясь ступать как можно тише и то и дело нервно оглядываясь. Он выбрал эту станцию наугад и добирался до нее, прыгая с крыши на крышу, держась в тени, постоянно озираясь, опасаясь слежки. Он решил не возвращаться в свое логово во всеми забытых туннелях в Кэмден-тауне. Это было слишком рискованно. К тому же в Лондоне немало тайников, где у него запас оружия и еды. Надо затаиться на время, переждать...

Остановившись у автомата с билетами, он прислушался: тишина. Удостоверившись, что за ним никто не гонится, Варни позволил себе немного расслабиться. Он замер на верхней площадке винтовой лестницы и глубоко вздохнул.

Внезапно он услышал за спиной угрожающе-вкрадчивый голос:

– Варни – лучший наемник и телохранитель в Нижнем Лондоне. Это все знают. Варни сам так сказал.

Справа от него кто-то медленно проговорил:

– А врать нехорошо. Правда ведь, мистер Круп?

Невидимый мистер Круп согласился:

– Да, мистер Вандемар, врать очень нехорошо. Признаюсь, я воспринимаю это как личное оскорбление, меня ранили в самое сердце. Я разочарован. А разочарование очень

опасно. Тому, кто не блещет ни умом, ни силой, лучше поостеречься и не разочаровывать других, не так ли, мистер Вандемар?

– Да уж, ему лучше поостеречься, мистер Круп.

Варни бросился к винтовой лестнице и понесся по ней во весь дух. С верхней площадки снова донесся голос мистера Крупа:

– Лично я считаю, что это убийство следует считать актом милосердия.

Топот Варни эхом разнесся по лестнице, отдаваясь в железных поручнях. Варни мчался во весь опор, фыркая и отдуваясь, спотыкаясь, задевая плечами стены. Наконец он добрался до нижней площадки. Там на стене висела табличка, на которой было написано, что лестница невероятно длинная – 259 ступеней, – и что по ней лучше подниматься только очень крепким и здоровым людям. Всем остальным предлагалось воспользоваться лифтом.

Лифтом?

Послышалось громкое клацанье, и двери лифта медленно открылись. Площадку залил яркий свет. Варни хотел выхватить нож, но тут же вспомнил, что нож так и остался у этой мрази – Охотницы. Выругавшись, он потянулся за мачете, который носил с собой в ножнах за спиной. Мачете не было.

Позади кто-то вежливо кашлянул, и Варни обернулся.

На нижней ступеньке винтовой лестницы сидел мистер Вандемар. С помощью мачете Варни он выковыривал грязь из-под ногтей.

Мистер Круп набросился на Варни со своим любимым стилетом – Варни не успел даже вскрикнуть.

– Пока, – безразлично сказал мистер Вандемар, продолжая чистить ногти.

Хлынула кровь. Ярко-красная, она была фонтаном, потому что Варни был очень крупный мужчина и в нем было немало этой удивительной жидкости. Однако когда мистер Круп и Вандемар закончили, у подножия лестницы осталось лишь одно небольшое пятнышко, почти незаметное.

Впрочем, после того как пол помыли, исчезло и оно.

* * *

Охотница шла впереди. За ней – Дверь. Маркиз Карабас замыкал шествие. Они бросили Ричарда полчаса назад, и с тех пор никто не проронил ни слова.

Внезапно Дверь остановилась.

– Так нельзя, – решительно сказала она. – Мы не можем оставить его здесь.

– Можем, – возразил маркиз. – Мы его уже оставили.

Она покачала головой. С той минуты, как увидела Ричарда на рынке, – он тогда лежал распростертый на земле под тяжелой тушей Райслипа, – Дверь чувствовала перед ним свою вину. И теперь поняла, что больше не может этого выносить.

– Не глупи, – сказал маркиз.

– Он спас мне жизнь, – отозвалась Дверь. – Он ведь мог запросто бросить меня на улице. Но не бросил.

Дверь чувствовала, что это она всему причиной. Она открыла дверь к тому, кто смог бы ей помочь, и он помог. Он отнес ее к себе, в теплую уютную квартиру, заботился о ней, привел туда маркиза. И именно потому, что тогда помог ей, оказался в ее мире.

Брать его с собой – безумие. Они не могут принять в команду еще одного. Им и себя-то вряд ли удастся защитить, ведь их ждет долгий и опасный путь.

И все же, неужели он попал в Нижний мир только потому, что она открыла к нему дверь? А что если была и другая причина?

Маркиз поднял бровь – он смотрел отчужденно, безучастно, с мрачной иронией во взгляде.

– Многоуважаемая леди, – проговорил он, – мы не станем брать постороннего в эту опасную экспедицию.

– Не надо мне указывать! – отрезала Дверь. Она страшно устала. – Мне представляется, что я сама вправе решать, кого взять с собой. Вы ведь работаете на *меня*, верно? Или это я работаю на вас? – Она была так подавлена и измотана, что не смогла сдержаться. Она нуждалась в маркизе Карабасе – нельзя было его обижать, – однако у нее не хватило терпения.

Маркиз посмотрел на нее, злобно и холодно.

– Он с нами *не пойдет*, – упрямо заявил он. – И вообще, он наверняка уже мертв.

* * *

Но Ричард был жив. Он сидел в темном туннеле на небольшом выступе и размышлял, что же теперь делать. Он и не думал, что способен попасть в такую переделку. За свою недолгую жизнь он успел научиться многому: ходить на работу, делать покупки в супермаркете, смотреть по телевизору футбол и включать обогреватель, когда становится холодно. Однако, как теперь оказалось, он совсем не был готов к жизни на крышах и в туннелях Лондона, жизни в вечном холоде, грязи и тьме.

Вдалеке показался огонек. Ричард услышал чьи-то шаги. Кто бы это ни был – убийцы, каннибалы, чудовища, – он даже не станет сопротивляться. У него уже не осталось никаких сил, пусть прикончат его, и поскорее. Он уставился вниз, в пол, которого даже не видел. Шаги приближались.

– Ричард, – тихо позвала Дверь. Он вздрогнул от неожиданности, но решил сделать вид, что не замечает ее. *Если бы не ты...* – с горечью подумал он.

– Ричард!

– Что? – спросил он, не поднимая головы.

– Слушай, – сказала она, – это я во всем виновата. – *А ну-ка повтори*, подумал Ричард. – Я уверена, с нами тебе будет еще хуже. Однако... Что же делать, – Она замолчала и глубоко вздохнула. – Прости меня. Пожалуйста, прости. Хочешь пойти с нами?

Тут Ричард посмотрел на нее: маленькую, худенькую девушку с огромными опаловыми глазами, которые серьезно глядели на него с бледного лица. Ладно, – сказал он сам себе, – кажется, умирать еще рано.

– Раз уж так вышло, что мне сейчас все равно нечем заняться, – беззаботно сказал он, хотя на самом деле был на грани истерики, – почему бы мне не пойти с вами?

Выражение ее лица резко изменилось. Она обняла его и крепко прижала к себе.

– Мы попытаемся помочь тебе вернуться домой, – пообещала она. – Честное слово. Как только найдем то, что я ищу.

Неужели она и вправду собирается ему помочь? Или просто его утешает, отлично зная, что на самом деле это невозможно? Ричард решил не думать об этом. Они двинулись дальше, и вскоре он увидел впереди маркиза и Охотницу, – они ожидали Ричарда и Дверь у выхода из туннеля. У маркиза было такое выражение лица, словно его только что заставили проглотить лимон.

– Кстати, а *что* ты ищешь? – спросил Ричард, заметно повеселев.

Глубоко вздохнув, Дверь немного помолчала, а потом серьезно ответила:

– Долго рассказывать. Пока что нам нужен ангел по имени Ислингтон²⁵.

Тут Ричард не выдержал и захохотал. Конечно, в этом смехе слышались нотки настоящей истерики, но так смеялся бы любой, кому на протяжении двадцати четырех часов приходилось верить в самые невероятные вещи, ни разу за все это время даже не позавтракав. Смех Ричарда эхом разнесся по туннелям.

– Ангел? – смеясь, переспросил он. – По имени Ислингтон?

²⁵ Станция метро «Энджел» (букв. ангел) получила название от таверны, стоявшей на дороге из Лондона в Шотландию. Сейчас это имя носит не только станция метро, но и часть района Ислингтон, которую так и называют «Энджел, Ислингтон» (отсюда и возникает Ангел Ислингтон).

– Да, и найти его будет непросто, – отозвалась Дверь.

Ричард покачал головой. Он чувствовал себя вымотанным, опустошенным и очень усталым.

– Ангел, – истерически прошептал он в темноте туннеля. – Ангел.

* * *

В Большом зале повсюду стояли свечи: вокруг стальных колонн, поддерживавших потолок, у водопада – потоки воды стекали по одной из стен в небольшой каменный бассейн, – на каменных полках, устроенных в другой стене, на полу, в подсвечниках у огромной двери, которая находилась между двумя высокими темными колоннами. Сама дверь была сделана из кремня, а оклад – из серебра, которое за долгие века потемнело так, что оклад казался почти черным. Свечи были потушены. Но, когда он проходил мимо, тут же загорались сами собой. Никто не касался их, никто не подносил огонь к фитилю.

Он был высок и облачен в белые одежды. Нет, не совсем белые, ибо белый сам по себе является цветом, а здесь было скорее отсутствие всяких цветов, яркое и невероятно чистое. Его босые ноги легко ступали по каменным плитам Большого зала. Его бледное лицо было мудрым и печальным, а в глазах застыло одиночество.

Он был невероятно красив.

Вот зажглись уже все свечи. Он остановился у каменного бассейна, опустил на колени, зачерпнул руками воды и стал пить. Вода была холодной и кристально чистой. Напившись, он на секунду закрыл глаза, словно вознося молитву. Потом встал и пошел по Большому залу туда, откуда пришел. И свечи гасли, когда он проходил мимо, – как они гасли десятки тысяч лет. У него не было крыльев, но все же это, несомненно, был ангел.

Ислингтон вышел из Большого зала. Потухла последняя свеча. И воцарилась тьма.

Глава VI

В своем воображаемом дневнике Ричард написал: *«Еще в пятницу у меня были работа, дом и невеста. У меня была простая, логичная жизнь (насколько жизнь вообще может быть логичной). А потом я наткнулся на раненую девушку и, как добрый самаритянин, решил ей помочь. И теперь у меня нет невесты, нет дома и нет работы. Я шагаю по какому-то туннелю в сотне футов под Лондоном, и мое будущее столь же многообещающе, как будущее мухи-однодневки...»*

– Нам сюда, – сказал маркиз, взмахнув грязным кружевным манжетом.

– По-моему, все эти туннели совершенно одинаковые, – заметил Ричард. – Откуда вы знаете, куда нам?

– А я и не знаю, – мрачно ответил маркиз. – Мы заблудились и никогда не найдем дорогу домой. Через два дня примемся пожирать друг друга.

– Правда?! – ахнул Ричард и тут же смутился, сообразив, что маркиз над ним просто издевается.

– Нет.

На лице маркиза отразилась невыразимая скука: мучить такого простофилю неинтересно. Однако самому Ричарду было уже наплевать, что о нем подумают. Все, кроме Двери, пожалуй.

Он снова вернулся к своему дневнику:

«В этом Лондоне сотни, а может, тысячи людей. Одни здесь родились, другие оказались в Нижнем мире потому, что выпали из жизни. Со мной девушка по имени Дверь, ее телохранительница и сумасшедший тип, который исполняет роль главного советника. Ночевали мы в крошечном туннеле. Дверь сказала, что это часть канализации начала 19 века. Когда я ложился, телохранительница не спала, когда проснулся – тоже. Кажется, она вообще не спит. Позавтракали мы ягодным пирогом – его достал из кармана маркиз. Зачем

таскать пирог в кармане? Пока я спал, мои ботинки почти высохли. Я хочу домой... »

Последнее предложение он мысленно трижды подчеркнул, потом переписал его крупными красными буквами, обвел в кружочек и поставил рядом батарею восклицательных знаков.

Сейчас по крайней мере под ногами не хлюпало. Туннель был новый, с серебристыми трубами и белыми стенами. Маркиз и Дверь шли впереди, Ричард ковылял за ними, а Охотница постоянно перемещалась: то она оказывалась впереди всех, то позади, то сбоку. И все время старалась держаться в тени. Причем ступала она бесшумно, и Ричарду от этого было не по себе.

Вдруг впереди показался свет.

– Вот она, – объявил Маркиз, – станция «Бэнк». Оттуда и начнем наши поиски. Лучшее места не найдешь!

– Совсем спятил, – тихо пробормотал Ричард, но эхо тут же разнесло его слова по всему туннелю.

– В самом деле? – ухмыльнулся маркиз.

Пол у них под ногами задрожал – неподалеку прошел поезд.

– Ричард, не начинай, – попросила Дверь.

Он понимал, что спорить с ними бесполезно, но все равно не сдержался:

– Да-да! Вы оба спятили. Это же бред! Нет никаких ангелов!

Маркиз задумчиво кивнул.

– Ну да, конечно. Теперь все ясно. Ангелов нет. Нет Нижнего Лондона, нет крыситов, нет пастухов в Шепердс-буш.

– Но там *нет* никаких пастухов! Только дома, магазины, дороги. Я там был!

– Есть там пастухи. И я от души желаю тебе их не встретить, – прошептала ему в самое ухо Охотница.

– Хорошо, пусть в Шепердс-буш есть пастухи. Но я все равно не верю, что под Лондоном толпами гуляют ангелы.

– Они и не гуляют толпами, – охотно согласился маркиз. – Ангел всего один. – Они дошли до конца туннеля и остановились перед дверью. – Прошу, миледи, – с поклоном промолвил маркиз, пропуская девушку вперед. Она коснулась двери, и та послушно открылась.

– Может, мы говорим про разных ангелов? – не сдавался Ричард. – Я про тех, которые с крыльями, нимбами, сидят на облаках и играют на арфах.

– Все верно, – сказала Дверь. – И мы про них же – про ангелов.

Они прошли в дверь, и Ричард невольно зажмурился от яркого света, полоснувшего по глазам как нож. Когда осторожно приоткрыл глаза, он с удивлением обнаружил, что они оказались в длинном переходе между станциями «Моньюмент» и «Бэнк». Туда-сюда сновали люди, не обращающие на них ни малейшего внимания. Где-то выль саксофон, довольно успешно выводя «I'll Never Fall In Love Again» Берта Бакара и Хэла Дэвида²⁶. Ричарду захотелось подпеть, но он, разумеется, этого не сделал. Они шли к станции «Бэнк».

– Так кого же мы ищем? – невинным тоном спросил он. – Архангела Гавриила? Рафаила? Михаила?

Маркиз постучал по станции «Энджел» на карте метро, мимо которой они как раз проходили:

– Ислингтона.

Ричард тысячу раз проезжал станцию «Энджел», расположенную в фешенебельном

²⁶ *Берт Бакара* (Burt Bacharach, р. 1928) – американский пианист и композитор, который написал сотни шлягеров для англоязычной эстрады. Одним из первых композиторов самостоятельно продюсировал многие свои записи. Приобрел всемирную известность в 1950-е гг., аккомпанируя и гастролируя вместе с Марлен Дитрих. В 1957 г. встретил поэта-песенника *Хэла Дэвида*, с которым в основном и сотрудничал на протяжении последующих двух десятилетий.

Ислингтоне с его антикварными магазинами и дорогими ресторанами. Он мало что знал об ангелах, но был уверен, что станцию назвали в честь какого-нибудь паба или таверны. И решил сменить тему:

– Когда я пару дней назад пытался сесть в вагон, у меня ничего не получилось.

– Надо было показать вагону, что ты сильнее, вот и все, – раздался негромкий голос Охотницы откуда-то сзади.

– Не волнуйся, мы сможем сесть на тот поезд, который нам нужен, – проговорила Дверь, кусая губы. – Если, конечно, сумеем его найти.

Ее слова потонули в музыке, звучавшей совсем близко. Они спустились по ступенькам, свернули за угол и увидели саксофониста. Он играл, а на полу перед ним было расстелено пальто. На нем лежали россыпью монетки, наверняка брошенные самим саксофонистом в надежде подбодрить прохожих. Но судя по всему, этот фокус ни на кого не действовал.

Саксофонист был необыкновенно высокий, с темными волосами до плеч и длинной раздвоенной бородой, с глубоко посаженными глазами и крупным носом. Он был в линялой футболке и заляпанных жиром голубых джинсах. Когда они подошли к нему, он перестал играть, вытряхнул слюну из мундштука, снова прижал его к губам и заиграл «Сгу Ме А River» Джули Лондон²⁷:

Now, you say you're sorry...²⁸

Ричард с удивлением понял, что саксофонист их видит, хотя и старается этого не показать. Маркиз остановился прямо перед ним. Мелодия с жалким писком оборвалась. Маркиз холодно улыбнулся.

– Ты ведь Лир, не так ли?

Саксофонист неохотно кивнул, нервно перебирая пальцами клавиши саксофона.

– Нам нужен Эрлс-корт, – сказал Маркиз. – У тебя случайно не найдется расписания?

Ричард начал догадываться, что «Эрлс-корт»²⁹ вряд ли означает ту станцию метро, на которой он сто раз сидел на лавочке в ожидании поезда, читая газету или просто о чем-нибудь думая. Саксофонист Лир облизнул губы.

– Может, и найдется. А что я получу взамен?

Маркиз сунул руки в карманы плаща и улыбнулся, как кот, которому доверили клетку с бестолковыми, жирными канарейками.

– Говорят, – промолвил он таким тоном, будто вел светскую беседу, – что наставник Мерлина Блэз однажды сочинил мелодию, настолько завораживающую, что монеты сами выпрыгивали из карманов у всех, кто ее слышал.

– Такая мелодия стоит больше, чем какое-то расписание, – прищурившись, заметил Лир. – Если, конечно, вы ее знаете.

Маркиз правдоподобно изобразил недоумение. Его лицо говорило: «Еще бы! Эта мелодия почти бесценна!».

– Ну, очевидно, ты будешь мне должен, – важно объявил он.

Лир кивнул, вытащил из заднего кармана джинсов сложенное вчетверо расписание и показал маркизу, но когда тот хотел его взять, Лир отдернул руку.

– Нет уж, сначала мелодия. И я хочу убедиться, что она работает.

Маркиз вскинул бровь, сунул руку в один из многочисленных карманов плаща и вытащил оттуда оловянный свисток и стеклянный шарик. С удивлением поглядел на шарик,

²⁷ *Джули Лондон* (наст. имя – Gayle Peck, 1926–2000) – известная американская певица и актриса, прославившаяся своим хриловатым, чувственным голосом.

²⁸ «А теперь ты говоришь: прости...» (англ.)

²⁹ *Эрлс-корт* – станция метро и район в Лондоне. Район получил свое название оттого, что с начала XII в. эта местность принадлежала графам Оксфорд – потомкам Обри де Вера I.

хмыкнул, словно говоря: «А, так вот куда он запропастился!» – и убрал шарик в карман. Потом размял пальцы, поднес свисток к губам и заиграл странную развеселую мелодию. Она то взлетала, то опадала, и Ричард вдруг почувствовал себя снова тринадцатилетним, когда музыка так много для него значила. Ему вспомнилось, как он слушал на большой перемене «Лучшую двадцатку» хитов, и это казалось безумно важным. Мелодия, которую играл маркиз, представилась ему той самой, какую он всегда мечтал услышать.

Горсть монет со звоном полетела на пальто. Прохожие улыбались, шагая в такт. Маркиз опустил свисток.

– Ах ты жулик! – воскликнул Лир. – Ладно, я тебе должен.

– Конечно, – согласился маркиз, разворачивая расписание и удовлетворенно кивая. – Смотри не переборщи. От души советую: не увлекайся.

И они пошли дальше по переходу, мимо рекламы нижнего белья и новых фильмов, а также надписей, запрещающих уличным музыкантам играть в переходе. Издали доносился плач саксофона и звон монет, падающих на пальто.

Маркиз привел их на платформу Центральной линии. Ричард заглянул за край, как всегда гадая, по какому из рельсов идет ток. На этот раз он решил, что по дальнему, под который подложены белые керамические изоляторы, и улыбнулся, увидев темно-серуюмышь, смело снующую по шпалам в поисках чипсов и недоеденных булок.

Из динамиков послышалось: «Отойдите от края платформы!» – официальный, бестелесный мужской голос, всегда предварявший появление поезда. Как большинство лондонцев, Ричард давно уже не замечал такие объявления, воспринимая их как звуковой фон. И вдруг Охотница схватила его за руку выше локтя:

– Отойди от края, – приказала она. – Встань там, у стены.

– Чего? – удивился Ричард.

– Я сказала, отойди... – начала она, но тут у края платформы появилось оно.

Призрачная, бесформенная тень – какой-то густой черный дым – вздувалась, как шелковая ткань под водой, скользила стремительно и в то же время медленно – как в дурном сне. Тень вытянулась, словно протянула щупальце, обвила лодыжку Ричарда, обжигая даже сквозь ткань джинсов... и дернула его к краю платформы, так что Ричард пошатнулся.

Краем глаза он заметил, что Охотница бьет тень шестом, снова и снова нанося мощные удары.

Послышался далекий вскрик – тонкий и неосмысленный, словно у ребенка-дауна отобрали любимую игрушку. Тень отпустила Ричарда и скрылась за краем платформы. Охотница взяла Ричарда за шкурку и оттащила к стене, к которой он тут же тяжело привалился. Его била дрожь. Все вокруг казалось нереальным. Там, где призрак коснулся его джинсов, на ткани осталась светлая полоса, словно джинсы неудачно покрасили в домашних условиях. Он подвернул штанину – на коже были ранки.

– Что... – хотел сказать Ричард, но голос пропал. Тогда он сглотнул и попробовал снова: – Что это было?

Охотница глянула на него совершенно бесстрастно. Казалось, ее лицо вырезано из темного дерева.

– Насколько я знаю, у них нет названия. Они живут за краем платформы. Я же говорила тебе отойти.

– Я раньше никогда такого не видел.

– Раньше ты не был частью Нижнего мира, – объяснила Охотница. – В другой раз стой у стены. Так безопаснее.

Маркиз достал массивные золотые часы, поглядел на них и снова пристроил в жилетный карман. Потом сверился с расписанием и удовлетворенно кивнул.

– С Эрлс-корт нам повезло, – объявил он. – Наш поезд через полчаса.

– Но ведь «Эрлс-корт» не на Центральной линии, – заявил Ричард.

Маркиз насмешливо на него поглядел..

– Какое у вас незамутненное сознание, молодой человек. Нет ничего лучше

абсолютного неведения, не правда ли?

Ричард почувствовал теплый поток воздуха. К станции подошел следующий поезд. Ричард с завистью смотрел, как люди входят и выходят, занятые своими обычными делами. «Отойдите от края платформы, – призывал голос. – Не задерживайтесь в дверях – проходите в глубь вагона».

Дверь глянула на Ричарда и встревожилась. Он побледнел как полотно и тяжело дышал. Она подошла к нему и взяла за руку. «Отойдите от края платформы», – снова повторил голос.

– Я в порядке, – мужественно соврал Ричард, ни к кому конкретно не обращаясь.

* * *

Во дворе заброшенной больницы, в которой обосновались Круп и Вандемар, было сыро и безрадостно. Пучки травы пробивались у ножек оставленных здесь столов, резиновых покрышек и обломков мебели. Казалось, лет десять назад (то ли от скуки, то ли от отчаяния, а может, в знак протеста) врачи выкинули все из своих кабинетов и оставили здесь гнить.

Двор усеивало множество осколков. Здесь было несколько матрасов, почему-то прожженных. Почему, никто не знал, да и никому не было дела. Трава пробивалась между пружин. Целая экосистема сложилась вокруг фонтана в центре двора, который уже много лет не мог порадовать никого ни красотой, ни живительными струями. Дождевая вода собиралась в чаше фонтана вместе с водой из лопнувшей неподалеку трубы, и здесь расплодилось множество лягушек, которые беззаботно скакали вокруг, радуясь, что им ничто не грозит, если не считать их единственных врагов – птиц.

В свою очередь, вороны, дрозды, а также залетающие сюда изредка чайки считали это место уникальной закусочной, где в изобилии имеются лягушки, зато нет ни одного кота.

Слизняки лениво ползали между пружин прожженных матрасов, улитки оставляли липкие следы на осколках стекла. Большие черные жуки деловито сновали по обломкам серых пластмассовых телефонов и причудливо изувеченным куклам Барби.

Круп и Вандемар вышли подышать свежим воздухом. Похожие в своих темных потертых костюмах на две черные тени, они бродили по двору, и стекло хрустело у них под башмаками. Мистер Круп кипел яростью. Он шел в два раза быстрее мистера Вандемара, то забегая вперед, то обходя его сзади, подпрыгивая от негодования. Время от времени он бросался на стену и принимался молотить по ней кулаками и пинать ногами, вымещая свою злость. Вандемар же шел спокойно. Мерно, уверенно и неотвратно – как сама Смерть. Он равнодушно смотрел, как Круп пнул стекло, прислоненное к стене, и оно с мелодичным звоном разлетелось вдребезги.

– Дело в том, мистер Вандемар, – заявил Круп, глядя на осколки, – что я сыт по горло. Мне надоела эта игра в прятки, это ничегонеделание, дуракаваляние... Жалкая жаба! Да я мог бы выдавить ему глаза вот этими самыми руками...

Мистер Вандемар покачал головой.

– Рано. Он наш босс. И дал нам задание. Вот заплатит, тогда и можно будет повеселиться.

Мистер Круп сердито сплюнул.

– Ничтожество! Лживый болван... Мерзкая тварь! Прихлопнуть его, уколошить, пустить в расход, аннулировать...

Громко зазвонил телефон. Круп и Вандемар стали озадаченно оглядываться. Наконец мистер Вандемар заметил аппарат, стоявший на груде размокших медицинских карт. Провода были оборваны. Вандемар снял трубку и передал ее Крупу:

– Это тебя.

Он не любил разговаривать по телефону.

– Мистер Круп у аппарата! – рявкнул Круп и тут же сменил тон на раболепный: – А, это вы, сэр... – Он помолчал. – В настоящий момент, как вы и просили, она

беспрепятственно делает что хочет, беззаботная как бабочка. Боюсь, ваша идея насчет телохранителя с треском провалилась... Варни? Да, уже мертв. – Он снова помолчал. – Сэр, я начинаю испытывать некоторый дискомфорт от той роли, которую мы с моим коллегой играем во всем этом деле. – Он снова умолк и вдруг смертельно побледнел. – Непрофессионально? – прошипел он. – *Мы* ? – Мистер Круп стукнул кулаком об стену, однако тон его ничуть не изменился. – Сэр, осмелюсь вам напомнить, что мы с мистером Вандемаром сожгли Трою, мы принесли черную чуму во Фландрию. Мы убили дюжину королей, пяток римских пап, полсотни героев и двух так называемых богов. По поручению нашего предыдущего работодателя мы замучили до смерти всех монахов монастыря в Тоскане в шестнадцатом веке. Так что, извините, *мы* – профессионалы!

– Мне, кстати, понравилось, – проговорил мистер Вандемар, запихивая в рот лягушек. Развлечение заключалось в том, чтобы натолкать как можно больше и только потом начать пережевывать.

– Что я хочу этим сказать? – переспросил мистер Круп, стряхивая с потертого пиджака воображаемую пылинку и не замечая грязных пятен. – Я хочу сказать, что мы убийцы, киллеры. Мы убиваем. – Его собеседник что-то сказал. – А как же этот, из Верхнего мира? Почему его нельзя убить? – мистер Круп поморщился, сплюнул, пнул стену и снова замер с ржавым разваливающимся телефоном в руке. – *Занугатье* ? Мы убийцы, а не пугала. – Он помолчал, глубоко вздохнул: – Хорошо, я понял. Но мне это не нравится.

На том конце повесили трубку. Мистер Круп поглядел на телефон, а потом принялся колотить им об стену до тех пор, пока аппарат не рассыпался в хлам.

Подошел мистер Вандемар. Он нашел где-то огромного черного слизня, ярко-оранжевого снизу, и теперь посасывал его, как лакричный леденец. Слизняк, не отличавшийся сообразительностью, пытался уползти Вандемару на подбородок.

– Кто это был? – спросил Вандемар.

– А ты как думаешь?

Мистер Вандемар пожевал хвост слизня, а потом всосал его, как толстую липкую макаронину.

– Пугало? – предположил он.

– Наш босс.

– Со второй попытки я бы угадал.

– Пугала! – Мистер Круп с отвращением сплюнул. Он медленно переходил от красной кипучей ярости к клейкой серой обиде.

Мистер Вандемар проглотил слизняка и вытер рот рукавом.

– Я знаю отличный способ пугать ворон, – сообщил он. – Подкрадываешься к вороне, хватаешь ее за шею и сжимаешь до тех пор, пока не перестанет трепыхаться. Вот это их до смерти пугает.

Он умолк, и в тишине послышался недовольный крик ворон, пролетающих над головой.

– Вороны, семейство врановые, по-латыни *corvidae* , собирательное существительное, – произнес мистер Круп, наслаждаясь словами. – В народе олицетворяют убийство.

* * *

Ричард и Дверь стояли у стены. Она молчала. То грызла ногти, то проводила руками по рыжеватым волосам, отчего они только топорщились, и Дверь тут же снова принималась их приглаживать. Она не походила ни на одну из девушек, каких Ричард когда-либо видел. Ловя на себе его взгляд, она пряталась еще глубже в свою огромную куртку и выглядывала оттуда с выражением, напомнившим Ричарду бездомного ребенка, которого он видел прошлой зимой в Ковент-Гарден. Он так и не понял, мальчик это был или девочка. Его мать просила милостыню, умоляя прохожих подать монетку, чтобы она могла накормить малыша, которого держала на руках. А ребенок, продрогший и голодный, молча смотрел на мир широко распахнутыми глазами.

Охотница, стоя рядом с Дверью, внимательно оглядывала платформу. Маркиз велел им подождать и куда-то пропал. Ричард услышал, как где-то заплакал ребенок, и из двери с надписью «вход» появился маркиз, жуящий шоколадку.

– Развлекаетесь? – поинтересовался Ричард.

В потоке теплого воздуха снова подлетел поезд.

– Нет, занимаюсь делом, – ответил маркиз, снова сверился с расписанием и посмотрел на часы. – Это наш поезд, – объявил он. – Встаньте за мной. – Ричард разочарованно отметил, что поезд, с грохотом подошедший к станции, ничем не отличался от других. Маркиз перегнулся через Ричарда к Двери. – Леди, наверное, я должен был вас заранее предупредить...

Она поглядела на него. В ее необыкновенных глазах было удивление.

– О чем?

– Дело в том, что, *возможно*, граф будет не слишком рад меня видеть.

Поезд с шипением остановился. Перед ними оказался пустой вагон. Лампы в нем не горели. Он был темен и неприютен. Ричард иногда видел такие вагоны-призраки и не раз ломал голову, зачем они нужны. В остальных вагонах двери разъехались, одни люди вышли, другие вошли. Двери в пустой вагон оставались закрыты. Маркиз постучал – условным ритмичным стуком. Ничего не произошло. Ричард уже подумал, что поезд сейчас уедет, когда кто-то приоткрыл изнутри двери – дюймов на шесть. В щель показалось лицо.

– Кто стучит? – спросил старик в очках.

В щель Ричарду привиделись костры и люди, окутанные дымом. Однако если глянуть в вагон сквозь стекло, там по-прежнему было темно и пусто.

– Леди Дверь и ее спутники, – вежливо ответил маркиз.

Двери открылись, и они шагнули в Эрлс-корт.

Глава VII

На полу была разбросана солома – поверх тростника. В камине ярко горел огонь, потрескивали дрова, рассыпая снопы искр. Важно бродили куры, поклевывая солому. На сиденьях лежали подушки с вышивкой ручной работы, а на окнах и дверях висели старинные гобелены.

Поезд отошел от станции. Ричард покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за плечо стоявшего рядом человека. Это оказался невысокий, седой солдат, которого, если бы не железный шлем, плащ, плохо собранная кольчуга и копье, можно было принять за вышедшего на пенсию члена правительства. Впрочем, даже во всем этом обмундировании он был похож на члена правительства, – которого заставили сыграть солдата в местном театральном кружке.

Когда Ричард схватил его за плечо, старик мигнул, близоруко прищурился и сказал:

– Простите.

– Это я виноват, – отозвался Ричард.

– Да, точно.

Огромный ирландский волкодав прошел по вагону и остановился рядом с музыкантом, сжимавшим в руках лютню. Музыкант сидел на полу и наигрывал веселую мелодию. Волкодав пристально посмотрел на Ричарда, пренебрежительно фыркнул, лег у ног музыканта и заснул. В дальнем конце вагона престарелый сокольничий, у которого на рукаве сидел сокол в клубке, обменивался любезностями с несколькими пожилыми дамами. Некоторые пассажиры мрачно уставились на вошедших, другие демонстративно отвернулись. Словно кто-то умудрился втиснуть в вагон метро небольшой средневековый замок, подумал Ричард.

Герольд поднял горн и затрубил. В ту же минуту из двери соседнего вагона вышел огромный старик в халате, отороченном мехом, и тапочках. Пошатываясь, он побрел по вагону. Рядом семенил шут в потрепанной пестрой одежде. Старик был чудовищных

размеров – не человек, а гора. Один глаз у него закрывала черная повязка, как у пирата, и от этого старик казался беспомощным, как одноглазый сокол. В его рыжей с проседью бороде застряли остатки пищи, а из-под халата, отороченного мехом, выглядывала пижама.

Это, должно быть, и есть граф, догадался Ричард.

У престарелого шута, с лицом, раскрашенным, как у Арлекина, были тонкие сухие губы. Он напоминал старого неудачливого комика, лет сто назад сбежавшего из затрапезного викторианского театра. Шут подвел графа к резному деревянному креслу, похожему на трон, на которое тот с превеликим трудом взгромоздился. Волкодав встал, подошел к трону и лег у ног графа.

Эрлс-Корт, сообразил Ричард. *Как это я раньше не догадался!* И он задумался, есть ли барон на «Бэронс-корт» и ворон на «Рейвенскорт»³⁰...

Престарелый солдат закашлялся.

– Эй вы, четверо! По какому делу пожаловали? – спросил он, поборов приступ кашля.

Дверь шагнула вперед, подняла голову, так что стала как будто выше, чем обычно, и проговорила:

– Мы просим аудиенции у его светлости.

– Холворд, что говорит эта девочка? – спросил граф.

Ричард решил, что он глуховат.

Пройдя по вагону, престарелый солдат Холворд сложил ладони рупором и прокричал:

– Она просит аудиенции, ваша светлость!

Сдвинув набок меховую шапку, граф задумчиво почесал лысую голову.

– Правда? Аудиенции? Замечательно! А кто это, Холворд?

Холворд снова повернулся к ним.

– Граф спрашивает, кто вы такие. Говорите, только покороче. Без особых подробностей.

– Я – леди Дверь, – представилась девушка. – Лорд Портико был моим отцом.

Услышав это, граф радостно улыбнулся и подался вперед, пытаясь в клубах дыма своим единственным глазом разглядеть нежданную гостью.

– Девочка говорит, что она – старшая дочь Портико? – переспросил он шута.

– Да, ваша светлость.

Граф махнул Двери:

– Иди сюда. Иди-иди, не бойся. Дай-ка я на тебя погляжу.

Дверь пошла к нему по раскачивающемуся из стороны в сторону вагону, хватаясь за веревочные петли, свисавшие с потолка. Остановившись перед креслом, в котором сидел граф, она сделала реверанс. Граф задумчиво почесал бороду и посмотрел на девушку.

– Безвременная смерть твоего отца поразила нас всех до глубины души и... – Граф неожиданно умолк и, помолчав, продолжил: – То, что произошло с твоей семьей, привело нас... – Он снова смолк. – Ты знаешь, что я питал к твоему отцу самые теплые и дружеские чувства. У нас с ним были общие дела... Бедный Портико... У него всегда было столько идей... – Он похлопал шута по плечу и прошептал, так громко, что его шепот можно было услышать из любого конца вагона, несмотря на стук колес: – Пора пошутить, Тули. Зря, что ли, я тебя кормлю?

Шут заковылял по вагону, прихрамывая и морщась от боли, – видимо, его мучил артрит и ревматизм. В конце концов он остановился рядом с Ричардом и спросил:

– Кто бы это мог быть?

³⁰ *Бэронс-Корт* (букв. «Двор барона») – станция метро и район в Лондоне. Название дал сэр Уильям Пэллисер – член парламента, которому принадлежали эти земли. Сэр Уильям был ирландского происхождения и назвал район в честь Baronscourt estate в Ирландии. *Рейвенскорт* -парк (букв. «Двор ворона») – станция лондонского метро. Название «Рейвенскорт» придумал для своего особняка в этой местности Уильям Корбетт (1680–1748), на гербе которого был изображен ворон.

– Я? – переспросил его Ричард. – Эээ. Я? Вы хотите узнать мое имя. Меня зовут Ричард. Ричард Мэхью.

– Я? – визгливо передразнил его шут, неудачно попытавшись изобразить шотландский акцент. – Я? Эээ. Я? Гляди-ка, дядюшка! Да это же просто дурачок!

Подданные графа вежливо захихикали.

– А меня зовут маркиз Карабас, – сказал Карабас, ослепительно улыбнувшись шуту. Тот замигал.

– Маркиз Карабас? – переспросил шут. – Воришка? Похититель тел? Предатель? – Он повернулся к придворным. – Нет-нет, это не маркиз Карабас. Почему? Да потому, что того Карабаса навсегда отлучили от двора нашего милостивого графа. Наверное, это новый вид *горностая*, который гораздо крупнее своих сородичей.

Придворные неуверенно хихикнули и обеспокоенно зашептались. Граф не проронил ни слова. Он сидел, плотно сжав губы и дрожа от злости.

– А меня зовут Охотница, – сообщила Охотница шуту.

Придворные молчали. Шут открыл было рот, собираясь что-то сказать, но глянул на Охотницу и снова его закрыл. На губах у Охотницы заиграла легкая улыбка.

– Давай же, – попросила она. – Скажи что-нибудь забавное.

Уставившись в пол, шут выдавил из себя:

– А моей собаке отгрызли нюх.

Граф неотрывно смотрел на маркиза Карабаса. Он был похож на динамит с длинным фитилем, по которому медленно бежит искра. Глаза выпучил, губы у него побелели, – словно он не мог поверить в то, что видит. Внезапно граф вскочил на ноги – седобородый вулкан, престарелый берсеркер³¹ – и уперся головой в потолок. Указав на маркиза, он вскричал, разбрызгивая слюну:

– Я этого не потерплю! Не потерплю! Путь он подойдет!

Холворд мрачно ткнул маркиза своим копьём. Тот подошел к Двери и встал перед графом. Волкодав глухо зарычал.

– Это ты! – завопил граф, ткнув в него длинным узловатым пальцем. – Я тебя узнал, Карабас! Думал, я тебя забуду?! Ни за что! Да, я старый, но я все прекрасно помню!

Маркиз поклонился.

– Осмелюсь вам напомнить, ваша светлость, – вежливо сказал он, – что у нас был уговор. Я помог вам заключить мир с Рэйвенскорт. А взамен вы обещали оказать мне любую услугу, о какой бы я ни попросил.

Значит, «Рэйвенскорт» тоже не просто станция, подумал Ричард. Ему стало интересно, кто там живет.

– Услугу? – пророкотал граф. От злости он покраснел как помидор. – Вот как ты это называешь! Во время отступления из Уайт-Сити³² я потерял дюжину подданных исключительно по твоей дурости. И лишился одного глаза.

– Позвольте заверить вас, ваша светлость, – проговорил маркиз, – что эта повязка вам к лицу. Она великолепно подчеркивает вашу красоту.

– Я поклялся... – прогремел граф, тряся бородой. – Я поклялся... что если ты еще раз окажешься в моих владениях... – Он запнулся. Растерянно покачал головой, словно сию секунду что-то вспомнить. Потом продолжил: – Ничего-ничего, я сейчас вспомню. Я никогда ничего не забываю.

– Значит, он, *возможно*, будет не слишком рад тебя видеть? – прошептала Дверь

³¹ *Берсеркер* – у древних скандинавов воин-герой, обладавший сверхчеловеческой силой и яростной жадой битв.

³² *Уайт-сити* – станция метро и район к северу от Шепердс-буш. Получила свое название от белых выставочных павильонов (здесь проходила франко-британская выставка в 1908 г., британско-японская в 1910 г. и др.).

маркизу.

– Ну да. Разве он рад? – пробормотал в ответ Карабас.

Дверь снова шагнула вперед.

– Ваша светлость, – громко и четко сказала она, – маркиз Карабас мой друг и помощник. Прошу вас, во имя взаимного уважения, какое всегда питали друг к другу мой и ваш род, во имя вашей дружбы с моим отцом...

– Он злоупотребил моим гостеприимством! – рявкнул граф. – Я поклялся, что... если он еще раз окажется в моих владениях, я прикажу его хорошенько выпотрошить, а потом повесить сушиться... как нечто, что... хмм... сначала выпотрошили, а потом... хмм... повесили сушиться...

– Может, как воблу? – подсказал шут.

Граф пожал плечами.

– Какая разница! Стража, взять его!

Стража тут же повиновалась. И хотя стражники тоже были не первой молодости, они крепко держали свои арбалеты, нацелив их на маркиза. Ричард глянул на Охотницу. Казалось, ее это не особо заботило: она смотрела на происходящее с легкой улыбкой, как зрители смотрят забавную пьесу.

Дверь сложила руки на груди и еще выше вскинула голову. Сейчас она была похожа не на маленького оборвыша, а на очень упрямую девочку, которая привыкла добиваться своего. Ее опаловые глаза засверкали.

– Ваша светлость, маркиз пришел со мной, он помогает мне в очень трудном деле. Наши с вами семьи всегда были дружны...

– Да, дружны, – перебил ее граф. – Сотни лет. Несколько сотен лет. Я знал еще твоего прадедушку. Забавный был старикан, – потом тихо добавил: – Правда, со странностями.

– Я вынуждена заявить, что расцениваю акт насилия по отношению к моему другу как полное неуважение ко мне и моему роду. – Дверь сурово посмотрела на престарелого графа. А он уставился на нее. Так они простояли несколько минут, не проронив ни слова. В конце концов, ожесточенно подергав свою рыжую с проседью бороду и по-детски обиженно выпятив нижнюю губу, граф сказал:

– Пусть уходит.

Маркиз вынул из кармана золотые часы, которые подобрал в доме Портико, спокойно взглянул на них, повернулся к Двери и сказал так, будто ничего особенного не произошло:

– Полагаю, леди, мне лучше сойти с поезда. Там от меня будет больше пользы. Мне нужно много чего обдумать.

– Нет, – отозвалась девушка. – Если вы уйдете, мы тоже уйдем.

– Не переживай, – успокоил ее маркиз. – Здесь, в Нижнем Лондоне, тебя всегда защитит Охотница. Я постараюсь встретиться с вами на следующем рынке. А пока что – будь умницей и не наделай глупостей.

Состав как раз подходил к станции.

Дверь пристально посмотрела на графа, и, несмотря на ее юный возраст, во взгляде ее больших опаловых глаз было что-то невероятно древнее и могущественное. Ричард заметил, что придворные тут же замолкали, когда она начинала говорить.

– Вы позволите ему уйти, ваша светлость? – спросила она.

Граф провел ладонями по лицу, потер свой единственный глаз, потерев повязку на другом, потом посмотрел на девушку.

– Пусть идет, – сказал он и, посмотрев на маркиза, добавил: – В следующий раз... – он провел пальцем по горлу. – ...Вобла!

Маркиз отвесил поклон.

– Не надо меня провожать! – бросил он стражникам и подошел к открытым дверям.

Холворд вскинул арбалет и нацелил его в спину маркиза. Охотница протянула руку и направила арбалет в пол. Маркиз вышел на платформу, повернулся и игриво помахал им рукой. Двери с шипением закрылись.

Граф опустил в свое резное кресло и какое-то время сидел молча. Громох и раскачиваясь, состав мчался по темному тоннелю.

– Я совсем забыл о гостеприимстве! – вдруг пробормотал граф себе под нос. Он посмотрел на своих гостей единственным глазом и проревел так, что стены задрожали, как от барабанного боя: – *Я совсем забыл о гостеприимстве!* – Он жестом подозвал одного из престарелых стражников. – Дагворд, они наверняка хотят есть. И пить тоже.

– Так точно, ваша светлость.

– Остановите поезд! – крикнул граф.

Двери открылись, и Дагворд выскочил на платформу. Ричард с интересом смотрел на людей на станции. Ни один не вошел в их вагон. Казалось, никто вообще не заметил ничего странного.

Дагворд подошел к автомату с шоколадными батончиками и безалкогольными напитками. Сняв шлем, он постучал рукой в латной рукавице по стальному боку автомата.

– Приказ графа, – сказал он. – Нужны батончики.

Автомат протяжно заскрежетал и принялся выплевывать в поддон батончики «Фрут энд Нат». Подставив шлем, Дагворд ловил их – батончиков было так много, что они посыпались на пол. Двери вагонов начали закрываться. Холворд быстро сунул между дверьми копьё, и они снова разъехались, и стали то закрываться, то разъезжаться. «Граждане пассажиры, отпустите двери, – слышалось из динамика. – Поезд не пойдет, пока двери не закроются».

Граф посмотрел на Дверь своим единственным глазом и спросил:

– Итак, что привело тебя ко мне?

Она облизнула губы.

– В общем и целом, смерть моего отца.

Он медленно кивнул:

– Понятно. Хочешь отомстить. Это правильно, – откашлявшись, он продекламировал низким басом: – «Голодный клинок твой жаждет расправы! Пусть пламя взвоется до самых стен, пусть кровь здесь прольется не ради забавы, – пусть смоет потоками...» Смоет потоками... эээ... в общем, что-то там смоет. Да.

– Отомстить? – Дверь на секунду задумалась. – Ну да. Отец именно об этом и просил. Но пока я хочу всего лишь выяснить, как такое могло произойти, и спастись сама. У моей семьи не было врагов.

В эту минуту в вагон зашел Дагворд со шлемом, полным батончиков и банок колы. Холворд убрал копьё, двери тут же закрылись, и состав тронулся.

* * *

Пальто Лира по-прежнему лежало на полу, усыпанное горками монет и смятых банкнот, истоптанное башмаками. Люди топтали монеты, рвали банкноты и ткань пальто. Казалось, никому нет дела до того, что у них под ногами деньги. Лир плакал.

– Оставьте меня в покое! Ну пожалуйста! – молил он.

Он прижался спиной к стене. По лицу текла кровь, она уже залила всю бороду. Помятый, исцарапанный саксофон висел у него на груди.

На него напирала толпа – больше двадцати, но меньше пятидесяти человек. Они толкались и отпихивали друг друга, как безумные. Уставившись в пустоту, мужчины и женщины боролись не на жизнь, а на смерть за право бросить Лиру деньги на пальто. На покрытой кафелем стене расплылось алое пятно крови – там, где Лир ударился головой. Он отчаянно пытался отбиться от какой-то дамы с раскрытым кошельком в руках, которая пихала ему в лицо целую пачку пятифунтовых банкнот. Она готова была выцарапать ему глаза, лишь бы он взял у нее деньги. Уклоняясь от ее острых ногтей, Лир не устоял на ногах и рухнул на пол лицом вниз.

Кто-то наступил ему на руку. Монеты больно впивались в лицо. Лир рыдал и ругался.

– Я же говорил: не увлекайся, – спокойно сказал кто-то. – Вот к чему приводит жадность.

– Помоги! – выдохнул Лир.

– Что ж, в *принципе* есть другая мелодия, которая могла бы тебе пригодиться, – неохотно сказал некто.

Толпа наседала на Лира. Кто-то бросил монетку в пятьдесят пенсов прямо ему в лицо, и ее острый край порезал ему щеку. Лир обхватил колени и, зажмурившись, уткнулся в них лицом.

– Играй, черт бы тебя побрал! – всхлипывая, крикнул он. – Я сделаю все что угодно... Играй!

В ту же секунду, эхом отражаясь от каменных стен, по туннелю разнеслась тихая трель. Одна простая фраза повторялась снова и снова с легкими вариациями. Люди стали расходиться, сначала медленно и неохотно, потом все быстрее и увереннее. Лир открыл глаза. Маркиз Карабас дудел в свою свистульку, прислонившись к стене. Заметив, что Лир смотрит на него, он перестал дудеть, убрал свистульку во внутренний карман плаща и бросил музыканту носовой платок, отделанный кружевами. Лир вытер кровь со лба и щеки.

– Они меня чуть не растерзали! – сердито проговорил он.

– Я же тебя *предупреждал*, – отозвался маркиз. – Тебе крупно повезло, что я решил вернуться. – Он помог Лиру сесть. – Насколько я понимаю, теперь за тобой еще один должок.

Лир поднял пальто – рваное, грязное, со следами ботинок. Ему вдруг стало холодно, и он набросил пальто на плечи. Монеты и банкноты посыпались на пол. Лир даже не взглянул на них.

– Неужели? Просто повезло? Или ты все это подстроил?

Маркиз будто бы всерьез обиделся.

– Да как ты мог такое подумать?

– Я слишком хорошо тебя знаю. Ну ладно, чего тебе надо? Украсть что-нибудь? Устроить поджог? – Лир помолчал, а потом с грустью добавил: – Небось, хочешь, чтобы я кого-то убил?

Карабас забрал у него свой платок.

– Зря гадал. Первое предположение было верным. Мне действительно надо, чтобы ты для меня кое-что украл, – улыбнувшись, сказал он. – Понимаешь, мне позарез нужна статуэтка периода династии Тан.

Лира передернуло, и он неохотно кивнул.

* * *

Ричарду вручили батончик «Фрут энд Нат» из автомата и огромный серебряный кубок, инкрустированный по краю драгоценными камнями, похожими на сапфиры. В кубке плескалась кока-кола. Шут, которого звали Тули, кашлянул и громко провозгласил:

– Давайте выпьем за наших гостей. Перед нами ребенок, герой и дурак. Пусть каждый получит то, чего заслуживает.

– А я – кто? – шепотом спросил Ричард.

– Дурак, разумеется, – ответила Дверь.

– Раньше, – угрюмо протянул Холворд, отпив немного колы, – у нас было вино. Мне оно больше нравилось. Не такое липкое.

– А что, все автоматы выдают вам шоколад и колу? – спросил Ричард.

– Конечно, – отозвался стражник. – Они все подчиняются графу. Он правит метро. Он – граф Центральной, Кольцевой, Юбилейной линий, а также линий Виктория и Бейкерлу, – в сущности, всех, кроме линии Андерсайд³³.

³³ Автор придумывает несуществующую линию метро Андерсайд (прибл. «нижняя, подземная»).

– А что это за линия Андерсайд? – удивился Ричард.

Холворд покачал головой и крепко сжал губы. Охотница тронула Ричарда за плечо.

– Помнишь, я тебе говорила о пастухах в Шепердс-буш?

– Вы сказали, что лучше мне с ними никогда не встречаться и что есть много такого, о чем мне лучше не знать.

– Правильно. Так вот, ты смело можешь добавить линию Андерсайд в список того, о чем тебе лучше не знать.

Тут к ним подошла Дверь.

– Граф согласился нам помочь, – с улыбкой сообщила она. – Идемте. Он ждет нас в библиотеке.

Ричард гордился собой: он не спросил: «В какой еще библиотеке?», и не сказал, что в поездах не бывает библиотек. Дверь прошла мимо опустевшего трона в следующий вагон, который и служил библиотекой. Ричард направился за ней. Это была огромная комната с каменными стенами и высоким деревянным потолком. Вдоль стен шли полки, заваленные самыми разными предметами. Конечно, тут было немало книг, но имелось и многое другое: теннисные ракетки, хоккейные клюшки, зонты, лопата, ноутбук, деревянная нога, несколько кружек,

груда туфель, бинокли, вахтенный журнал, шесть кукол, которые надевались на палец, лавовая лампа, множество CD, виниловые пластинки, грампластинки с частотой 45 и 78 оборотов, аудиокассеты, бобины, игральные кости, игрушечные автомобильчики, вставные челюсти, наручные часы, фонари, четыре садовых гнома разных размеров (два с удочками, один с сигарой и еще один с голой попой), стопки газет и журналов, книги по магии и волшебству, трехногие табуретки, коробка сигар, пластмассовая овчарка с кивающей головой, носки... Царство забытых вещей.

– Вот его истинные владения, – пробормотала Охотница. – Потерянные вещи. Забытые вещи.

В окна были видны стены туннеля, по которому мчался поезд, провода, тусклый свет лампочек. Граф сидел на полу, расставив ноги. Он рассеянно гладил волкодава и чесал его за ухом. Шут стоял рядом, – казалось, ему неловко. Увидев гостей, граф поднялся.

– А... Это вы, – протянул он, наморщив лоб. – А зачем я вас звал? Ну-ка, ну-ка, сейчас вспомню... – Он потерял свою рыжую с проседью бороду.

– Мы ищем ангела Ислингтона, ваша светлость, – подсказала Дверь.

– Ах да, вспомнил. Твой отец кое-что задумал. Рассказал об этом мне. Но я не люблю перемен, поэтому послал его к Ислингтону. – Граф помолчал, потом мигнул единственным глазом и сказал: – Я тебе об этом не говорил?

– Говорили, ваша светлость. Как же *нам* найти Ислингтона?

Граф кивнул так, будто Дверь сказала что-то очень важное.

– К ангелу ведут два пути. Один – короткий, но им можно воспользоваться всего один раз. Если Ислингтон вам снова понадобится, придется идти вторым путем – долгим и очень опасным.

Дверь терпеливо спросила:

– Какой короткий путь?

– Нет-нет, он не каждому подойдет. Только тем, кто умеет открывать любые двери, – а это умел делать только Портико и члены его семьи. – Он положил свою огромную руку ей на плечо. Потом погладил ее по щеке. – Оставайся-ка лучше со мной. Согреешь мои старые косточки темной ночью. – Он игриво коснулся своими узловатыми пальцами ее волос. Охотница подалась вперед, но Дверь жестом остановила ее: *Не надо. Не сейчас*.

Она посмотрела на графа:

– Ваша светлость, я – *старшая дочь* Портико. Как мне добраться до ангела Ислингтона?

Ричард поразился ее невероятному терпению. Как ей удастся выносить старого графа, у которого то и дело наступает помутнение рассудка!

Граф склонил голову на бок и деловито подмигнул Двери, – в эту минуту он был очень похож на старого сокола. Он убрал руку с ее волос.

– Верно. Верно. Дочь Портико. Как поживает твой отец? Надеюсь, он в добром здравии. Замечательный человек. Чудесный человек.

– Как нам добраться до ангела Ислингтона? – повторила Дверь с дрожью в голосе.

– Как? Очень просто. С помощью *Angelus'a*.

Ричард попытался представить себе, каким был граф шестьдесят, восемьдесят, пятьсот лет назад. Бесстрашный воин, умелый стратег, настоящий ловелас, верный друг и опасный враг. Следы былой мощи и сейчас проглядывали в этом старом человеке. И от этого становилось страшно и грустно. Граф принялся рыться на полках, расшвыривая ручки, курительные трубки, духовые ружья, гаргулий и сухие листья. Наконец, с ловкостью старого кота, поймавшего мышь, он схватил небольшой свиток и протянул его Двери.

– Вот, дочка, держи, – сказал он. – Там все написано. Мы тебя подбросим до нужной станции.

– Подбросите? – переспросил Ричард. – На поезде?

Граф удивленно обернулся, пытаясь определить, кто это сказал, пристально посмотрел на Ричарда и расплылся в улыбке.

– А как же, – сказал он. – Ради дочери Портико мы сделаем все что угодно.

Дверь радостно схватила свиток.

Поезд затормозил. В сопровождении стражника Ричард, Дверь и Охотница вышли из библиотеки. Ричард выглянул в окно. Поезд как раз подходил к станции.

– Простите, вы не скажете, что это за станция? – спросил он.

Состав остановился. На стене напротив вагона Ричард увидел название: «Британский музей». Ну нет, это уже слишком. Ладно, нельзя стоять у края платформы; ладно, на «Эрлс-корт» живет настоящий граф; ладно, в вагоне метро есть старинная библиотека. Но «Британский музей» – это уже чересчур. Как все лондонцы, Ричард знал схему метро наизусть.

– Такой станции нет! – уверенно заявил он.

– Правда?! – воскликнул граф. – Что ж, тогда будь очень осторожен, выходя из вагона. – Он весело захохотал и хлопнул шута по плечу. – Слышал, Тули? Я тоже умею шутить!

Шут мрачно улыбнулся.

– Я вот-вот лопну от смеха, одежда уже трещит по швам, веселье переполняет меня и сию минуту выплеснется через край, ваша светлость, – промолвил он.

Двери разъехались. Дверь улыбнулась графу:

– Благодарю вас.

– Пока-пока, – сказал граф, выпроваживая Ричарда, Дверь и Охотницу из теплого, задымленного вагона на пустую платформу. Вскоре двери закрылись, и поезд умчался прочь. Ричард обнаружил, что таращится на название станции. Как бы часто он ни моргал, как бы ни отводил взгляд – в надежде, что когда снова посмотрит на название, оно изменится, – на табличке, вделанной в стену, по-прежнему было написано: «Британский музей».

Глава VIII

Вечерело. Безоблачное небо постепенно становилось из ярко-синего густо-фиолетовым, с огненными и лимонными всполохами там, где недавно село солнце, – а село оно, с точки зрения старины Бейли, в четырех милях к западу от Паддингтона.

«Небо, – с наслаждением подумал старина Бейли, – никогда не повторяется: каждый день, каждую ночь оно разное». Старина Бейли считал себя знатоком по части неба и как знаток мог бы подтвердить, что в тот вечер небо было исключительное. Он разбил палатку

на крыше высокого здания напротив собора Святого Павла, в самом сердце Сити.

Старина Бейли любил этот собор хотя бы за то, что он почти не изменился за последние триста лет. Белый портлендский камень, из которого он построен, почернел от лондонского смога раньше, чем закончилось строительство. Правда, в 1970-е собор почистили, вернув ему изначальную белизну. Но, белый или черный, – это был все тот же собор Святого Павла. Он не менялся. «Чего не скажешь об остальном Лондоне», – подумал старина Бейли, оторвавшись от своего ненаглядного неба и переводя взгляд на освещенные фонарями улицы внизу. Он заметил несколько камер, прикрепленных к стенам, пару машин. Какой-то человек, задержавшийся на работе, запер дверь своего офиса и поспешил к метро. При одной мысли о метро старину Бейли передернуло. Его мир – мир крыш, и он этим гордится. Он очень давно перестал иметь дело с тем, что находилось на земле...

Старина Бейли помнил время, когда в Сити *жили*, а не только работали. Жили, смеялись и любили в ветхих домишках, лепившихся один к другому и наполненных шумом людских голосов. Вон тот переулок (некогда известный, по крайней мере в народе, как Сраная аллея) славился своим шумом, кутерьмой, вонью, песнями... Но теперь в Сити никто не живет. Бездушные офисы, куда люди приезжают днем только для того, чтобы вечером спешить домой, сделали его холодным и неприятным. Никто больше не назовет Сити своим домом. А старина Бейли скучал даже по стоявшей здесь когда-то вони.

Последние огненные всполохи пропали, уступив место послезакатной синеве. Старик накрыл тряпками клетки. Птицы сначала повозмущались, а потом заснули. Старина Бейли почесал нос, зашел в палатку, взял почерневший котелок, воду, морковку, картошку, соль и пару ошипанных скворцов. Развел крошечный костерок в закопченной жестяной банке из-под кофе, пристроил котелок над огнем и тут заметил, что кто-то наблюдает за ним, прячась в тени дымохода.

Он схватил вилку на длинной ручке, угрожающе взмахнул ею и крикнул:

– Кто там?

Маркиз Карабас небрежно кивнул и ослепительно улыбнулся.

– А, это ты, – буркнул старина Бейли, опуская вилку. – Чего явился? За птицей? Или за информацией?

Маркиз подошел к старику, выловил из котелка кусочек сырой морковки, сунул в рот и ответил:

– Честно говоря, хочу кое-что узнать.

Старина Бейли ухмыльнулся.

– То-то! Пора мне писать учебник по торговле, как считаешь? – и прошептал, склонившись к маркизу: – Что я с этого буду иметь?

– А что ты хочешь?

– Может, мне стоит последовать твоему примеру? – с широкой улыбкой спросил старик. – Сделать тебя моим должником. Кто знает, вдруг когда-нибудь пригодится?

– Иногда обходится себе дороже, – серьезно ответил маркиз.

Старина Бейли кивнул. Солнце окончательно село, и с каждой минутой становилось все холоднее.

– Тогда мне нужны ботинки. И вязаная шапка, такая, чтобы шею и плечи закрывала. – Он поглядел на свои руки в рваных перчатках без пальцев. – И новые перчатки. Зима-то будет холодной.

– Договорились, – сказал маркиз и достал из внутреннего кармана статуэтку, которую украл в кабинете Портико, с таким видом, с каким фокусник вытаскивает из пустой шляпы розу. – Что скажешь об этой штуковине?

Старина Бейли нацепил очки и, взяв статуэтку – она оказалась прохладной на ощупь, – уселся на вентиляционную трубу. Некоторое время он вертел ее в руках, а потом проговорил:

– Лондонский Зверь...

Маркиз молчал, нетерпеливо поглядывая то на старика, то на статуэтку. Заметив, что

тот чуть не подпрыгивает на месте, старина Бейли не спеша продолжил:

– Говорят, еще до Великой чумы и Великого пожара, во времена короля Карла I – того болвана, которому отрубили голову, – жил у вонючей реки Флит мясник. Он откармливал к Рождеству какую-то животину... Кто-то говорит, поросенка, другие уверяют, что нет. Лично я отношусь к тем, кто считает, что трудно сказать наверняка, что это было за животное. Но как бы то ни было, однажды декабрьской ночью этот зверь сбежал в канализацию. Он питался отбросами и рос. Становился все больше, все агрессивнее, все страшнее. Время от времени на Зверя организовывали охоту...

Маркиз поморщился.

– Он должен был сдохнуть лет триста назад.

Старина Бейли покачал головой.

– Такие существа сами собой не умирают. Слишком они древние, слишком огромные и ужасные.

– Я думал, это легенда, – со вздохом проговорил маркиз. – Как про крокодилов в нью-йоркской канализации.

– А! Такие здоровенные альбиносы? Они там действительно есть, – сообщил старик, важно кивая. – Одному моему приятелю они откусили башку. – Старик умолк, отдал маркизу статуэтку и защелкал пальцами у него перед носом, изображая крокодилью пасть. – Хорошо, что она у него была не единственная! – объявил старина Бейли, широко улыбаясь.

Маркиз не понял, шутит старик или нет, неопределенно фыркнул и бережно спрятал статуэтку в карман.

– погоди, – бросил старина Бейли, нырнул в палатку и вернулся с серебряной шкатулкой, которую ему вручил маркиз в прошлый раз. – Не заберешь? – спросил он. – Мурашки бегут при одной мысли, что она тут, у меня.

Маркиз подошел к краю крыши и перепрыгнул на соседнее здание.

– Заберу, когда все закончится! – крикнул он. – Будем надеяться, что тебе не придется ее открывать.

Старик перегнулся через край крыши.

– А как я узнаю, что ее нужно открыть?

– Не бойся, узнаешь. А крысы расскажут, что нужно сделать.

С этими словами маркиз стал спускаться вниз по стене, сползая по водосточным трубам и цепляясь за подоконники.

– Надеюсь, я этого никогда не узнаю, – проворчал старик себе под нос. И вдруг закричал вниз, в темноту ночных улиц: – Эй! Не забудь про перчатки и башмаки!

* * *

На стенах висела реклама: освежающие и полезные для здоровья солодовые напитки, туры к морю по два шиллинга в день, копченая сельдь, бриолин, вакса. Ричард с удивлением разглядывал эти пожелтевшие от времени плакаты, оставшиеся на заброшенной и забытой станции, должно быть, с 1920-х–1930-х годов.

– В самом деле, станция «Британский музей», – прошептал он. – Но ведь... такой станции никогда не было. Что за бред?

– Ее закрыли в 1933 году, – сообщила Дверь.

– Невероятно! – проговорил Ричард. Неужели он перенесся в прошлое? Он слышал грохот поездов в соседних туннелях, чувствовал потоки горячего воздуха. – И много таких станций?

– Около пятидесяти, – ответила Охотница. – Но даже мы не на все можем попасть.

Что-то мелькнуло у края платформы.

– Здравствуйте, – сказала Дверь и присела на корточки. К ней подбежала бурая крыса и деловито обнюхала ее руку. – Спасибо-спасибо, – весело продолжала девушка. – Я тоже рада, что вы живы.

Ричард подошел ближе.
– Э-э, ты не могла бы ей кое-что передать? – попросил он Дверь.
Крыса повернулась к нему.
– Мисс Шерстинка говорит, что ты можешь сам сказать ей все, что хочешь, – объяснила Дверь.
– Мисс Шерстинка?
Дверь пожала плечами.
– Это буквальный перевод. По-крысиному звучит гораздо лучше.
Ричард охотно ей поверил.
– Э-э... Здравствуйте... мисс Шерстинка... Была одна крыситка... девушка по имени Анестезия. Она вела меня на рынок и... пропала на мосту.
Крыса громко запищала. Дверь торопливо принялась переводить:
– Она говорит, что... крысы не винят тебя в том, что с ней случилось... Мост взял свою дань.
– Но...
Крыса снова запищала.
– Иногда пропавшие там возвращаются... – перевела Дверь. – Мисс Шерстинка признательна тебе за то, что ты беспокоишься о судьбе девушки. – Крыса кивнула Ричарду, моргнула, а потом спрыгнула на пол и исчезла в темноте. – Милая крыса, – сказала Дверь. Ричард отметил, что она заметно повеселела, с тех пор как получила свиток. – Нам туда, – скомандовала она, указав на железную дверь.
Ричард навалился на дверь, но она не подалась.
– Заперто, – сказал он. – Без инструментов не обойтись.
Дверь лучезарно улыбнулась, и ее лицо на секунду стало поистине прекрасным.
– Ричард, в нашей семье все умеют открывать двери. Это наш дар. Гляди... – Она коснулась грязной ладошкой двери. Некоторое время ничего не происходило, а потом что-то лязгнуло на той стороне, словно открылся засов. Девушка толкнула дверь, и та с громким скрипом отворилась. Потом Дверь подняла воротник и сунула руки в карманы. Охотница посветила фонариком – за дверью были каменные ступени, уходившие вверх, в темноту.
– Я пойду первой, – сказала Дверь. – Ты, Охотница, позади, а Ричард между нами. – И она пошла вверх по лестнице.
Охотница не двинулась с места.
– Ты идешь в Верхний Лондон?
– Да. Нам нужно попасть в Британский музей.
Охотница закусила губу и покачала головой.
– Я должна оставаться в Нижнем Лондоне, – промолвила она. Ее голос дрожал. И Ричард вдруг понял, что в первый раз за все время Охотница занервничала. Она всегда была такой сдержанной, спокойной, слегка насмешливой.
– Ты же мой телохранитель! – воскликнула Дверь.
– Я охраняю тебя только в Нижнем Лондоне, – смущенно ответила Охотница. – И не могу пойти за тобой вверх.
– Но ведь ты обязана меня охранять!
– Я не могу. Надеюсь, ты меня поймешь. Маркиз знает.
Здесь, в Нижнем Лондоне, тебя всегда защитит Охотница, вспомнил Ричард. *Все верно*.
– Нет, я не понимаю, – сказала Дверь, прищурившись и вскинув голову. – В чем дело? – высокомерно спросила она. – На тебе лежит проклятье? – Охотница облизнула губы и кивнула. Казалось, ей было стыдно в этом признаться, словно речь шла о какой-то неприличной болезни.
– Слушай, что за глупости? – неожиданно для самого себя сказал Ричард.
На секунду ему показалось, что Охотница его ударит или – что еще хуже – заплачет. Но та только глубоко вздохнула, повернулась к Двери и спокойно сказала:

– Я последую за тобой по всему Нижнему Лондону. Буду охранять тебя от всех и вся. Но не проси меня подниматься в Верхний Лондон. Туда я пойти не могу. – Она скрестила руки на груди и сделалась похожа на бронзовую статую. Было ясно, что она не двинется с места.

– Ладно, – сказала Дверь. – Ричард, идем! – и пошла вверх по лестнице.

– Слушай, а может, не стоит? – попытался остановить ее Ричард. – Найдем маркиза, а потом все вместе...

Но Дверь уже скрылась в темноте. Охотница застыла у первой ступеньки.

– Я буду ждать ее здесь, – объявила она. – А ты решай сам, идти или остаться.

Ричард бросился вверх по лестнице, и вскоре впереди мелькнул свет фонарика Двери.

– Постой! – пропыхтел он. – Подожди меня!

Она остановилась. Он нагнал ее, шагнул на крошечную площадку и тоже остановился, тяжело дыша.

– Нельзя вот так убегать, – проговорил он. Дверь ничего не ответила, только поджала губы и вскинула голову. – Она ведь твой телохранитель.

Дверь пошла вверх, и Ричард поплелся за ней.

– Мы скоро вернемся, и тогда она снова сможет меня охранять.

Здесь было душно и влажно. *Интересно, как без канарейки определить, есть ли в воздухе ядовитый газ?* – невольно подумал Ричард и предпочел убедить себя, что все в порядке и никакого газа тут нет.

– Выходит, маркиз знал про ее проклятье или что там у нее, – сказал он.

– Выходит, что да.

– Маркиз... – начал Ричард. – Знаешь, честно говоря, он мне кажется довольно скользким типом.

Лестница закончилась кирпичной стеной, и Дверь остановилась.

– Мм... Он и есть скользкий, как угорь.

– Тогда почему ты обратилась к нему? Почему не попросила помочь кого-нибудь другого?

– Давай поговорим об этом в другой раз. – Девушка развернула свиток, исписанный причудливым почерком с завитушками, с минуту изучала его, а затем свернула и объявила: – Все будет в порядке. Он здесь. Надо только пробраться в Британский музей. Найдем *Angelus'a* – и выйдем к Ислингтону. Проще простого. Бояться нечего. Закрой глаза.

Ричард послушно закрыл глаза и заметил:

– «Нечего бояться»? Когда так говорят в фильмах, это значит, что вот-вот случится что-то ужасное.

Ветер коснулся его лица. Глаза у него были закрыты, но он почувствовал, что в окружающей их темноте что-то почти неуловимо изменилось.

– Ну и что ты предлагаешь? – спросила Дверь. Голос ее теперь тоже звучал иначе. Судя по всему, они оказались в каком-то большом помещении. – Можешь открыть глаза.

Ричард так и сделал. Они были по другую сторону стены, в зале, забитом какой-то рухлядью. Только это была не простая рухлядь, а редкая, ценная, безусловно дорогая и наверняка исторически значимая. Такая рухлядь может быть только...

– Мы в Британском музее? – догадался Ричард.

Дверь нахмурилась. Она как будто к чему-то прислушивалась.

– Не совсем. Но музей уже близко. А это, должно быть, запасник или хранилище, что-то вроде того.

Она погладила старинный костюм, надетый на восковую фигуру.

– Лучше бы мы остались с Охотницей, – пробормотал Ричард. – С ней безопаснее.

Дверь склонила голову на бок и серьезно на него поглядела.

– А чего тебе бояться, Ричард Мэхью?

– Да в общем-то нечего... – признал он, и тут они свернули за угол. – Хотя... может быть, их? – сказал он, и Дверь в ту же секунду воскликнула: «Черт!».

Дверь воскликнула: «Черт!», а Ричард спросил: «Может быть их?», потому что, устроившись на каменных выступях по краям коридора, их поджидали Круп и Вандемар.

Ричарду вспомнилась выставка современного искусства, на которую его притащила Джессика... Юный художник представил миру то, что, по его мнению, нарушало все каноны. Он раскопал несколько десятков могил и выставил свои лучшие находки (тридцать штук) в стеклянных витринах. Выставку закрыли, когда он продал какому-то рекламному агентству «Украденный труп № 25» – за шестизначную сумму, а родственники покойника увидели фотографию в «Сан» и подали на художника в суд. В результате суд обязал его разделить с родственниками усопшего вырученные деньги, а также переименовать экспонат. Отныне он должен был называться: «Эдгар Фосприн, 1919–1987, любящий муж, заботливый отец и дядя. Папа, покойся с миром». Ричард тогда в ужасе смотрел на трупы в изъеденных плесенью костюмах и полуистлевших платьях. Он презирал себя за это любопытство, но отвернуться не мог.

Мистер Круп широко улыбнулся, как змея, у которой в пасти застрял полумесяц, и стал еще больше похож на украденные трупы №№ 1–30.

– Так, так, так, – сладко пропел он. – Что-то я не вижу тут мудрого всезнайку маркиза. И, кстати, где же Охотница? «Ой, простите, мне наверх нельзя!» – Он выдержал многозначительную паузу, а потом продолжил мерзким тоном – таким же мерзким, как протухшая ветчина: – Можете считать меня волком, если передо мной не два совершенно беззащитных ягненочка, заблудившихся в темноте.

– Меня тоже можете считать волком, – подхватил мистер Вандемар.

Мистер Круп спрыгнул на землю.

– Позвольте прошептать вам кое-что в ваши нежные шерстистые ушки...

Ричард огляделся по сторонам. Не может быть, чтобы некуда было бежать. Он схватил Дверь за руку, не переставая лихорадочно оглядываться.

– Не надо дергаться, – проговорил мистер Круп. – Стойте смирно. Мы не хотим делать вам больно.

– Хотим, – возразил мистер Вандемар.

– Гм... Знаете, мистер Вандемар, вы, пожалуй, правы. Конечно, мы с удовольствием сделаем вам больно. Очень больно. Но позже. А пока мы хотели бы немного усложнить игру. Видите ли, когда нам становится скучно, мы с мистером Вандемаром начинаем беспокоиться и, как ни трудно в это поверить, даже утрачиваем наш жизнерадостный, цветущий вид.

Мистер Вандемар обнажил зубы, демонстрируя «цветущий вид». Ничего страшнее Ричард в жизни не видел.

– Оставьте нас в покое! – громко и уверенно сказала Дверь. Ричард сжал ее руку. Раз она может быть смелой, он тоже может.

– Я не позволю вам и пальцем ее тронуть! – заявил он. – Только через мой труп!

Мистер Вандемар расплылся в счастливой улыбке.

– Отлично. Договорились.

– Впрочем, мы сделаем все возможное, чтобы твоя смерть тоже не была легкой, – добавил мистер Круп.

– Но это потом, – сказал мистер Вандемар.

– Дело в том, что мы встретились с вами только чтобы поугубить, – объяснил мистер Круп. Голос его был противнее, чем протухшее масло.

– Заставить вас страдать, – прошептал мистер Вандемар. Его голос был похож на ветер, проносящийся над усыпанной костями пустыней. – Испортить вам настроение.

Мистер Круп присел у ног мистера Вандемара.

– Вы сегодня были у графа, – небрежно заметил он светским тоном. По крайней мере ему казалось, что это светский тон, догадался Ричард.

– Ну и что? – проговорила Дверь, медленно отступая.

Мистер Круп ухмыльнулся.

– Тебе, наверное, любопытно, откуда мы это знаем? И как мы вообще вас нашли?

– И всегда сможем найти, – прошипел Вандемар.
– Тебя предали, крошка, – сказал мистер Круп Двери, только ей одной, вдруг сообразил Ричард. – Тебе в гнездо подбросили кукушонка.

– Бежим, – сказала она и побежала.

Ричард помчался за ней через забитый хламом зал. Они добрались до двери, девушка коснулась ее, и дверь открылась.

– Давайте попрощаемся с ними, мистер Вандемар, – послышался сзади голос мистера Крупа.

– Пока-пока, – сказал Вандемар.

– Нет, не так, – поправил его мистер Круп. – *Au revoir*.

И он принялся куковать: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку» – как огромная кукушка пяти с половиной футов ростом, решившая принять человеческий облик. Тем временем мистер Вандемар, верный своей волчьей натуре, запрокинул голову и завыл диким, протяжным воем.

* * *

Наверху была ночь. Они неслись по Рассел-стрит в Блумсбери, и Ричарду казалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Мимо проехала огромная черная машина. По ту сторону черной ограды высился Британский музей – белоснежное здание викторианской эпохи. Невидимые прожекторы освещали колонны и парадную лестницу этого хранилища сокровищ со всего мира – найденных, украденных, подаренных, чудом уцелевших за сотни лет.

Они добежали до калитки в ограде. Дверь схватилась двумя руками за прутья, дернула, но калитка не подалась.

– Не можешь открыть? – спросил Ричард.

– Пытаюсь! – неожиданно резко ответила она.

В сотне футов от них, у центральных ворот, останавливались роскошные автомобили. Из них выбирались женщины в вечерних платьях и мужчины в смокингах, которые вели своих спутниц ко входу в музей.

– Туда! – воскликнул Ричард. – К центральным воротам!

Дверь кивнула.

– Кажется, эти двое от нас отстали, – заметила она, оглянувшись.

Дверь и Ричард поспешили к центральным воротам.

– Ты как? – спросил Ричард. – Что с тобой?

Она плотнее запахнула кожаную куртку. Ее лицо стало еще бледнее, чем обычно, – если такое вообще возможно, а под глазами залегли черные круги.

– Я устала, – просто ответила она. – Я открыла сегодня слишком много дверей. На это уходит много сил. Мне надо отдохнуть, что-нибудь поесть, и я быстро приду в себя.

Тщательно выбритые мужчины и сильно надушенные женщины протягивали охраннику тисненые пригласительные билеты, тот внимательно их изучал, отыскивал фамилию каждого прибывшего в своем списке, ставил галочку и только потом пропускал за ворота. Рядом с ним стоял суровый полицейский и подозрительно оглядывал всех, кто приближался к зданию. Однако когда Ричард и Дверь прошли в ворота, никто на них даже не посмотрел. На каменных ступенях у входа в музей собралась очередь. Ричард и Дверь остановились. Сразу за ними, почти вплотную, встали седовласый мужчина и женщина, рискнувшая надеть норковую шубу.

– Они что, нас не видят? – догадался Ричард.

Дверь повернулась к седовласому типу, уставилась прямо на него и крикнула:

– Здравствуй!

Тот принялся с озадаченным видом оглядываться, словно ему что-то послышалось. Наконец он заметил Дверь прямо у себя перед носом.

– Здравствуйте... – неуверенно пробормотал он.
– Я Дверь, а это Ричард.
– А-а... – протянул седовласый, достал из внутреннего кармана портсигар и мгновенно про них забыл.

– Видишь? – спросила Дверь.

– Ага.

Некоторое время они молчали. Очередь двигалась медленно. Один за другим люди исчезали за единственной открытой стеклянной дверью. Девушка снова развернула свиток, словно надеясь, что он придаст ей сил. Ричард сказал:

– Те двое что-то говорили про предателя...

– Не обращай внимания. Они просто хотели нас напугать.

– И у них это отлично получилось! – заметил он.

Они прошли через стеклянную дверь и оказались в Британском музее.

* * *

Мистер Вандемар проголодался, и они с мистером Крупом решили пойти через Трафальгарскую площадь.

– Запугать! – возмущенно бормотал себе под нос мистер Круп. – Запугать ее! Подумать только, до чего мы дошли!

Мистер Вандемар между тем вытащил из урны недоеденный сэндвич с салатом и креветками и начал крошить его на мостовую, привлекая прожорливых голубей, которые, как ни странно, еще не спали в этот поздний час.

– Надо было сделать как я говорил, – заметил мистер Вандемар. – Она бы испугалась гораздо больше, если бы я открутил ему башку, пока она не видит, просунул руку внутрь и пошевелил пальцами. – Он показал, как. – Они всегда орут, когда глаза вываливаются наружу, – доверительно сообщил он.

– К чему все эти глупости, когда уже столько сделано? – возразил мистер Круп.

– Вовсе это не глупости, – обиделся Вандемар. – Мне нравится, когда глаза вываливаются. Глаза-гладельки...

Вокруг него собралась уже целая стая голубей, которые с удовольствием клевали хлебные крошки и кусочки креветок, не трогая листья салата.

– Я не про тебя, – буркнул Круп. – Я про нашего босса. Вы должны ее убить, нет, похитить, ах нет, только напугать. Сам не знает, чего хочет!

Мистер Вандемар закончил крошить сэндвич и кинулся на голубей, которые с обиженным клекотом бросились врассыпную.

– Ловко вы его, мистер Вандемар, – похвалил мистер Круп. Вандемар зажал в лапах удивленного и расстроенного голубя, который недовольно ворчал, дергался и беспомощно клевал мистеру Вандемару пальцы.

Круп демонстративно вздохнул.

– Как бы то ни было, мы запустили кошку в голубятню, – с наслаждением проговорил он.

Мистер Вандемар поднес ко рту голубя, с хрустом откусил ему голову и стал ее тщательно пережевывать.

* * *

Охрана собирала посетителей в вестибюле и, кажется, дальше не пускала. Однако Дверь уверенно направилась в залы музея, и Ричард поспешил за ней. Они прошли египетский зал, поднялись по лестнице и оказались в зале раннеанглийского искусства.

– Тут написано, что *Angelus* должен быть в этом зале, – проговорила Дверь, в очередной раз заглянув в свиток. Она внимательно осмотрела зал, поморщилась, бросила: –

Фью... – и побежала вниз по лестнице. Ричард ощутил острый приступ дежавю. Точно так же он бегал по музеям вслед за Джессикой. Правда, теперь те времена казались такими далекими, словно все это происходило не с ним.

– Там не было *Angelus 'a* ? – спросил он.

– Нет, – сердито ответила Дверь. Ричард подумал, что, пожалуй, слишком сердито – вопрос-то был безобидный.

– А-а... ну я просто спросил...

Они прошли в следующий зал, и тут Ричард решил, что у него начались слуховые галлюцинации – то ли от шоколадных батончиков графа, то ли от эмоционального перенапряжения.

– Вроде как музыка... – пробормотал он, явственно слыша звуки струнного квартета.

– Там какой-то прием.

Точно. Они же стояли на лестнице с нарядными дамами и мужчинами в смокингах. В этом зале *Angelus 'a* тоже не оказалось. Дверь поспешила дальше, и Ричард поплелся за ней, досадуя, что ничем не может ей помочь.

– А какой он, этот *Angelus* ? – спросил он осторожно, боясь, что она снова рассердится.

Но Дверь остановилась, потерла лоб и сказала:

– В свитке написано только, что там изображен ангел. И что найти его совсем не сложно. В конце концов, – с надеждой заключила она, – вряд ли здесь так уж много предметов с ангелами, правда?

Глава IX

Джессика совсем сбилась с ног. Она ужасно волновалась по поводу предстоящей выставки. Она составила каталог, договорилась с Британским музеем, в котором должна была разместиться экспозиция, наняла реставраторов для главного экспоната, лично проследила, чтобы остальные были правильно расставлены и развешены, и составила список приглашенных на банкет в честь открытия выставки. «Слава Богу, что у меня нет парня – на него все равно не хватило бы времени», – говорила она друзьям. «А все-таки *жаль*, что у меня никого нет, – временами думала она. – Можно было бы ходить с ним в выходные по музеям. С ним...»

Нет. Тут Джессика всегда останавливалась. Ей не удавалось серьезно задуматься об этом – как будто что-то мешало, и ее мысли снова возвращались к выставке. Вот сейчас вроде бы все готово, однако всегда что-то может пойти не так, как запланировано. В самый последний момент что-то может сорваться. Сколько лошадей так и не сумели взять последний барьер! Сколько прославленных генералов терпели поражение в последние минуты боя! Надо обязательно удостовериться, что все в порядке. Одета в зеленое шелковое платье, Джессика бродила по залу, как генерал на смотре войск перед битвой, изо всех сил стараясь не думать о том, что мистер Стоктон опаздывает на полчаса.

Ее войско состояло из метрдотеля, десятка официантов, трех женщин от фирмы, которая обеспечила банкет закусками и выпивкой, и личного помощника Джессики – парня по имени Кларенс. Джессика всегда считала, что Кларенса приняли в компанию мистера Стоктона по двум причинам: а) потому что он голубой; б) потому что он негр. И ее страшно раздражало, что Кларенс оказался одним из самых ответственных, самых исполнительных, самых лучших помощников, с которыми ей когда-либо приходилось иметь дело.

Она посмотрела на сервировочный столик.

– Что у нас с шампанским? Хватает? Точно?

Метрдотель указал на большую коробку под столом.

– А минеральная вода, газированная?

Метрдотель кивнул и указал на другую коробку. Джессика поджала губы:

– А без газа есть? Не все, знаете ли, любят пузырьки!

Да, есть и без газа. Слава богу.

Струнный квартет репетировал перед выступлением. Однако эти звуки не могли заглушить шум толпы, собравшейся в холле. Гостей было не так уж много, но все люди известные и влиятельные. Они недовольно переговаривались, с каждой секундой раздражаясь все сильнее: женщины в норковых шубах и мужчины, которые бы наверняка закурили сигары, если бы не таблички на стенах и запреты врачей. Все они – и журналисты и знаменитости – уже предвкушали бесплатные канапе, пирожные, бутерброды и шампанское.

Кларенс говорил с кем-то по сотовому, – это была тонкая изящная «раскладушка», по сравнению с которой гаджеты из «Звездного пути» показались бы уродливыми и слишком массивными. Договорив, он нажал на кнопку отбоя, убрал антенну, аккуратно положил телефон в карман пиджака от Армани и ободряюще улыбнулся Джессике:

– Джессика, только что звонил шофер мистера Стоктона. Просит подождать пару минут – они еще в пути. Не волнуйтесь.

– Не волнуйтесь, – повторила Джессика.

Провал. *Полный провал*. Выставка обречена на полный провал. Ее провал. Схватив со стола бокал шампанского, Джессика залпом осушила его и сунула официанту.

Кларенс прислушался к шуму в холле. Потом деловито глянул на часы и вопросительно – на Джессику. Так капитан смотрит на своего генерала, спрашивая: «В долину Смерти, сэр?»

– Все в порядке, мистер Стоктон вот-вот придет, – спокойно проговорила Джессика. – Он пожелал лично проверить все до открытия.

– Может, я выйду посмотреть, как там наши гости?

– Нет, – решительно сказала Джессика. А потом, не менее решительно: – Да.

Удостоверившись, что еды, воды и шампанского хватает, Джессика подошла к музыкантам и в третий раз за вечер спросила, что именно они собираются играть.

Кларенс приоткрыл двери. Все оказалось гораздо хуже, чем он предполагал. В холле собралось по меньшей мере сто человек. И это были не просто люди, а очень известные люди. Некоторые из них были люди *невероятно* известные.

– Простите, – сказал председатель совета по искусству. – В приглашениях написано, что выставка откроется ровно в восемь. А сейчас уже двадцать минут девятого.

– Прошу вас, подождите еще пару минут, – сказал Кларенс. – Охрана должна кое-что проверить.

К нему подскочила какая-то женщина в шляпе.

– Молодой человек, вы знаете, кто я? – громко и властно спросила она.

– Честно говоря, нет, – солгал Кларенс: он прекрасно знал всех присутствующих. – Подождите минутку, я спрошу, можно ли вас впустить. – С этими словами он вернулся в зал и захлопнул за собой дверь. – Джессика! Они сейчас выломают дверь!

– Не преувеличивай, Кларенс!

Она носилась по комнате, похожая на зеленый вихрь. Давала последние наставления официантам с подносами, на которых громоздились пирамиды канапе и бокалы с шампанским. Проверяла, как работает микрофон, украшена ли сцена, не забыли ли повесить шнур, с помощью которого поднимут штору, скрывающую главный экспонат.

– Представляю, какие будут заголовки в газетах, – сказал Кларенс, изображая, что разворачивает газету. – «Катастрофа в музее: как прославленный миллиардер встречает дорогих гостей».

Кто-то уже колотил в дверь. С каждой секундой толпа в холле волновалась все больше. Кто-то кричал: «Пропустите! Пропустите!» Кто-то уверял собравшихся и весь мир, что это просто неуважение, самое настоящее неуважение.

– Я знаю, что делать, – вдруг заявил Кларенс. – Сейчас я их впущу.

– Ни за что! – завопила Джессика. – Нет! Если...

Но было уже поздно. Кларенс открыл двери, и толпа ворвалась в зал. Выражение ужаса на лице Джессики тут же сменилось выражением искренней радости. Она скользнула к дверям.

– Баронесса, не могу передать, как я рада, что вы смогли прийти сегодня на выставку! – сказала она, широко улыбаясь. – Мистера Стоктона еще нет, но он обещал приехать с минуты на минуту. Прошу вас, угощайтесь! Вот канапе...

Кларенс весело подмигнул своей начальнице из-за плеча баронессы, одетой в норковую шубу. Джессика успела перебрать в голове все ругательства, какие только знала. Когда баронесса отправилась за канапе, Джессика быстро подошла к Кларенсу и шепотом, не переставая улыбаться, отчитала его.

* * *

Ричард замер. К ним шел охранник, высвечивая фонариком экспонаты. Ричард огляделся, раздумывая, куда бы спрятаться.

Поздно. С другой стороны показался еще один охранник. Он шел мимо гигантских статуй древнегреческих богов, поводя фонариком из стороны в сторону.

– Никого? – спросил первый охранник.

Второй подошел прямо к Ричарду и Двери и вдруг остановился. Ричард увидел, что это женщина.

– Вроде да, – отозвалась она. – Я только что прогнала пару придурков в костюмах, – они пытались вырезать свои инициалы на Розеттском камне³⁴. Ненавижу эти официальные приемы.

Первый охранник посветил Ричарду прямо в глаза и опустил фонарик. Луч света запрыгал по полу.

– Я же говорю, – сказал он, – все это страшно напоминает «Маску Красной Смерти»³⁵. Пока элита развлекается на закрытом приеме, мир вокруг летит ко всем чертям. – Он поковырял в носу и вытер палец о кожаную подошву своих черных, начищенных до блеска ботинок.

Его напарница глубоко вздохнула.

– Спасибо, Джеральд. Давай продолжим обход.

Охранники вышли из зала.

– А помнишь, как на прошлом приеме мы застукали одного гостя, когда он блевал в саркофаг... – говорил охранник, закрывая дверь.

– Ты теперь – обитатель Нижнего Лондона, – сказала Дверь Ричарду, когда они вошли в следующий зал. – Обычные люди тебя не заметят, если только ты с ними не заговоришь. Но и тогда сразу же о тебе забудут.

– Но *я-то* тебя заметил, – отозвался Ричард. Он уже давно об этом размышлял.

– Да. Это очень странно.

– И не только это! – воскликнул Ричард.

Музыка стала громче: видимо, музыканты были совсем рядом. Здесь, в Верхнем Лондоне, он чувствовал себя совсем потерянным, словно находился одновременно в двух разных мирах. В Нижнем Лондоне было легче. Там он по крайней мере мог жить как во сне – сомнамбулой плестись вперед, едва переставляя ноги, и ни о чем не думать.

– *Angelus* где-то там, – вдруг сказала Дверь, прервав размышления Ричарда и указав туда, где звучала музыка.

– Откуда ты знаешь?

³⁴ *Розеттский камень* – найденная в 1799 г. в Египте близ небольшого города Розетта (ныне Рашид), недалеко от Александрии, гранитная плита с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя на древнеегипетском языке – начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, и одной на древнегреческом языке.

³⁵ «*Маска Красной Смерти*» – произведение Эдгара Аллана По (Пое, Edgar Allan, 1809–1849), американского поэта, прозаика, критика, создателя жанра «новеллы ужаса».

– Знаю, и все, – уверенно заявила она. – Идем.

Они вышли из темного зала в залитый светом коридор. На огромной растяжке под потолком было написано:

АНГЕЛЫ НАД АНГЛИЕЙ
ВЫСТАВКА В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ
Спонсор выставки – ОАО «Стоктон»

Они прошли по коридору и вскоре оказались в огромном зале, где проходил прием.

* * *

Здесь играл струнный квартет. В толпе богато одетых людей сновали официанты с канاپе и шампанским. В углу была небольшая сцена, позади которой висела штора, а перед шторой стояла кафедра.

А еще здесь повсюду были ангелы.

Ангелочки на полочках. Изображения ангелов на стенах. Фрески с ангелами. Ангелы большие и совсем крошечные, суровые и веселые, с крыльями и нимбами и без них, воинственные и вполне миролюбивые. Современные и классические. Сотни ангелов всевозможных размеров. Такие, какими их видят на Западе, на Востоке, на Среднем Востоке. Такие, какими их изображал Микеланджело. Ангелы Джоэля-Питера Уиткина³⁶, ангелы Пикассо, ангелы Уорхолла. По свидетельству журнала «Тайм аут», коллекция ангелов мистера Стоктона была «на редкость разносортной, однако не лишенной своего неповторимого очарования».

– Ты, наверное, сочтешь меня занудой, – медленно проговорил Ричард, – но не кажется ли тебе, что искать здесь ангела – все равно что иголку в стоге... О боже! Это же Джессика! – Ричард побелел как полотно. Раньше он думал, что это всего лишь метафора, ему и в голову не приходило, что можно действительно так побледнеть..

– Твоя знакомая? – спросила Дверь.

Он кивнул.

– Она была моей... Ну, в общем... мы собирались пожениться. Познакомились пару лет назад. Она была со мной, когда я тебя нашел. Это она тогда... Это она оставила сообщение. На автоответчике.

Джессика весело разговаривала с сэром Эндрю Ллойдом Вебером, Бобом Гелдофом³⁷ и каким-то джентльменом в очках (она полагала, что это Саатчи³⁸). Она то и дело посматривала на часы и оглядывалась на распахнутые двери.

– Так это она!.. – выдохнула Дверь, узнав Джессику. Потом, почувствовав, что следует сказать что-то хорошее о той, кого так любил Ричард, добавила: – Она очень... – Дверь

³⁶ *Джоэль-Питер Уиткин* (Joel Peter Witkin, р. 1939) – одиозный американский фотограф. Он весьма иронично относится к европейской цивилизации, и его работы иногда выглядят как шаржи на сверхценности западного мира.

³⁷ *Боб Гелдоф* (Robert Frederick Xenon Geldof, р. 1951) – ирландский музыкант, актер, общественный деятель. Лидер группы «Boomtown Rats» (после распада группы в 1984 г. начал сольную карьеру), исполнитель главной роли в фильме «Стена» группы «Pink Floyd». Организатор международных благотворительных музыкальных фестивалей «Live Aid» (1985) и «Live 8» (2005).

³⁸ *Чарльз Саатчи* (Charles Saatchi, р. 1943) – основатель (вместе со своим братом Морисом Саатчи) рекламного агентства «Saatchi & Saatchi», бывшего до 1995 г. самым крупным в мире. Позже братьями Саатчи было основано новое агентство «M&C Saatchi». Чарльз Саатчи также всемирно известен как коллекционер современного искусства и владелец галереи «Saatchi Gallery».

немного подумала, — ...чистоплотная.

Ричард смотрел на Джессику.

— А она... не разозлится, что мы сюда пришли?

— Сомневаюсь, — отозвалась Дверь. — Скорее всего, она вообще тебя не заметит. Если, конечно, ты с ней не заговоришь. Но у тебя же хватит ума этого не делать. — Она помолчала, а потом вдруг воскликнула: — Еда! — и набросилась на канапе.

Похоже, эта маленькая, курносая, похожая на фею девочка в огромной коричневой кожаной куртке не ела несколько дней. Дверь запихивала себе в рот сразу по несколько канапе, быстро жевала, проглатывала и тянулась за следующей порцией, одновременно заворачивая в салфетки сэндвичи и рассовывая их по карманам. Наевшись канапе, она положила на картонную тарелку жареные куриные ножки, дольки дыни, грибы, немного икры, маленькие венские колбаски и стала бродить по залу, останавливаясь перед каждым ангелом.

Ричард шел за ней. Он ограничился сэндвичем с сыром бри и фенхелем и стаканом свежавыжатого апельсинового сока.

* * *

Джессика растерялась. Она заметила Ричарда, а вместе с ним и Дверь. Ей казалось, что она их где-то уже видела. Но где, никак не могла вспомнить, и это ее страшно раздражало.

Мама рассказывала ей, как однажды встретила женщину, которую знала всю жизнь, — они вместе учились в школе, работали в приходском совете, устраивали развлечения на местной ярмарке. Так вот, встретив эту женщину на какой-то вечеринке, мама с удивлением поняла, что никак не может вспомнить ее имя, хотя прекрасно помнит, что ее муж работает в издательстве и его зовут Эрик, а еще у них есть собака, золотой ретривер по кличке Мейджор. Мама страшно разозлилась и надолго запомнила этот случай.

Джессика тоже разозлилась.

— Кто эти двое? — в конце концов спросила она Кларенса.

— Вот эти? Мужчина — новый редактор «Vogue», женщина ведет колонку «Искусство» в «Нью-Йорк таймс». А между ними, кажется, Кейт Мосс...

— Да не эти, — оборвала его Джессика, — а вон те. Вон же они!

Кларенс посмотрел туда, куда она указала. О ком это она? Ах, *вот эти*. Странно, как это он их раньше не заметил. «Должно быть, старею, — подумал Кларенс. — Мне ведь скоро двадцать три».

— Может, журналисты? — неуверенно предположил он. — Как забавно одеты! Новое течение в моде? Пожалуйста, не надо меня ругать. Да, я пригласил «The Face»...

— Я его знаю, — расстроенно сказала Джессика.

Но тут позвонил шофер мистера Стоктона и сообщил, что они уже в Холборне и скоро подъедут к Британскому музею. Ричард выскользнул у Джессики из головы, как ртуть сбегает по пальцам.

— Нашла? — поинтересовался Ричард.

Дверь покачала головой, проглотив огромный кусок курятины.

— Мы как будто играем в игру «Найди голубя» на Трафальгарской площади, — сказала она. — Я не чувствую здесь ничего, похожего на *Angelus'a*. В свитке написано, что я его сразу узнаю.

С этими словами она зашагала дальше, оттолкнув какого-то промышленного магната, заместителя главы оппозиции и самую дорогостоящую проститутку юга Англии.

Ричард повернулся и чуть не натолкнулся на Джессику. Она заколола волосы на затылке, и копна каштановых выющихся локонов красиво обрамляла ее лицо. Она была очень хороша. Джессика улыбнулась ему, и Ричард не выдержал.

— Привет, Джессика, — сказал он. — Как дела?

— Привет, — отозвалась она. — Вы не поверите, но мой помощник забыл записать, из

какой вы газеты, мистер... мистер...

– Газеты? – переспросил Ричард.

– Я сказала «газеты»? – Джессика звонко рассмеялась, сообразив, что, видимо, ошиблась. – Я имела в виду – журнала... или телеканала. Вы ведь из СМИ?

– Ты отлично выглядишь, Джессика, – сказал Ричард.

– Видимо, вы меня знаете. А я вот забыла, кто вы, – и она виновато улыбнулась.

– Конечно, знаю. Тебя зовут Джессика Бартрам. Ты работаешь директором по маркетингу в компании Стоктона. Тебе двадцать шесть лет. Ты родилась двадцать третьего апреля. В момент экстаза ты напеваешь песню «Манкиз» «Я поверил»...

Джессика перестала улыбаться.

– Это, что, шутка? – холодно спросила она.

– И кстати, полтора года мы были обручены.

Джессика нервно улыбнулась. Наверное, это и вправду шутка: одна из тех дурацких шуток, которые все понимают, а она нет.

– Если бы я была с кем-то обручена полтора года, – заметила Джессика, – то вряд ли бы об этом забыла, мистер...

– Мэхью, – подсказал Ричард. – Ричард Мэхью. Ты меня бросила, и меня больше нет.

Джессика махнула кому-то на другом конце зала.

– Сейчас подойду! – отчаянно крикнула она, отступая.

– «Я поверил, – весело пропел Ричард, – Я не смогу расстаться с ней теперь...»

Схватив бокал с подноса у проходившего мимо официанта, Джессика залпом его осушила. И вдруг заметила в дверях шофера мистера Стоктона, а рядом с ним...

Джессика направилась к дверям.

– Так кто это? – спросил Кларенс, догнав ее.

– Ты о ком?

– О том странном типе.

– Не знаю, – призналась она и, помолчав, добавила: – Мне кажется, надо на всякий случай позвать охрану.

– Хорошо. Но зачем?

– Просто так... Позови охрану.

Тут в зал вошел мистер Арнольд Стоктон, и Джессика совсем позабыла о Ричарде.

* * *

Он был тучен и очень богат. Таких можно увидеть на карикатурах Хогарта – толстенная шея, несколько подбородков, огромный живот. Ему было за шестьдесят, седые волосы сзади опускались на шею, потому что людей обычно раздражает, когда у кого-то волосы прикрывают шею, а мистер Стоктон любил раздражать людей. По сравнению с Арнольдом Стоктоном Руперт Мердок казался всего лишь жалкой медузой, а почивший Роберт Максвелл³⁹ – китом, выброшенным на берег. Арнольд Стоктон был похож на питбуля, и именно так его чаще всего изображали карикатуристы. Стоктон владел огромной империей. Что только туда ни входило: спутники, газеты, компании звукозаписи, парки развлечений, книги, журналы, комиксы, телеканалы, кинокомпании...

– Сейчас я произнесу речь, – сказал мистер Стоктон Джессике вместо приветствия. – А потом уеду. Может, заскочу попозже, когда здесь не будет этих напыщенных кретинов.

– Хорошо, – отозвалась Джессика. – Ясно. Произнесете речь, а потом уедете.

Она поднялась с ним на сцену и подвела его к кафедре. Постучала ногтем по бокалу, требуя тишины. Ее никто не услышал, поэтому она произнесла в микрофон:

³⁹ Роберт Максвелл (Maxwell, Ian Robert, 1923–1991), настоящее имя Ян Лудвик Хох – британский предприниматель, основатель международной империи средств массовой информации.

– Прошу внимания.

Все притихли.

– Леди и джентльмены! Уважаемые гости! Добро пожаловать в Британский музей на выставку «Ангелы над Англией», спонсором которой является компания «Стоктон». Давайте поприветствуем человека, организовавшего эту выставку, – генерального директора и главу совета директоров компании «Стоктон» мистера Арнольда Стоктона!

Гости дружно зааплодировали – все отлично знали, кто собрал эту коллекцию ангелов и оплатил шампанское.

Мистер Стоктон кашлянул и начал:

– Не беспокойтесь, я вас не задержу. Когда я был совсем маленьким, я приходил в Британский музей каждую субботу. Почему в субботу? Да потому что в субботу вход бесплатный, а мои родители были не очень-то богаты. Я поднимался по широким ступеням, пробегал по коридору, заходил в этот зал и смотрел на ангела. Мне всегда казалось, что он может прочесть все мои мысли.

Тут в зал вошел Кларенс с двумя охранниками. Он указал на Ричарда, который перестал бродить по залу, решив послушать речь Стоктона. Дверь по-прежнему рассматривала ангелов.

– Да не этот, а *вон тот*, – полушепотом говорил Кларенс. – Нет, вон он. Вон, видите? *Он!*

– Шли годы. И как всё, о чем мы перестаем заботиться, – продолжал мистер Стоктон, – ангел стал разрушаться под действием неумолимого времени, – потрескался, разохся. Я потратил уйму денег, – он помолчал, чтобы публика поняла: если Арнольд Стоктон говорит, что потратил уйму денег, значит, речь идет о значительной сумме, – нанял с десяток реставраторов, и вот, после их долгого и упорного труда, ангел снова готов предстать миру. Скоро эта выставка отправится в Америку, а потом объедет весь свет. И может быть, какой-нибудь маленький бедный мальчишка, как я когда-то, посмотрит на моих ангелов и тоже решит создать свою империю.

Он обернулся. Наклонился к Джессике, прошептал:

– Что теперь?

Она указала ему на шнур рядом со шторой. Мистер Стоктон потянул за шнур. Штора поднялась, и все увидели огромную старинную дверь.

В углу, где стояли Кларенс и охранники, снова раздался шепот:

– Нет, *вот же он*. Господи! Вы что, ослепли?

Вероятно, когда-то это была дверь собора – высотой в два человеческих роста и довольно широкая – такая, что в нее мог спокойно пройти пони. На двери был вырезан ангел, раскрашенный в красное с белым и золотым. Он смотрел на гостей пустым, безразличным взглядом. Ахнув от восхищения, все бурно зааплодировали.

– *Angelus!* – воскликнула Дверь и потянула Ричарда за рукав. – Это он! Пойдем скорее к нему! – и она бросилась к сцене.

– Простите, сэр, – сказал Ричарду один из охранников.

– Прошу вас, покажите свой пригласительный, – произнес другой, незаметно, но крепко схватив Ричарда под руку. – У вас паспорт с собой?

– Нет, – ответил Ричард.

Дверь уже взобралась на сцену. Ричард попытался выдернуть руку и догнать девушку, надеясь, что охранники быстро про него забудут. Но не тут-то было. Теперь, наконец увидев его, они вели себя так, как и положено себя вести с грязным, немытым, небритым бродягой в потертой одежде. Охранник, державший Ричарда, сильнее сжал его локоть и пробормотал:

– Не надо дергаться.

Дверь остановилась, размышляя о том, как освободить Ричарда. И наконец сделала единственное, что ей пришло в голову. Подскочив к микрофону, она встала на цыпочки и изо всех сил закричала. Она потрясающе умела кричать. Ее крик буквально сверлил мозг, электропилой вонзаясь в череп... И крик становился все громче. Это было невыносимо.

Одна из официанток уронила поднос с бокалами. Зажав ладонями уши, все с ужасом смотрели на сцену. Ричард решил, что другого случая ему не представится.

– Простите, – сказал он удивленному охраннику, вырвался и бросился к Двери. – Это не тот Лондон.

Вскочив на сцену, он схватил Дверь за левую руку, которую она ему протянула. Правой же она коснулась ангела, вырезанного на огромной двери собора. Коснулась и *открыла* дверь.

На этот раз никто ничего не уронил. Все замерли, не в силах пошевелиться. Дверь открылась, и в зал хлынул невероятно яркий свет. Люди инстинктивно заслонили глаза ладонями, потом медленно опустили руки и уставились в дверной проем. Казалось, кто-то решил устроить салют прямо здесь, в зале. Причем не из бенгальских огней – этих рассыпающих искры вонючих палочек, – и не из шутих, которые пускают в саду или на заднем дворе, – нет, это был настоящий салют, когда палят из пушек, и высоко в небе распускаются огромные цветы, тот салют, что каждый вечер устраивают в Диснейленде, тот, от какого еще долго болит голова после концерта «Пинк Флойд». Удивительный, грандиозный салют. Настоящее волшебство.

Люди стояли и зачарованно смотрели на дверь. В зале воцарилась тишина, лишь иногда слышались восхищенные вздохи – так часто вздыхают, когда смотрят настоящий салют. Через несколько секунд потрепанный молодой человек и немая девушка в огромной кожаной куртке вошли в дверной проем и исчезли. Дверь тут же закрылась; свет погас.

И все снова встало на свои места. Гости, охранники, официанты похлопали глазами, покачали головами и, как это часто бывает, когда люди сталкиваются с чем-то необъяснимым, единогласно решили, что всего этого не было. Вскоре снова заиграл струнный квартет.

Мистер Стоктон удалился, коротко кивнув своим знакомым. Джессика подошла к Кларенсу.

– А что здесь делает охрана? – тихо спросила она.

Охранники в толпе удивленно озирались, словно и сами плохо понимали, как тут оказались. Кларенс попытался объяснить, зачем вызвал охрану, но тут же запутался и с удивлением понял, что и сам не знает, как это произошло.

– Я сейчас разберусь, – сказал он.

Джессика кивнула, оглядела толпу и радостно улыбнулась. Кажется, все прошло хорошо.

* * *

Ричард и Дверь шагнули в сноп света. И тут же стало темно и холодно. Ричард заморгал. Свет практически ослепил его. Перед глазами все еще плыли красно-зеленые пятна. Впрочем, его глаза постепенно привыкали к темноте, и пятна меркли.

Они оказались в огромном каменном зале. Потолок подпирали стальные колонны, почерневшие от времени и покрытые ржавчиной. Эти колонны были невероятно высокими. Откуда-то доносился тихий плеск воды: фонтан или, может быть, какой-то источник. Дверь все еще крепко держала Ричарда за руку. Где-то вдали загорелся огонек и заколыхался во тьме. Потом еще один, и еще. Ричард догадался, что кто-то зажигает свечи. И тут он увидел его: высокий, в белых одеждах, он шел к Ричарду и Двери, и вокруг тут же загорались свечи.

Казалось, он шел очень медленно, но, видимо, это было не так, потому что буквально через несколько секунд он остановился перед своими гостями. У него были золотистые волосы и бледное лицо. Он был не намного выше Ричарда, но рядом с ним Ричард почувствовал себя маленьким мальчиком. Он не походил ни на мужчину, ни на женщину и был невероятно красив. У него был очень тихий голос.

– Леди Дверь? – спросил он.

– Да, – отозвалась Дверь.

Он мягко улыбнулся и смиренно кивнул.

– Я рад видеть вас, тебя и твоего спутника, в моих владениях. Я – ангел Ислингтон.

У него были большие светлые глаза. А одежды были не белыми, как сначала подумал Ричард, – нет, они казались сотканными из *света*.

Ричард не верил в ангелов. Никогда не верил. И не собирался верить. Но все же гораздо проще во что-то не верить, когда оно не смотрит на тебя и не называет по имени.

– Ричард Мэхью, – сказал ангел, – приветствую тебя. – Он повернулся. – Прошу вас, идемте за мной.

Ричард и Дверь пошли за ангелом по залу. И свечи гасли у них за спиной.

* * *

Маркиз Карабас брел по коридору заброшенной больницы. Осколки стекла и старые шприцы хрустели под его тяжелыми черными сапогами. В конце коридора была двойная дверь, что вела на запасную лестницу. Маркиз спустился по лестнице в подвал.

Оказавшись в подвале, Карабас прошел по пустым комнатам, брезгливо переступая через кучи мусора. Пройдя мимо туалетов и душевых, по старой железной лестнице он спустился еще ниже, открыл полусгнившую деревянную дверь и зашел в комнату. Здесь было сыро и темно. Он огляделся. Презрительно посмотрел на недоеденного котенка и горку лезвий на столе. Смахнул мусор со стула, уселся поудобнее и закрыл глаза.

Через некоторое время дверь распахнулась, и кто-то вошел.

Маркиз Карабас открыл глаза, зевнул и радостно улыбнулся мистеру Крупну и мистеру Вандемару.

– Привет, ребята, – сказал он. – Я подумал, нам с вами пора поболтать с глазу на глаз.

Глава X

– Вы пьете вино? – спросил ангел.

Ричард кивнул, а Дверь ответила нерешительно:

– Я как-то пила. Отец нам налил за обедом. Разрешил попробовать.

Ангел Ислингтон поднял похожую на старинный графин бутылку, которая так сверкала и искрилась, что Ричард подумал: должно быть, она сделана не из стекла, а из чистейшего хрусталя или даже вырезана из огромного цельного алмаза. Хрусталь – или что бы там ни было – так причудливо отражал свет, что казалось даже, будто светится само вино.

Ангел снял крышку и налил вина в бокал – немного, всего на дюйм. Это было белое вино, но Ричард такого никогда не видел. Оно бросало на каменные стены блики, похожие на солнечных зайчиков на воде.

Дверь и Ричард сидели за почерневшим от времени деревянным столом на тяжелых деревянных стульях и молчали.

– Такого вина больше нет, – проговорил Ислингтон. – Это последняя бутылка из дюжины, которую дал мне твой далекий предок.

Ангел протянул бокал девушке и принялся бережно, с любовью наполнять следующий. Он был похож на священника, исполняющего ритуал.

– Он подарил мне вино в честь моего прибытия. Это было тридцать... нет, сорок тысяч лет назад. Давно... – Ангел передал бокал Ричарду. – Вы, очевидно, считаете, что такое вино надо беречь, но у меня так редко бывают гости. Путь сюда труден.

– *Angelus* ... – прошептала Дверь.

– Да-да, вам помог *Angelus*. Но к его помощи можно прибегнуть только один раз. – Ангел поднял бокал и поглядел на вино на свет. – Пейте осторожно, оно очень крепкое, – посоветовал он и опустил на стул между Ричардом и Дверью. – Мне нравится думать, – печально продолжал он, – что когда пьешь это вино, ты пьешь солнечный свет тех дней, которые уже не вернутся. – Он поднял бокал. – За былую славу.

– За былую славу, – эхом откликнулись Дверь и Ричард и осторожно пригубили вино.
– Невероятно! – пробормотала девушка.
– Невероятно! – повторил Ричард. – А я думал, вино с годами превращается в уксус.
Ангел покачал головой.

– Не такое, как это. Все дело в винограде. Важно, где выросла лоза. А такой лозы больше нет – те виноградники поглотили волны.

– Оно волшебное! – воскликнула Дверь, потягивая солнечную жидкость. – Я в жизни не пробовала ничего подобного.

– И не попробуешь. Вина Атлантиды больше не осталось.

Где-то в глубине сознания тоненький голосок разума говорил Ричарду, что Атлантиды никогда не было и, если уж на то пошло, ангелов тоже не бывает, да и большая часть всего, что с ним происходило в последние дни, – это бред. Но Ричард не стал его слушать. Медленно и с трудом он учился доверять своим чувствам. Он понял, что самое простое и самое правильное объяснение всему, что он увидел за это время, – то, которое давали Дверь, маркиз и другие. Да, это объяснение казалось невероятным, но оно было единственно верным. Он сделал еще глоток вина и вдруг почувствовал себя абсолютно *счастливым*. Он подумал о небесах – таких огромных и синих, каких он никогда не видел, о солнце – большом и желтом, которое светило над миром, где все было проще, потому что и сам мир был гораздо *моложе*.

Слева от них шумел водопад – прозрачная вода сбегала по стене в каменную чашу. Справа, меж двух бронзовых колонн, была дверь из полированного кремня в тяжелой черной металлической раме.

– Вы и в самом деле считаете себя ангелом? – спросил Ричард. – В смысле, вы видели Бога и все такое?

– Я ничего не считаю, Ричард, – с терпеливой улыбкой объяснил Ислингтон. – Я ангел.

– Это такая честь для нас, – сказала Дверь.

– Напротив. Это вы оказали мне честь, посетив меня. Твой отец, Дверь, был хороший человек. Он был мне другом. Его смерть меня очень опечалила.

– Он сказал... в своем дневнике... что я должна найти вас. Что я могу вам доверять.

– Надеюсь, я оправдаю ваше доверие. – Ангел сделал глоток вина и задумчиво продолжил: – Нижний Лондон – единственный город, который я люблю. Прежде был другой, но его поглотили волны, и я ничего не смог с этим поделать. Я знаю, что такое боль утраты. И сочувствую тебе. Что ты хотела узнать?

Дверь ответила не сразу.

– Моих родных... убили. Это сделали Круп и Вандемар. Но кто их нанял? Я... я хочу знать, *почему*?

Ангел кивнул.

– Я знаю немало тайн. Многие слухи доходят до меня, правдивые или нет: слухи, намеки, отголоски слухов... – Он повернулся к Ричарду. – А ты? Чего хочешь ты, Ричард Мэхью?

Ричард пожал плечами.

– Я хочу снова жить как раньше. Хочу вернуться в свою квартиру, на свою работу...

– Это вполне возможно, – заметил ангел.

– Ну да, конечно! – буркнул Ричард.

– Ты мне не веришь, Ричард Мэхью?

Ричард посмотрел в светлые глаза ангела. Они будто светились изнутри. Глаза, которые видели, как миллионы миллионов лет назад из космической пыли рождались галактики.

Он покачал головой.

Ангел улыбнулся доброй, всепрощающей улыбкой.

– Это будет нелегко. И вас самих, и ваших спутников ждут тяжелые испытания. Будет трудно выполнить то, что нужно, и еще труднее вернуться назад. Но только так мы сможем найти ответы на ваши вопросы. Только так мы получим ключ ко всем тайнам.

Он встал, подошел к каменной плите, на которой были расставлены статуэтки, и взял одну из них. Это была фигурка какого-то зверя, сделанная из лавы.

– Она будет оберегать вас на пути ко мне, – проговорил ангел и отдал статуэтку Двери. – Больше я ничем не могу помочь.

– А что мы должны сделать? – спросил Ричард.

– Ключ охраняют черные монахи. Принесите его мне.

– И тогда вы узнаете, кто убил моих родных? – спросила Дверь.

– Надеюсь, что да.

Ричард допил вино. Он чувствовал, как по всему телу разливается тепло. Ему казалось, что, посмотрев на свою руку, он увидит, как лучезарная жидкость бежит по его жилам, словно он весь стал прозрачным.

– Удачи, – прошептал ангел Ислингтон.

Послышался шорох, словно ветер прошелестел листвой забытого леса или забились огромные крылья.

* * *

Ричард и Дверь сидели на полу в зале Британского музея и удивленно пялились на резного ангела. Кругом стояла темнота и не было ни души. Прием давно закончился. Небо за окнами начало светлеть. Ричард встал и помог подняться Двери.

– К черным монахам?

Дверь кивнула.

Ричард бывал на мосту Блэкфрайрз⁴⁰ и, конечно, не раз проезжал станцию с тем же названием, но он уже научился не делать поспешных выводов.

– Это люди?

– Да.

Ричард подошел к *Angelus*'у и провел пальцем по его раскрашенному одеянию.

– Как думаешь, он правда может вернуть меня к прежней жизни?

– Я никогда не слышала, чтобы такое случилось. Но он не стал бы нам лгать. Он же ангел.

Дверь разжала ладонь и посмотрела на фигурку Зверя.

– У моего отца тоже была такая, – печально проговорила она и засунула статуэтку поглубже в карман куртки.

– Что ж, – сказал Ричард, – мы не сможем раздобыть ключ, если будем сидеть тут, правда?

Они пошли по пустым коридорам.

– Ты что-нибудь знаешь про этот ключ? – спросил Ричард, когда они подошли к выходу из музея.

– Нет. Я слышала про черных монахов, но никогда их не видела.

Она приложила руку к тщательно запертой стеклянной двери, и та открылась.

– Монахи... – задумчиво проговорил Ричард. – Могу поспорить: если мы скажем, что ключ нужен ангелу, самому настоящему ангелу, они тут же отдадут его нам, да еще прибавят волшебный консервный нож и чудодейственный штопор со свистком. – Он засмеялся. От вина еще шумело в голове.

– У тебя, похоже, отличное настроение, – заметила Дверь.

Он воодушевленно закивал.

– Еще бы! Я вернусь домой. Все будет как раньше. Скучная, прекрасная жизнь!

Он глянул на ступеньки Британского музея и подумал, что они буквально созданы для

⁴⁰ Район *Блэкфрайрз* (а позже мост и станция метро в этом районе) получил свое название от доминиканского монастыря, построенного здесь в 1276 г. *Blackfriars* – букв. «черные братья» (по цвету плаща доминиканских монахов).

того, чтобы на них танцевали Фред Астер и Джинджер Роджерс. И поскольку ни того, ни другой рядом не оказалось, принялся сам приплясывать – как ему казалось, на манер Фреда Астера, – напевая себе под нос нечто среднее между «Puttin' on the Ritz» и «Top Hat, White Tie and Tails».

– Та-пам-пам-пум-пум-пам-пам-та-а, – пел он, перескакивая со ступеньки на ступеньку.

Дверь стояла наверху и с ужасом на него смотрела. А потом вдруг захихикала. Он поглядел на нее, снял воображаемый белый цилиндр, подбросил, ловко поймал и снова нацепил на голову.

– Вот чудак, – пробормотала Дверь и улыбнулась.

Не переставая приплясывать, Ричард схватил ее за руку и привлек к себе. Она секунду раздумывала, а потом тоже принялась танцевать. Получалось у нее гораздо лучше, чем у Ричарда. Добравшись до конца лестницы, они, не размыкая объятий, повалились на землю, тяжело дыша и глупо хихикая.

Ричарду показалось, что все вокруг закружилось.

Он чувствовал, как бьется сердце Двери. Чувствовал, как проходят секунды, и думал, что, наверное, надо что-то сделать. Может быть, поцеловать ее? Он попытался понять, хочет ли ее поцеловать, и не понял. Посмотрел в ее удивительные глаза... Дверь отвернулась и высвободилась. Потом подняла воротник кожаной куртки и запахла ее, как будто куртка могла защитить ее от всего на свете.

– Идем, поищем мою телохранительницу, – сказала она.

Временами спотыкаясь, они пошли по проулку к станции «Британский музей».

* * *

– Чего ты хочешь? – спросил мистер Круп.

– Чего хочет каждый из нас? – философски заметил маркиз Карабас.

– Мертвечины, – ответил мистер Вандемар. – И зубов побольше.

– Я подумал, что мы могли бы заключить сделку, – проговорил маркиз.

Мистер Круп расхохотался. Его смех звучал так, будто школьную доску протащили по миллиону торчащих отрубленных пальцев, которые скребли ее ногтями.

– Ах, мсье маркиз. С уверенностью могу утверждать, и, полагаю, никто из присутствующих не станет с этим спорить, что вы, должно быть, утратили весь свой хваленый здравый смысл. Иначе говоря – уж простите такой просторечный оборот, – вы рехнулись.

– Только скажи – я откручу ему башку, он и пикнуть не успеет, – предложил мистер Вандемар, стоявший за спинкой стула, на котором сидел маркиз.

Маркиз подышал на свои ногти и принялся полировать их о край плаща.

– Я всегда полагал, – промолвил он, – что путь насилия – это путь тех, кто ни на что не годен, а пустые угрозы – жалкое оружие слабоумных.

– Зачем ты пришел? – прошипел мистер Круп, злобно глядя на него.

Маркиз Карабас потянулся, как рысь или огромная черная пантера, и встал, сунув руки в карманы своего широкого плаща.

– Как я понимаю, – небрежно начал он, – вы, мистер Круп, большой любитель статуэток периода династии Тан.

– С чего ты взял?

– Видите ли, люди многое мне рассказывают. Я вызываю доверие. – Маркиз улыбнулся невинной, простодушной улыбкой человека, который пытается всучить вам потрепанную Библию.

– Даже если это правда... – начал мистер Круп.

– Если это правда, – перебил его маркиз, – вас наверняка заинтересует вот такая штучка.

И он достал из кармана статуэтку. Еще недавно она стояла в стеклянном шкафу в

одном из крупнейших лондонских банков и в каталогах значилась под названием «Дух осени (погребальная статуэтка)». Эта небольшая фигурка – всего восемь дюймов в высоту – была вылеплена из глины, раскрашена, обожжена и покрыта глазурью еще в те далекие времена, когда Европа переживала ранний период Средневековья, а в Америке мирно жили индейцы, и до первого плавания Колумба оставалось еще шестьсот лет.

Мистер Круп невольно зашипел и потянулся за фигуркой, но маркиз резко отдернул руку и прижал ее к груди.

– Нет-нет, не все так просто, – проговорил он.

– Нет? А что нам помешает отобрать ее, а твои жалкие останки раскидать по всему Нижнему миру? Мы еще никогда не расчленили маркиза.

– Расчленили, – возразил мистер Вандемар. – В Йорке. В четырнадцатом веке. Тогда еще дождь шел.

– Это был не маркиз, а граф Эксетерский.

– И маркиз Вестморлендский, – поправил мистер Вандемар, чрезвычайно довольный собой.

Мистер Круп фыркнул.

– Так что нам помешает разрубить тебя на столько же кусков, на сколько мы разрубили маркиза Вестморлендского?

Маркиз достал из кармана вторую руку – в руке был молоточек. Он подбросил его в воздух, ловко поймал, как бармен в каком-нибудь фильме подбрасывает и ловит бутылку, – и занес над статуэткой.

– Я же просил, не надо пустых угроз. И знаете, мне было бы приятнее, если бы вы оба отошли вон туда.

Мистер Вандемар бросил вопросительный взгляд на мистера Крупа, и тот еле заметно кивнул. Воздух дрогнул, и мистер Вандемар оказался рядом со своим напарником, улыбавшимся застывшей улыбкой скелета.

– Я действительно время от времени покупал статуэтки периода династии Тан, – проговорил он. – Эта продается?

– Вы же знаете, мистер Круп, у нас в Нижнем Лондоне не слишком процветает торговля. Мы не торгуем, мы меняемся. Бартер – вот что нам интересно. Что же касается этой статуэтки, то, при определенных условиях, она может сменить владельца.

Мистер Круп поджал губы, скрестил руки на груди, снова опустил их, провел ладонью по салым волосам.

– Что ты хочешь за нее?

Маркиз едва слышно с облегчением вздохнул. Кажется, ему все-таки удастся повернуть эту беспрецедентную аферу.

– Во-первых, три ответа на три вопроса, – заявил он.

Круп кивнул.

– Хорошо, но мы тоже зададим три вопроса. И ты на них ответишь.

– Договорились. Во-вторых, вы отпустите меня целым и невредимым и дадите как минимум час форы.

Круп нетерпеливо кивал, не сводя глаз со статуэтки.

– Ладно-ладно. Договорились. Какой там первый вопрос?

– На кого вы работаете?

– Ну, это совсем простой вопрос, – ответил мистер Круп. – Мы работаем на нашего работодателя, который не желает раскрывать своего имени.

– Гм... Почему вы убили родных Двери?

– Потому что наш босс приказал это сделать, – с лисьей улыбкой ответил мистер Круп.

– Почему вы не убили Дверь? – спросил маркиз.

Прежде чем мистер Круп открыл рот, мистер Вандемар брякнул:

– Нам запретили ее убивать. Только она может открыть дверь.

Мистер Круп бросил сердитый взгляд на напарника.

– Ну да, давай, выложи ему все начистоту!

– Я тоже хотел поучаствовать, – пробормотал мистер Вандемар.

– Понятно. Ладно, ты получил свои три ответа. Не знаю, правда, что они тебе дали. А теперь моя очередь. Первый вопрос: почему ты ее защищаешь?

– Ее отец спас мне жизнь, – честно ответил маркиз. – Я у него в долгу. А я этого не люблю. Я предпочитаю, чтобы в долгу были у меня.

– У меня есть вопрос, – снова вмешался мистер Вандемар.

– У меня тоже, мистер Вандемар, – возразил мистер Круп. – Этот, из Верхнего мира, Ричард Мэхью, почему он с ней ходит? Почему она его не прогонит?

– Должно быть, влюбилась, – ответил маркиз и вдруг подумал, действительно ли дело только в этом. Он начал подозревать, что, может быть, Ричард не так прост, как кажется.

– А теперь моя очередь, – заявил мистер Вандемар. – Какое число я задумал?

– Что?

– Какое число я задумал? – повторил свой вопрос мистер Вандемар. – От одного до бесконечности, – подсказал он.

– Семь, – ответил маркиз, и мистер Вандемар потрясенно кивнул.

– А где... – начал было мистер Круп, но маркиз покачал головой:

– Не-ет, так не пойдет. Не надо жадничать.

В сыром подвале наступила тишина. Слышно было, как капает вода и медленно ползают слизняки.

– Час форы. Не забыли? – напомнил маркиз.

– Разумеется, – отмахнулся мистер Круп.

Маркиз Карабас бросил статуэтку мистеру Крупу, и тот схватил ее жадно, как наркоман – пакетик с контрабандным белым порошком. Маркиз повернулся и вышел из подвала, ни разу не оглянувшись.

Мистер Круп вертел статуэтку в руках, рассматривал с выражением, с каким диккенсовский куратор музея проклятых разглядывал бы самый ценный экспонат. Время от времени он от усердия даже высовывал кончик языка. На его бледных щеках появился румянец.

– Прелестно, прелестно, – шептал он. – В самом деле, династия Тан. Создана тысячу двести лет назад. Одно из самых прекрасных произведений человеческого искусства. Ее сделал Кай Лун, знаменитый гончар. Она уникальна. Только посмотри на глазурь – какой цвет! В ней гармония самой жизни... – Он улыбался как ребенок. Просто невероятно, как такая невинная улыбка могла появиться на жестоком лице мистера Крупа. – Она добавляет красоты и гармонии этому миру.

Улыбнувшись во весь рот, он склонился к статуэтке и с хрустом откусил ей голову. Он жадно жевал глину, заглатывая ее кусками. Белая крошка усеяла весь подбородок.

Уничтожая статуэтку, он испытывал подлинное наслаждение и экстаз, словно удовлетворял неудержимую жажду крови, какая охватывает лиса, забравшегося в курятник. Когда от статуэтки ничего не осталось, он повернулся к мистеру Вандемару и медленно, расслабленно проговорил:

– Сколько мы обещали ему дать?

– Час.

– Ммм... а сколько прошло?

– Шесть минут.

Мистер Круп склонил голову. Стер крошки с подбородка и с удовольствием облизал пальцы.

– Иди за ним, – сказал он. – А я немного задержусь. Хочу насладиться моментом.

* * *

Охотница слышала, как они спускаются. Она так и стояла, скрестив руки на груди,

словно даже не шелохнулась с тех пор, как они ушли. Ричард напевал себе под нос, Дверь хихикала. Потом они остановились. Дверь сказала:

– Тихо! – и снова рассмеялась.

Они даже не заметили Охотницу.

Когда Дверь с Ричардом уже прошли мимо, она шагнула к свету и сказала:

– Вас не было восемь часов.

В ее голосе не было ни укора, ни любопытства. Она просто констатировала факт.

Дверь удивленно моргнула.

– Так *долго* ?

Охотница промолчала. Ричард улыбнулся пьяной улыбкой.

– Не хочешь узнать, как все прошло? Между прочим, мы встретились с Крупом и Вандемаром. Бах! А телохранителя-то нет! Ну ничего, я сам с ними разобрался.

Охотница вскинула бровь.

– Я всегда подозревала, что ты великий воин, – холодно заметила она.

Дверь захихикала.

– Он шутит. На самом деле они нас убили.

– Я немного разбираюсь в убийствах, – заметила Охотница, – и могу вас заверить, что вы оба живы. Хотя и изрядно пьяны.

– Глупости! – воскликнула Дверь и показала ей язык. – Я почти и не пила. Только вот столечко, – и она показала, сколько.

– Мы попали на прием, – добавил Ричард. – Встретили Джессику, видели настоящего ангела, взяли у него какую-то черную хрюшку и вернулись. Вот.

– Совсем чуть-чуть, – продолжала Дверь. – Чутьочку старого-престарого вина. Просто ка-а-апельку! Совсем-совсем немного. Почти ничего. – Она громко икнула, хихикнула, снова икнула. И вдруг опустилась на пол. – Кажется, мы все-таки перебрали, – неожиданно трезво заявила она, закрыла глаза и тут же уснула.

* * *

Маркиз Карабас мчался по туннелям так, будто за ним гнались черти. Он пронесся по забранной в шестидюймовую трубу реке Тайберн – реке висельников⁴¹. Передохнул в темном углу кирпичной сточной трубы под Парк-лейн и побежал дальше на юг, к Букингемскому дворцу. С тех пор как он покинул больницу, прошло семнадцать минут.

В тридцати футах под Триумфальной аркой он на секунду остановился. Туннель раздваивался. Маркиз побежал налево.

Несколько минут спустя по тому же туннелю прошел мистер Вандемар. У развилки он тоже остановился, принялся и тоже свернул налево.

* * *

Охотница подняла бесчувственное тело Ричарда Мэхью и швырнула его на солому. Он перевернулся на спину, пробормотал что-то вроде: «Нефя посрожнее?» – и снова отключился. Дверь Охотница опустила на солому более бережно. Затем встала возле нее – едва различимая во мраке подземелья – и приготовилась охранять ее сон.

* * *

Маркиз Карабас выдохся. Привалившись к стене, он поглядел на ступеньки, уходившие далеко вверх, достал из кармана золотые часы и проверил время. С тех пор как он покинул

⁴¹ На реке Тайберн находились виселицы, где казнили преступников, начиная с 1196 г. и до XVIII в.

больницу, прошло тридцать пять минут.

– Ну что, час уже прошел? – спросил мистер Вандемар. Он сидел на ступеньках и кончиком ножа выковыривал грязь из-под ногтей.

– Нет. Только половина, – тяжело дыша, ответил маркиз.

– А мне показалось, прошел, – возразил мистер Вандемар.

Воздух дрогнул, и за спиной маркиза возник мистер Круп. На подбородке у него все еще оставались белые крошки. Маркиз посмотрел на мистера Крупа, потом перевел взгляд на мистера Вандемара и вдруг расхохотался.

Мистер Круп улыбнулся.

– Что вас так развеселило, мессир маркиз? Мы кажемся вам смешными? Мы? В наших великолепных костюмах, с нашей изысканной велеречивостью...

– Нет у меня никакой речивости, – пробормотал мистер Вандемар.

– ...С нашими старомодными манерами и, может быть, глупыми привычками? Что ж, пожалуй, мы действительно смешны. – Тут мистер Круп погрозил маркизу пальцем. – Но не следует забывать, дорогой маркиз, что нечто смехотворное может быть и очень опасным.

Мистер Вандемар с силой метнул нож. И не промахнулся: рукоятка ударила маркиза в висок. Глаза у него закатились, и он осел на пол.

– Велеречивость, – объяснил мистер Круп мистери Вандемару, – это изящная речь. Пышная, высокопарная. Красноречие, короче говоря.

Мистер Вандемар подхватил Карабаса за пояс и потащил вверх по лестнице, не обращая внимания на то, что голова маркиза билась о ступеньки.

– Ага, – сказал мистер Вандемар и кивнул. – А то я не понял.

* * *

Пока они спят, посмотрим, что им снится.

Охотница спит стоя.

Ей снится Нижний Бангкок – причудливый лабиринт каменных стен и джунглей, ушедших под землю много лет назад. А сверху аэропорт, отели, улицы верхнего города. Внизу стоит запах специй и сушеных манго, приятный аромат секса. Воздух влажный, Охотница вспотела. Фосфоресцирующая плесень на каменной кладке светится обманчивым бледно-зеленым светом. Он не рассеивает мрак, но помогает ориентироваться в лабиринте.

Охотница словно призрак движется по сочащимся влагой туннелям, пробирается вперед, раздвигая лианы. В правой руке она держит тяжелый, налитый свинцом посох, в левой – обтянутый кожей щит.

Во сне она чувствует резкий запах зверя. Прислоняется к полуразрушенной стене и ждет, затаившись во мраке, слившись с темнотой. Она знает, что на охоте, как и в жизни, главное – уметь ждать. Но в этот раз ждать ей не приходится. Он появляется из зарослей, при каждом шаге плавно изгибаясь, как змея, покрытая коричнево-белым мехом. Глаза у него красные и ярко горят в темноте, а зубы острые, как бритвы. Это хищник, безжалостный убийца. Такие, как он, в верхнем мире давно вымерли. Его можно было бы назвать родственником ласки или норки, если волка можно назвать родственником йоркширского терьера. Он больше пятнадцати футов в длину – от кончика носа до кончика хвоста – и весит не меньше трехсот фунтов.

Когда зверь проходит мимо, Охотница шипит. Зверь на секунду удивленно замирает. Потом срабатывает инстинкт, и он яростно бросается на нее, раскрыв пасть с острыми зубами. Во сне она вспоминает, что такое уже было, и в прошлый раз он сунула щит в пасть и метнула тяжелый посох в череп Великой Ласки, стараясь не повредить шкуру, которую потом отдала приглянувшейся девушке, надлежащим образом отблагодарившей Охотницу.

Но во сне все иначе. Ласка тянется к ней, Охотница отбрасывает посох и вкладывает свою ладонь в огромную лапу. Они начинают танцевать. Они танцуют бесконечный причудливый танец глубоко под землей, под Бангкоком. Охотница видит со стороны, как

они кружатся. Руки, ноги, хвост, пальцы, волосы, взгляды – все движется в такт удивительной неслышной музыки. И так они скользят в танце через подземный лабиринт, через вечность.

Из реального мира доносится какой-то звук – Дверь тихонько постанывает во сне. Охотница мгновенно сбрасывает с себя сонное оцепенение, возвращается в настоящее – как всегда готовая к бою, как всегда настороже. И совершенно забывает свой сон.

* * *

Двери снится отец.

Он учит ее открывать. Он берет апельсин, взмахивает рукой, и апельсин выворачивается наизнанку, так что дольки оказываются снаружи, а шкурка – внутри. *Во всем нужно соблюдать равновесие*, говорит отец, отламывая ей дольку. *Равновесие и симметрию. Нельзя нарушать топологию. Но этому ты научишься потом. А сейчас, Дверь, ты должна понять самое главное: все вещи хотят, чтобы их открыли. Ты должна почувствовать в них это желание и научиться его использовать*.

Волосы у отца густые и каштановые, какими они были за десять лет до смерти. Он улыбается – свободно и беззаботно. Дверь помнит эту улыбку, хотя с годами отец стал улыбаться все реже.

Он протягивает ей замок. Она берет его. Ее руки такие же, как сейчас, хотя даже во сне она знает, что все это происходило, когда она была совсем крохой. Более того, она понимает, что сплетает в один урок сотни уроков, которые он ей преподавал за двенадцать лет, сотни разговоров и наставлений.

Открывай, велит отец.

Она держит замок, чувствует, какой он холодный и тяжелый. Ее что-то беспокоит. Она что-то хотела узнать. Открывать Дверь научилась почти тогда же, когда начала ходить. Она помнит, как мать держит ее на руках и открывает дверь из ее спальни в детскую. Помнит, как ее брат Арк расцепляет звенья серебряной цепи и снова их соединяет.

Она пытается открыть замок. Трогает его пальцами, мысленно просит открыться. Ничего не выходит. Она швыряет замок на пол и заливается слезами. Отец поднимает замок и снова вкладывает ей в руки. Вытирает слезы с ее щек.

Запомни, говорит он, *замок хочет открыться. Просто позволь ему это сделать*.

Она чувствует, какой замок холодный, тяжелый и неподвижный. И вдруг она понимает, действительно понимает, чего хочет замок. Раздается щелчок – замок открыт. Отец улыбается.

Получилось, говорит она.

Умница, говорит он. *Вот видишь, ты поняла самое главное. Все остальное – дело техники*.

И тут она вспоминает, что именно хотела узнать.

Отец, кто убрал твой дневник? – спрашивает она. – *Кто его спрятал?*

Но он уже отдаляется, сон рассеивается. Она зовет отца, но отец не слышит. Он что-то говорит, и она не может разобрать слов.

Дверь тихонько стонет во сне. Потом поворачивается на другой бок, подкладывает руку под щеку, тихонько всхрапывает – раз, другой, третий... Она спит. Но больше ей ничего не снится.

* * *

Ричард чувствует, что Зверь ждет их. С каждым шагом, с каждым поворотом это чувство растет и усиливается. Он знает, что Зверь там, что он затаился в темноте. И с каждой минутой ощущение грядущей катастрофы нарастает. Когда за очередным поворотом он видит в туннеле поджидающего Зверя, чувствует, что должен бы испытать

облегчение, но не испытывает ничего, кроме ужаса. Во сне Зверь разрастается до невероятных размеров. Он заслоняет собой все. От его шкуры валит пар, обломки копий торчат из его боков, на рогах и клыках застыла кровь. Он страшный, необъятный, разъяренный.

Зверь бросается вперед.

Ричард вскидывает руку (но это не его рука) и швыряет копьё в Зверя.

Он видит его глаза – красные, пылающие злобой. Они приближаются. Это всего секунда, но она кажется вечностью. А потом Зверь кидается на него...

Кто-то плеснул ледяной водой ему в лицо, и Ричард проснулся, как от пощечины. Резко отрыл глаза и замер, хватая ртом воздух. Сверху на него смотрела Охотница. У нее в руках было большое деревянное ведро – пустое. Ричард с трудом поднял руку. Лицо и волосы у него были мокрые. Дрожа от холода, он смахнул капли воды с лица.

– Зачем ты так? – пробормотал он. Во рту у него было противно, словно какие-то крошечные зверюшки использовали его рот как отхожее место, а потом растворились, превратившись во что-то зеленоватое. Ричард попытался встать и тут же снова сел. – О-о-о... – простонал он.

– Как голова? – понимающе спросила Охотница.

– Так себе.

Она взяла другое ведро, наполненное водой, и подтащила его поближе.

– Не знаю, что вы пили, – сказала она, – но это было что-то действительно крепкое. – Она осторожно побрызгала водой в лицо Двери. Веки у девушки дрогнули.

– Неудивительно, что Атлантида затонула, – проворчал Ричард. – Если им всем было так тошно по утрам, они наверняка только обрадовались, когда их поглотили волны. Где мы?

Охотница еще побрызгала в лицо Двери водой.

– В конюшне у моего друга, – ответила она.

Ричард огляделся. В самом деле, похоже на конюшню. Но неужели лошади живут под землей? Или эта конюшня не для лошадей? На стене был какой-то знак, похожий на латинскую букву «S» (или на змею) в окружении семи звезд.

Дверь осторожно ощупала свою голову, словно сомневаясь, что с ней все в порядке.

– О-о-о... – выдохнула она. – Темпл и Арка! Я умерла?

– Нет, – сказала Охотница.

– А жаль...

Охотница помогла ей подняться.

– Что ж, он нас предупреждал, что вино крепкое... – сонно пробормотала Дверь, и вдруг – в одну секунду – сон как рукой сняло. Она схватила Ричарда за плечо и в ужасе указала на символ на стене – змейку в окружении звезд. Дверь охнула и затравленно огляделась, словно мышка, ненароком попавшая в комнату, полную кошек. – Серпентина⁴²! – воскликнула она. – Это герб Серпентины. Ричард, бежим! Надо убраться отсюда, пока она нас не заметила...

– И ты думаешь, дитя мое, что можно оказаться во владениях Серпентины без ее ведома? – послышался вдруг сухой шелестящий голос.

Дверь отступила назад и прижалась к стене. Ее била дрожь. В раскаляющуюся от боли голову Ричарда пришла мысль: он впервые видит Дверь в таком ужасе.

Серпентина стояла в дверях. На ней были белые кожаные сапоги и белый кожаный корсет, вокруг которого пенилось белое кружево и шелк. Казалось, это когда-то был свадебный наряд, только с тех пор кружево изорвалось и посерело. Она была выше их всех. Седые волосы, зачесанные наверх, касались притолоки. У нее было властное лицо, тонкие

⁴² *Serpentine* – озеро в Гайд-парке, созданное в 1730 г. и получившее название из-за своей узкой, извилистой формы (serpent – змея).

губы и пронзительный взгляд. Она смотрела на Дверь, и было видно, что она принимает этот страх как должное. Она давно привыкла, что ее боятся. Ей это даже нравится.

– Успокойся, – бросила Охотница Двери.

– Но это же Серпентина, одна из семи сестер⁴³, – прошептала Дверь.

Серпентина вежливо склонила голову и подошла к ним. Из-за ее спины показалась худая женщина с длинными черными волосами и резкими чертами лица. На ней было черное платье, утянутое в талии. Женщина молчала. Серпентина приблизилась к Охотнице.

– Когда-то очень давно Охотница мне служила, – сказала Серпентина и провела белым пальцем по карамельной щеке Охотницы – любовным, собственническим жестом. – Тебе удалось сохраниться лучше, чем мне, – проговорила она.

Охотница опустила глаза.

– Ее друзья – мои друзья, – объяснила Серпентина. – Ты Дверь?

– Да, – еле слышно ответила девушка. Во рту у нее пересохло.

Серпентина посмотрела на Ричарда. Он явно не произвел на нее впечатления.

– А ты кто такой? – холодно спросила она.

– Ричард.

– Я Серпентина, – милостиво сообщила она.

– Я так и понял, – ответил Ричард.

– Вас ждет завтрак, – сказала Серпентина, – если конечно, вы хотите прервать свой пост.

– О нет! – простонал Ричард, а Дверь промолчала.

Она по-прежнему прижималась к стене и дрожала, как осенний лист на ветру. Дверь понимала: раз Охотница притащила их сюда, значит, она уверена, что здесь им ничто не угрожает, однако страх по-прежнему ее не отпускал.

– Что на завтрак? – спросила Охотница.

Серпентина посмотрела на женщину с осиной талией.

– Что на завтрак? – повторила она вопрос Охотницы.

Женщина улыбнулась (Ричард подумал, что в жизни не видел такой ледяной улыбки) и принялась перечислять:

– Яичница-глазунья, яйца-пашот, яйца маринованные, оленина с карри, лук маринованный, сельдь маринованная, сельдь копченая, сельдь соленая, бульон грибной, свинина соленая, капуста фаршированная, рагу из баранины, холодец из телячьих ножек...

Ричард хотел было попросить ее замолчать, но не успел – его стало рвать, неудержимо и мучительно.

Ему хотелось, чтобы кто-то его утешил, сказал, что все в порядке и скоро ему станет лучше. Он хотел, чтобы кто-нибудь дал ему аспирин и стакан воды, а потом уложил в постель. Но никто не стал его утешать, а постель его осталась бесконечно далеко – в другой жизни. Ричард зачерпнул воды из ведра, умылся, прополоскал рот и, пошатываясь, пошел вслед за четырьмя женщинами завтракать.

* * *

– Передай мне холодец, – с набитым ртом попросила Охотница.

Столовая Серпентины находилась на самой крошечной платформе метро, какую Ричард когда-либо видел, – не больше двенадцати футов в длину. Почти всю ее занимал огромный обеденный стол. Он был накрыт белой камчатной скатертью, сервирован серебряной посудой и уставлен блюдами, источавшими тошнотворный запах. Хуже всего пахли маринованные перепелиные яйца.

⁴³ *Seven Sisters* (букв. «семь сестер») – станция метро и место в Лондоне, получившее название от семи древних вязы, посаженных по кругу. Предполагается, что это могло быть местом языческих жертвоприношений. Позже заменены пирамидальными тополями.

Он весь покрылся липким потом, а глаза его словно сначала вынули, а потом неправильно вставили в глазницы. Голова болела, как будто во сне его череп подменили на другой – раза в три меньше. В нескольких футах от них прошел поезд. Ветер взметнул скатерть. От грохота боль сделалась невыносимой, словно по мозгу полоснули раскаленным лезвием. Он застонал.

– Вижу, твой герой не умеет пить, – равнодушно заметила Серпентина.

– Он не мой герой, – возразила Дверь.

– Нет, дитя мое, меня не обманешь. У меня глаз наметанный. Героя сразу видно – у него особенный взгляд. – Серпентина повернулась к женщине в черном, выполнявшей, очевидно, функцию экономки. – Восстановительный напиток для джентльмена.

Женщина холодно улыбнулась и вышла.

Дверь переложила несколько грибов на свою тарелку.

– Мы благодарны вам за помощь, леди Серпентина, – промолвила она.

Серпентина фыркнула.

– Просто Серпентина. У меня нет времени на глупые титулы и вымышленные регалии. Так ты старшая дочь Портико?

– Да.

Серпентина обмакнула пальцы в соленый соус, в котором плавали крошечные угри, облизнула их и важно кивнула.

– У меня никогда не было времени на твоего отца. Вся это чушь про объединение Нижнего Лондона. Чепуха, бред. Глупец! Ищет неприятности на свою голову. Последний раз, когда мы с ним виделись, я пообещала превратить его в ужа, если он еще раз ко мне явится. – Она посмотрела на Дверь. – Как он, кстати?

– Умер.

Серпентина удовлетворенно кивнула.

– Вот видишь. Как и следовало ожидать.

Дверь промолчала.

Серпентина покопалась в своих волосах, что-то поймала там, поглядела, что это, раздавила пальцами и бросила на платформу. Затем повернулась к Охотнице, которая управлялась с горкой маринованных селедок.

– Охотишься на Зверя? – спросила Серпентина. Охотница кивнула, не переставая жевать. – Тогда тебе понадобится копые.

Женщина с осиной талией появилась перед Ричардом с подносом в руках. На подносе стояла рюмка с изумрудно-зеленым напитком. Ричард покосился на рюмку и вопросительно посмотрел на Дверь.

– Что вы ему налили? – спросила девушка.

– Это не яд, – ответила Серпентина с ледяной улыбкой. – Вы же гости.

Ричард залпом осушил рюмку. Напиток пах мятой, чабрецом и морозным зимним утром. Он почувствовал, как жидкость сбегает в желудок, и приготовился сдержать рвоту. Сделал глубокий вдох и вдруг с удивлением обнаружил, что голова прошла и ему страшно хочется есть.

* * *

Старина Бейли был не мастак рассказывать анекдоты, но рассказывать их любил. В его устах они превращались в бесконечные нудные истории, оканчивающиеся каким-нибудь жалким каламбуром, если только старина Бейли не забывал его, пока добирался до финала. Слушали его анекдоты только птицы в клетках. Пернатые – особенно грачи – воспринимали эти анекдоты, как глубокие философские притчи о сути человеческой натуры, а потому время от времени сами просили старину Бейли рассказать анекдот.

– Ладно-ладно, – говаривал старина Бейли. – Скажете, если уже слышали. Один человек заходит в бар. Нет, не человек. Точно, в этом вся и штука. Пардон. Заходит в бар

лошадь... Нет, обрывок каната. Три обрывка. Вот именно. Три обрывка заходят в бар...

Большой грач вопросительно каркнул. Старина Бейли потер подбородок и пожал плечами.

– Говорю как слышал. Не знаю, это же анекдот. В анекдоте они умеют ходить. Один обрывок просит бармена налить ему стаканчик – ну, и его приятелям тоже. А бармен и говорит, мол, мы тут обрывкам каната не наливаем. Вообще никогда не наливаем обрывкам каната. Так вот. Ну, тот идет к остальным, так, мол, и так, обрывкам тут не наливают. Это же шутка. Тогда идет другой обрывок. Бармен ему отвечает, мол, мы таких не обслуживаем. Тогда третий берет и привязывается к двум остальным. Ну, и заказывает выпивку.

Большой грач что-то уточнил:

– Верно, выпивку, три порции, – согласился старина Бейли, – ...А бармен говорит: «Слушай, ты что, один из этих обрывков?», а тот ему: «Ну уж нет. Я просто узел». А бармен: «Понял-понял, ты два узла в час!» Такой вот анекдот. Очень, очень смешной.

Скворцы вежливо закаркали. Грачи покивали и склонили головы набок. Самый старый грач каркнул.

– Что? Еще один? Ну, знаете, что я вам, кладезь анекдотов? – проворчал старина Бейли. – Дайте-ка подумать...

Из палатки раздался низкий, пульсирующий звук, похожий на стук сердца. Старина Бейли вошел в палатку. Звук шел из древнего деревянного сундука, в котором он хранил все самое ценное. Старина Бейли открыл сундук. Звук стал громче. Он доносился из серебряной шкатулки. Старик протянул руку и поднял шкатулку. Из ее замочной скважины и из всех щелей вырывался красный свет, мигавший, словно в такт биению сердца.

– Он в беде, – пробормотал старина Бейли.

Грач вопросительно каркнул.

– Нет. Это не шутка. Маркиз в беде.

* * *

Ричард доедал уже добавку, когда Серпентина отодвинула стул и встала.

– Полагаю, я выполнила свой долг гостеприимной хозяйки, – объявила она. – До свидания, дитя мое. До свидания, молодой человек. Охотница... – Она умолкла и снова провела острым ногтем по щеке телохранительницы. – Буду рада видеть тебя снова.

Затем величественно кивнула и вышла в сопровождении своей служанки с осиной талией.

– Нам пора, – сказала Охотница, вставая из-за стола. Дверь и Ричард (последний – с большой неохотой) последовали за ней.

Они прошли по коридору – такому узкому, что пришлось идти гуськом, – поднялись по каменным ступеням, перешли железный мост, под которым с грохотом проносились поезда, и наконец оказались в лабиринте подземных гротов, где пахло сырыми кирпичными стенами, древностью и увяданием.

– Так ты на нее работала? – спросил Ричард Охотницу. – А она ничего.

Охотница промолчала, а Дверь задумчиво произнесла:

– У нас в Нижнем Лондоне Серпентиной пугают детей. «Веди себя хорошо, а не то Серпентина придет».

– А-а... – удивился Ричард и снова спросил у Охотницы: – И ты у нее работала, да?

– Я работала у всех семи сестер.

– Я думала, они уже лет тридцать как не разговаривают друг с другом, – заметила Дверь.

– Очень может быть. Но тогда они еще общались.

– Сколько же тебе лет? – спросила девушка, и Ричард порадовался, что она задала этот вопрос: сам бы он никогда не осмелился.

– Столько же, сколько моему языку, и чуть меньше, чем моим зубам, – ответила

Охотница.

– Ну что ж, – беззаботным тоном сказал Ричард. Он радовался, что избавился от похмелья, радовался, что где-то там, наверху, у кого-то хороший день. – По-моему, все прошло неплохо. Мы поели, и никто не пытался нас убить.

– Это пока, – заметила Охотница. – Как пойдем к черным монахам, госпожа?

– По реке, – немного подумав, ответила Дверь. – Нам сюда.

* * *

– Ну как он, пришел в себя? – спросил мистер Круп.

Мистер Вандемар ткнул пальцем в распростертое тело маркиза. Тот едва дышал.

– Нет, мистер Круп. Кажется, ему конец.

– Я же предупреждал: осторожнее. Вечно ты ломаешь свои игрушки, – заметил мистер Круп.

Глава XI

– Так чего ты хочешь? – спросил Ричард Охотницу. Они осторожно пробирались вдоль подземной реки по скользкой узкой тропинке между водой и каменной стеной. Ричард с опаской поглядывал на мутный поток, бурливший у самых ног. Чувствовалось, если туда упадешь – уже не выберешься. Такая это была река.

– В смысле? – не поняла Охотница.

– Ну... Я хочу вернуться в настоящий Лондон и снова жить так, как раньше. Дверь хочет узнать, кто убил ее родных. А ты чего хочешь?

Они двигались медленно, внимательно глядя себе под ноги. Охотница молча шла впереди. Течение стало плавным, река вывела их к подземному озеру. Свет фонариков плясал на черной воде, но отражения казались мутными в тумане, повисшем над озером.

– Что тебе нужно? – не отступал Ричард, хотя уже понял, что ответа не получит.

Однако Охотница заговорила – тихо и размеренно, – не сбавляя шаг:

– В Нью-Йорке я сражалась в канализации с королем крокодилов, огромным слепым альбиносом тридцати футов в длину, разжиревшим на отбросах, яростным в битве. И я победила. Его глаза сияли во тьме, как гигантские жемчужины. – Ее странный акцент причудливо звучал во мраке, голос эхом рикошетил от стен, смешивался с туманом. – В Берлине я сражалась с медведем, который жил под землей сотни лет. Он погубил множество людей. Его когти почернели от запекшейся крови. Но я убила и его. Умирая, он говорил человеческим языком. – Туман клубился у самой воды. И в этом тумане Ричарду мерещились чудовища, о которых рассказывала Охотница. – В Калькутте я сражалась с черным тигром размером со слоненка, кровожадным, ловким и храбрым. Это был достойный противник. Но я убила его голыми руками. – Ричард искоса поглядел на Дверь. Девушка слушала внимательно: видимо, она тоже этого не знала. – И я убью Зверя, что живет под Лондоном. Говорят, из его шкуры торчат обломки ножей, мечей и копий тех, кто не смог его победить. Говорят, клыки у него острые, как бритвы, а стук копыт подобен грому. Но я убью его или умру в схватке с ним.

Глаза Охотницы пылали. Туман над озером стал плотным и желтым.

Вдалеке трижды прозвонил колокол – этот звон эхом пронесся над черной водой. Стало светлее. Ричард различил впереди какие-то строения. Желто-зеленый туман становился все гуще и гуще. Он обволакивал фонари, приглушая их свет, и пах пеплом, копотью, сажей – всем, что тысячу лет город выбрасывал в воздух.

– Что это? – спросил Ричард.

– Лондонский смог, – ответила Охотница.

– Но ведь никакого смога давным-давно нет. Закон «О чистом воздухе» и все такое. – Ричарду вспомнились книжки про Шерлока Холмса, которые он читал в детстве. – Как он,

кстати, назывался, этот туман?

– «Гороховый суп», – ответила Дверь. – Лондон ими славился – густыми желтыми туманами, которые поднимались с реки, смешиваясь с сажей и копотью, со всем, что накопилось в воздухе за пятьсот лет. В Верхнем мире таких туманов нет уже лет сорок. А здесь, внизу, иногда появляются их призраки. Мм... пожалуй, не совсем призраки, скорее воспоминания. – Ричард вдохнул желто-зеленый туман и закашлялся. – С тобой все в порядке? – спросила Дверь.

– Да, просто вдохнул туман, – ответил Ричард. Почва под ногами стала еще более скользкой и вязкой. При каждом шаге размокшая глина засасывала ботинки. – Но это ерунда, – продолжал он, чтобы подбодрить себя, – туман еще никого не убил.

Дверь удивленно поглядела на него своими необыкновенными глазами.

– В 1952 году туман убил четыре тысячи человек.

– Здесь? В Нижнем Лондоне?

– Нет, в Верхнем, – ответила Охотница.

Ричард охотно поверил. Он попытался не вдыхать туман, но ничего не вышло: тот становился все гуще. А под ногами было уже настоящее болото.

– Не понимаю, – проговорил Ричард, – почему у вас тут есть смог, когда у нас, наверху, его давно нет?

Дверь потерла переносицу.

– В Лондоне есть такие места, где время застыло, где ничего не меняется. Это как пузырьки воздуха в янтаре. Город существует слишком давно. И время, которое прошло, должно куда-то деваться. Оно не исчезает сразу.

– Возможно, я еще не оправился от похмелья, – пробормотал Ричард, – но в твоих словах есть логика.

* * *

Аббат знал, что сегодня явятся паломники. Это знание приходило к нему во сне, обволакивая его, как вечная темнота. Поэтому весь день он ждал их. Аббат знал, что ожидание – грех. Следует ценить каждое мгновение. А ожидание – это неуважение по отношению к будущему и настоящему одновременно. И все равно он их ждал. Ждал, когда молился, ждал во время скудной монастырской трапезы. Постоянно прислушивался – не зазвонит ли колокол, возвещающий о прибытии паломников и об их числе.

Он надеялся, что на этот раз все кончится смертью. Последний паломник прожил еще год, и весь год не переставая бредил и кричал в бреду. Аббат относился к своей слепоте спокойно, не считал ее *ни злом, ни благом*. Однако он был рад, что не видел лица того несчастного. Брат Джет⁴⁴, ухаживавший за ним, до сих пор просыпается по ночам от собственного крика: ему снится искаженное болью лицо паломника.

Колокол прозвонил ближе к вечеру – трижды. Аббат был в склепе. Он стоял на коленях и размышлял о миссии монахов. Услышав колокольный звон, аббат поднялся, вышел в коридор и стал ждать.

– Отец, – обратился к нему брат Фулиджинос.

– Кто охраняет мост? – спросил аббат. Голос у него был неожиданно глубокий и звучный.

– Сейбл, – услышал он в ответ. Аббат протянул руку, на ощупь нашел локоть монаха, и вместе они медленно пошли по коридорам аббатства.

* * *

⁴⁴ У черных монахов говорящие имена: брат Джет (гагат), брат Фулиджинос (пропитавшийся сажей), брат Сейбл (черный, как соболев).

Озеро осталось позади. В желтом тумане они шли через болото. Под ногами хлопало и чавкало.

– Это омерзительно, – проворчал Ричард. Болотная жижа просачивалась в ботинки, пропитывала носки, скользила между пальцев. Это действительно было омерзительно.

Впереди показался мост, у которого стоял высокий человек в черном плаще доминиканского монаха. Кожа у него была цвета красного дерева. В руке он сжимал боевой шест.

– Стоять! – крикнул он. – Назовите ваше имя и положение.

– Я леди Дверь, – сказала Дверь, – дочь Портико из Дома Арков.

– Я Охотница, – сказала Охотница, – ее телохранитель.

– Я Ричард Мэхью, – сказал Ричард, – весь мокрый.

– И вы хотите пройти?

Ричард шагнул вперед.

– Вообще-то да. Мы пришли за ключом.

Монах молча вскинул боевой шест и неожиданно ткнул Ричарда в грудь. Тот поскользнулся и шлепнулся в жидкую грязь – точнее, в грязную жижу. Монах ожидал, что Ричард вскочит и станет драться, но Ричард не стал.

Это сделала Охотница.

Ричард поднялся и, открыв рот, стал следить за боем. Он никогда прежде не видел, как сражаются шестами. Монах дрался отлично. Он был крупнее Охотницы и, вероятно, сильнее. Но Охотница была более ловкой. В тумане раздавался деревянный стук шестов.

Монах нанес Охотнице неожиданный удар в живот. Она скорчилась и рухнула в грязь. Он подошел к ней – слишком близко, не сразу сообразив, что она притворяется. Одним ловким движением Охотница ударила его шестом под коленями. У монаха подкосились ноги, и он упал лицом вниз. Охотница приставила шест к его шее.

– Довольно! – послышалось с моста.

Охотница отступила и снова встала рядом с Ричардом и Дверью. Она даже не вспотела. Огромный монах медленно поднялся. У него была рассечена губа. Он низко поклонился Охотнице и вернулся к мосту.

– Кто там, брат Сейбл? – спросил голос.

– Леди Дверь, дочь Портико из Дома Арков, Охотница, ее телохранитель, и Ричард Мэхью Весьмокрый, их спутник, – морщась, проговорил брат Сейбл: рассеченная губа болела. – Она победила меня в честном бою, брат Фулиджинос.

– Пусть пройдут.

Охотница повела Ричарда и Дверь на мост. Там их ждал другой монах, брат Фулиджинос, тоже в плаще доминиканца. Он был моложе и не такой огромный, как тот, первый. Кожа у него была темно-коричневая. Вдалеке, сквозь желтый туман, виднелись еще фигуры в черном. «Так это и есть черные монахи!» – догадался Ричард.

Второй монах с минуту смотрел на них, а потом вдруг продекламировал:

Поверну я головку – иди куда хочешь,
А еще поверну – никуда не пойдешь.
У меня нет лица, но я жив до тех пор,
Пока есть бородка. Знаешь ли, кто я?

Дверь шагнула вперед, облизнула засохшие губы и закрыла глаза.

– Поверну я головку... – задумчиво повторила она. – Бородка... иди куда хочешь... – Вдруг она просияла, радостно посмотрела на монаха и воскликнула: – Ключ! Это ключ!

– Ты мудра, – признал брат Фулиджинос. – Два испытания пройдены. Осталось

последнее.

Из желтого тумана выступил древний старик и медленно побрел к ним, держась за перила моста. Остановился рядом с братом Фулиджиносом. У старика были мутные бледно-голубые глаза с желтоватыми от катаракты зрачками. Ричарду он понравился.

– Сколько их? – спросил старик молодого монаха. Его глубокий голос звучал почти ласково.

– Трое, отец аббат.

– И один из них победил первого стража?

– Да, отец.

– А другой отгадал загадку второго стража?

– Да, отец.

– Тогда, – с сожалением проговорил старик, – одному из них придется пройти испытание. Пусть он выйдет вперед.

– О нет! – охнула Дверь.

– Позвольте мне пройти испытание, – вызвалась Охотница.

Брат Фулиджинос покачал головой.

– Это невозможно.

Однажды в детстве Ричард поехал со школьной экскурсией посмотреть местный замок. Вместе с другими детьми он долго взбирался по лестнице на самую высокую полуразрушенную башню. На верхней площадке учительница сказала: «Посмотрите, какой отсюда открывается вид». Ричард уже тогда боялся высоты. Он вцепился в ограждение и прикрыл глаза, стараясь не смотреть вниз. Учительница объяснила, что отсюда до подножия холма, на котором стоит замок, триста футов, и если бросить с верхней площадки монетку в один пенс, она может пробить человеческий череп как настоящая пуля. В ту ночь Ричард долго не мог уснуть. Он все представлял, как монетка падает, набирая скорость, и становится страшнее пули. Обычная безобидная монетка вдруг превращается в смертельное оружие...

Испытание...

Ричард почувствовал себя так, будто ему в голову попала та самая монетка, пущенная с высокой башни.

– Постойте-ка, – забормотал он. – Погодите. Это... э-э... испытание. Я понял, кого-то ждет испытание. Не того, кто дрался с монахом и победил, и не того, кто отгадал загадку... – Он сознавал, как жалко звучит его лепет, но ничего не мог с собой поделать. – Это испытание – какое оно? – спросил он аббата. – Вроде визита к раздражительной престарелой тетушке? Или такое, когда съешь руку в чан с кипятком, и все смотрят, как быстро слезет кожа?

– Идем, – просто сказал аббат.

– Подождите! – закричала Дверь. – Выберите одну из нас!

– Вас трое. И испытаний три. На каждого по одному – это справедливо, – объяснил аббат. – Если он пройдет главное испытание, он к вам вернется.

Поднялся легкий ветерок и чуть-чуть рассеял туман. На мосту стояли монахи с арбалетами в руках. Арбалеты были нацелены на Ричарда, Охотницу и Дверь. Монахи расступились, пропуская Ричарда, и снова сомкнули ряды.

– Мы пришли за ключом, – тихо сообщил Ричард аббату.

– Знаю, – спокойно ответил аббат.

– Ключ нужен ангелу.

– Знаю.

Аббат взял под руку брата Фулиджиноса.

– Послушайте, – зашептал Ричард, – вы же не можете отказать ангелу! Вы ведь монахи... Нельзя ли обойтись без испытания, а? Я не скажу ангелу, что вы просто так отдали ключ.

Они спустились с моста и подошли к воротам. Аббат и брат Фулиджинос вошли внутрь. Ричард последовал за ними. Бывают такие ситуации, когда выбора нет.

– В те дни, когда был основан наш орден, нам доверили ключ, самую священную, самую важную реликвию. Мы должны отдать его тому, кто пройдет испытание и докажет, что достоин ключа.

Они шли по узким петляющим коридорам. Ботинки Ричарда оставляли грязные следы на каменном полу.

– Если я не пройду испытание, вы не отдадите ключ, верно?

– Верно, сын мой.

Ричард с минуту раздумывал.

– А вторая попытка у меня будет?

Брат Фулиджинос поперхнулся.

– Нет, сын мой, – проговорил аббат. – Если ты не пройдешь испытание, ты, скорее всего... – он запнулся, – тебе уже будет не до ключа. Но бояться не надо. Кто знает, может, ты именно тот, кому мы должны отдать ключ.

От этих ободряющих слов Ричарду стало даже страшнее, чем если бы аббат пытался его запугать.

– Вы меня убьете?

Молочно-голубые глаза аббата смотрели вперед. В голосе его послышался укор:

– Мы же благочестивые люди, – сказал он. – Тебя убьет испытание, а не мы.

Они спустились по лестнице в зал, похожий на склеп. По одной из его стен были развешены картины и фотографии.

– Улыбочка! – скомандовал аббат.

Послышался звук вспышки, Ричард на секунду ослеп. Когда зрение к нему вернулось, он увидел, что брат Фулиджинос вытаскивает из старенького «Полароида» снимок. Монах подождал, пока изображение проявится, и пришил снимок к стене.

– Здесь ты видишь тех, кто не сумел пройти испытание, – со вздохом проговорил аббат. – Никто не забыт. Эта память – еще одно наше бремя.

Ричард поглядел на стену. Полароидные снимки, около тридцати обычных фотографий, несколько старых, будто окрашенных сепией даггеротипов, а еще карандашные наброски, акварели, миниатюры заполняли всю стену. Да, с давних пор несут черные монахи свое бремя.

* * *

Дверь трясло от волнения.

– Какая же я дура! – пробормотала она. – Я должна была догадаться. Нас трое. Нужно было заранее все продумать.

Охотница внимательно оглядывала ряды монахов, запоминая, где стоит каждый из них. Она раздумывала, есть ли у них шансы сбежать. Сначала она прикинула, можно ли это сделать так, чтобы Дверь прошла через мост невредимой, потом – если та будет слегка ранена, и наконец, если сама она пострадает серьезно, а Дверь – лишь немного. Ничего не получалось. Она стала просчитывать снова.

– И что бы ты сделала, если бы подумала заранее? – спросила она.

– Для начала, не стала бы брать с собой Ричарда, а отыскала бы маркиза.

Охотница склонила голову набок.

– Ты ему доверяешь? – прямо спросила она. Дверь сразу поняла, что речь идет о маркизе, а не о Ричарде.

– Да. Более или менее.

Два дня назад ей исполнилось пять. Рынок проходил в Кью-Гарденс ⁴⁵. Отец взял ее с

⁴⁵ Кью-Гарденс – королевские ботанические сады, созданные в 1759 г.

собой – это был его подарок на день рождения. Она никогда прежде не бывала на рынке. Они стояли в павильоне с бабочками, такими легкими, невесомыми. Бабочки порхали, и их крылышки переливались всеми цветами радуги, завораживали.

Отец присел перед ней на корточки.

– Дочка, – сказал он, – обернись, только очень медленно, и посмотри, кто стоит в дверях.

Она обернулась и увидела темнокожего человека в огромном плаще. Его длинные черные волосы были собраны в хвост. Он беседовал с близнецами с золотистой кожей: девушкой и юношей. Девушка плакала – так, как плачут взрослые. Они стараются сдержаться и сердятся, когда слезы все равно прорываются, и от этого вид у них уродливый и смешной. Дверь отвернулась и снова посмотрела на бабочек.

– Ты хорошо его рассмотрела? – спросил отец. – Он называет себя маркизом Карабасом. Он обманщик, мошенник, а может, даже чудовище. Но если ты когда-нибудь попадешь в беду, обратись к нему. Он тебя защитит. Он мой должник.

Дверь снова посмотрела на маркиза. Обнимая близнецов за плечи, он выходил с ними из зала. На пороге обернулся, поглядел ей прямо в глаза, ослепил широкой улыбкой и подмигнул.

Окружившие их монахи казались в тумане черными призраками.

– Скажите, брат, – обратилась Дверь к брату Сейблу, – если наш друг не сможет достать ключ, что будет с нами?

Он шагнул к ним и, немного помолчав, ответил:

– Мы проводим вас прочь из наших владений и отпустим.

– А как же Ричард?

Монах покачал головой в капюшоне, решительно и печально.

– Надо было взять маркиза, – сказала Дверь сама себе и задумалась, где он сейчас и чем занят.

* * *

Маркиз Карабас был распят на огромном Х-образном кресте. Крест мистер Вандемар сколотил сам из деревянных поддонов, обломков стульев, створок ворот и колеса от телеги. На это ушла целая коробка ржавых гвоздей. Мистер Круп следил за приготовлениями и давал ценные указания, а в промежутках бродил по больнице в поисках полезных инструментов.

И теперь, взобравшись на приставную лестницу, мистер Вандемар поднимал к потолку всю конструкцию вместе с распятым на ней маркизом.

– Чуть выше, – командовал мистер Круп снизу. – Левее. Вот так. Великолепно. Просто прекрасно.

Они очень давно никого не распинали.

Все это происходило в помещении, когда-то служившем столовой для персонала: руки и ноги маркиза были прибиты к кресту гвоздями, вокруг пояса он был обвязан веревкой. Сам он, судя по всему, был без сознания. Несколько веревок тянулись от креста к потолку, а на полу мистер Круп разложил целую коллекцию разнообразных острых орудий: от бритв и кухонных ножей до скальпелей и ланцетов. Тут были кое-какие инструменты, которые мистер Вандемар нашел в бывшем отделении стоматологии. И даже кочерга из котельной.

– Как он там, мистер Вандемар? – спросил мистер Круп.

Мистер Вандемар на пробу ткнул маркиза молотком.

Маркиза Карабаса трудно было назвать хорошим человеком. Как и смельчаком – он и сам это знал. Ему давно стало ясно, что в этом мире – хоть Нижнем, хоть Верхнем – все только и мечтают быть обманутыми. Именно потому он позаимствовал имя у сказочного плута, выбрал такую одежду, манеру держаться, речь, чтобы все соответствовало образу. Он превратил свою жизнь в одну великолепную шутку.

Тупая боль в запястьях и ступнях изводила. Дышать становилось все труднее. Маркиз

решил, что притворяться дальше бесполезно – он ничего не выиграет, а потому поднял голову и с отвращением плюнул кровавой слюной в лицо мистеру Вандемару.

Это было смело. И глупо. Возможно, если бы не этот плевок, ему бы позволили тихо умереть. Но теперь они возьмутся за него с двойным усердием.

А значит, смерть придет скорее.

* * *

Чайник без крышки кипел. Ричард глядел, как булькает вода, как поднимается густой пар, и раздумывал, к чему все это. Воображение подсказало ему уже несколько ответов – все одинаково неприятные – и ни одного верного.

Кипяток перелили в заварочный чайник. Брат Фулиджинос всыпал туда три ложки заварки. Чай разлили через ситечко по трем фарфоровым чашкам. Аббат поднял к потолку свои невидящие глаза, принялся и довольно улыбнулся.

– Испытание, – проговорил он, – начинается с чашки хорошего чая. Тебе с сахаром?

– Нет, спасибо, – настороженно ответил Ричард.

Брат Фулиджинос долил молока и передал Ричарду чашку на блюдце.

– Там яд? – спросил тот.

– Боже милостивый! Нет, конечно, – обиженно воскликнул аббат.

Ричард отхлебнул из своей чашки. По вкусу это был самый обычный чай.

– Но это уже испытание, так?

Брат Фулиджинос вложил чашку в руки аббата.

– В некотором роде, – ответил старик. – Мы всегда поим чаем тех, кто приходит за ключом. Это испытание для нас. Не для тебя. – Он сделал глоток, и по его морщинистому лицу расплылась блаженная улыбка. – Отличный чай, между прочим.

Ричард отставил чашку. Она осталась почти полной.

– Тогда не могли бы мы перейти к самому испытанию? – попросил он.

– Конечно, – сказал аббат. – Конечно.

Он поднялся, и они втроем подошли к двери в дальнем конце зала.

– А что... – Ричард запнулся. Он и сам не очень-то представлял, что хочет спросить. – Что вы можете сказать про это испытание?

Аббат покачал головой. Что тут говорить? Он приводил тех, кто пришел за ключом, к этой двери. Ждал в коридоре час или два, а потом возвращался и приказывал одному из братьев перенести останки из святилища в склеп. А иногда – и это было намного хуже – человек не был мертв, хотя *живым* его тоже нельзя было назвать. О таких несчастных черные монахи заботились как могли, до самого конца.

– Понятно, – пробормотал Ричард. Потом неестественно улыбнулся и сказал: – Вперед, Макдуф.

Брат Фулиджинос отодвинул засовы. Они прогрохотали, как ружейные выстрелы. Дверь открылась, и Ричард шагнул внутрь. Брат Фулиджинос закрыл за ним дверь и запер засовы. Затем отвел аббата к стулу, усадил и передал старику его чашку чая.

Некоторое время аббат молча прихлебывал чай, а потом проговорил с искренней горечью в голосе:

– Вообще-то следовало сказать: «Начнем, Макдуф»⁴⁶.

Но у меня не хватило духа его поправить. Это был такой милый молодой человек.

Глава XII

Ричард Мэхью шел по платформе одной из станций на линии Дистрикт-лайн. Табличка

⁴⁶ «Макбет», акт 5, сцена 8.

гласила: «Блэкфрайрз». Тут не было ни души. Где-то неподалеку пронесся поезд, и по платформе пролетел ветер, разметав забытый кем-то номер газеты «Сан» – цветной вкладыш и черно-белые страницы посыпались со скамейки на пол и, подхваченные ветром, слетели на рельсы.

Ричард прошел станцию до самого конца, потом сел на скамейку и приготовился ждать. Сейчас наверняка что-нибудь произойдет.

Но ничего не происходило.

Ричард потер лоб. Его подташнивало. Внезапно он услышал чьи-то шаги. Подняв голову, Ричард увидел, как мимо прошла серьезная маленькая девочка, держась за руку матери. Женщина казалась изрядно подросшей копией девочки. Обе посмотрели на Ричарда и демонстративно отвернулись.

– Не подходи к нему, Мелани, – громким шепотом произнесла мать.

Мелани снова пристально посмотрела на Ричарда, как смотрят дети – без тени смущения и совершенно равнодушно. Повернувшись к матери, с любопытством спросила:

– Мам, зачем такие люди живут на свете?

– Потому что им не хватает смелости покончить с этим раз и навсегда, – объяснила мать.

Мелани вновь повернулась к Ричарду.

– Трус, – сказала она.

Вскоре звук их шагов затих в конце платформы – мать и дочь исчезли. Ричард решил, что они ему привиделись. Он попытался припомнить, зачем вообще спустился в метро. Чтобы куда-то поехать? Но куда? Ричард понимал, что на самом деле знает ответ, что если хорошенько подумать, он наверняка все вспомнит, но это ему никак не удавалось. Ответ как будто затерялся в глубинах мозга, и его невозможно было отыскать. Ричард одиноко сидел на скамейке и думал. Может, это ему снится? Он потрогал красное пластиковое сиденье, потопал по платформе измазанными в грязи ботинками (откуда эта грязь?), провел рукой по лицу... Нет. Это не сон. Где бы он ни был, зачем бы сюда ни пришел, это не было сном. Он чувствовал себя очень странно: отстраненно, подавленно. Его охватила небывалая, ни на что не похожая тоска. Внезапно кто-то сел рядом. Ричард не посмотрел на него – даже не повернул головы.

– Привет, – послышался чей-то знакомый голос. – Как дела, Дик? С тобой все в порядке?

Ричард вскинул голову. Губы сами собой растянулись в улыбку. В мозгу, словно молния, сверкнула надежда.

– Это ты, Гарри? – испуганно спросил он. И помолчав, добавил: – Ты меня видишь?

Гарри широко улыбнулся.

– Ты всегда был малость тронутый, – сказал он. – Станный ты парень, Дик, очень странный.

Гарри был в костюме, при галстук. Гладко выбрит, причесан. И Ричард вдруг представил, как выглядит он сам: весь в грязи, небритый, в рваной одежде...

– Гарри, я... я, должно быть, выгляжу неважно. Сейчас я все объясню. – Он немного подумал. – Нет... Не могу. Правда, не могу.

– Ничего, – ободряюще сказал Гарри. Его голос, такой чистый, такой ровный, успокаивал Ричарда. – Мне нужно тебе кое-что сообщить. Только я не знаю, как. Мне немного неловко. – Он помолчал. – Понимаешь, на самом деле меня здесь нет.

– Как это? Вот он ты, – нахмурился Ричард.

Гарри сочувственно покачал головой.

– Нет. Меня здесь нет. Я – это ты. Ты разговариваешь сам с собой.

Ричард решил, что Гарри, как обычно, решил над ним подшутить.

– Сейчас сам увидишь, – сказал Гарри.

Он поднес руки к лицу, прижал ладони к щекам, надавил сильнее и стал как будто что-то лепить из своего лица. Оно вдруг сделалось похоже на ком глины.

– Ну что? Теперь понял? – до боли знакомым голосом спросил незнакомец, который только что был Гарри.

Ричард узнал его. Он видел это лицо каждый день всю свою жизнь. Он брил его каждое утро с тех пор, как окончил школу; он чистил эти зубы, выдавливал прыщи на щеках и иногда мечтал о том, чтобы это лицо было больше похоже на лицо Тома Круза или Джона Леннона или чье-нибудь еще. Это было его лицо.

– Ты сидишь в час пик на станции «Блэкфрайрз», – спокойно сказал двойник Ричарда. – Сидишь и разговариваешь сам с собой. Ты же знаешь, что это значит, когда люди разговаривают сами с собой. Просто сейчас ты начинаешь понимать, в каком ты состоянии.

Грязный, небритый Ричард пристально посмотрел в глаза своему чистенькому, хорошо одетому двойнику и проговорил:

– Не знаю, кто ты и что ты задумал. Но тебе меня не убедить. И, кстати, ты не очень-то на меня похож. – Он врал и прекрасно понимал, что врет.

Двойник ободряюще улыбнулся и покачал головой.

– Я – это ты, Ричард, – сказал он. – Я – то, что осталось от твоего разума...

Это был не тот голос, который Ричард сто раз слышал на автоответчике, на своих аудиозаписях, на видео; нет, то была всего лишь пародия на его голос. А у этого двойника был настоящий голос Ричарда, голос, который звучал у него в голове, его подлинный голос.

– Приди в себя! – воскликнул двойник. – Оглянись! Здесь полно людей. Попробуй наконец понять, что с тобой происходит... Ты целую неделю провел будто в тумане, настала пора взглянуть правде в глаза...

– Что за чушь! – отчаянно крикнул Ричард и помотал головой, отвергая то, что говорил двойник. Потом осмотрелся, пытаясь различить на пустой станции людей. Вдалеке что-то мелькнуло. Ричард пригляделся, но там уже ничего не было.

– Смотри, – прошептал двойник. – Сейчас ты все увидишь.

– Что увижу? – Ричард стоял на пустой, слабо освещенной станции метро, в каменном мавзолее. И вдруг...

Внезапный шум оглушил его, свет ударил в глаза. Он стоял на станции «Блэкфрайрз» в час пик. Вокруг сновали люди, толпа незнакомых людей, они отпихивали друг друга, кричали, спешили куда-то. У края платформы застыл поезд, и Ричард увидел свое отражение в одном из окон. Он выглядел ужасно: недельная щетина, в ней и в уголках рта застряли остатки еды, синяк под глазом, красный, воспаленный прыщ на носу; вся одежда грязная, в корке засохшего ила, почерневшие от грязи ногти; красные, мутные глаза, спутанные волосы. Сумасшедший бомж посреди станции метро в час пик.

Ричард закрыл лицо руками.

Когда он снова посмотрел на платформу, люди исчезли. Он был один посреди пустой темной станции. Ричард сел на скамейку и закрыл глаза. Кто-то взял его за руку, сжал пальцы. Это была женщина – до него донесся запах духов.

Двойник Ричарда сидел слева, а Джессика – справа. Она держала Ричарда за руку и смотрела на него с состраданием. Никогда прежде она так на него не смотрела.

– Джесс? – прошептал он.

Джессика покачала головой и отпустила его руку.

– Нет, я не Джесс, – ответила она. – Я тоже ты. Выслушай меня, любимый. Ты почти пришел в себя. Твой разум долго витал неизвестно где, но сейчас...

– Вы все время говорите, что я почти пришел в себя, что пора взглянуть правде в глаза. Но я не знаю, что вам... – Внезапно он нащупал какие-то обрывки воспоминаний и замолчал. Посмотрел на двойника, на девушку, которую когда-то любил.

– Это, что, как-то связано с испытанием? – спросил он.

– Испытанием? – удивилась Джессика и, нахмурившись, обменялась взглядом с тем-Ричардом-который-не-был-Ричардом.

– С испытанием, которое я должен пройти. Если пройду – черные монахи отдадут мне ключ. Они живут под Лондоном, эти монахи, – объяснил Ричард и с облегчением подумал,

что наконец-то все проясняется. – А потом я должен отнести ключ ангелу по имени Ислингтон. Тогда он поможет мне вернуться домой... – У него пересохло во рту, и он снова замолчал.

– Ты хоть послушай, что говоришь, – тихо сказал двойник. – Это же настоящее безумие!

Казалось, Джессика с трудом сдерживает слезы. Глаза у нее блестели.

– Ричард, нет никакого испытания. У тебя просто... у тебя был нервный срыв. Пару недель назад. Видимо, ты не смог справиться со стрессом. И я разорвала нашу помолвку. Ты так странно вел себя в последнее время, как будто это был не ты. Я просто не вынесла этого... А потом ты пропал... – По ее щекам потекли слезы, она замолчала, вынула из кармана платок и высморкалась.

Двойник сказал:

– Я бродил по улицам Лондона, одинокий, обезумевший, всеми покинутый. Спал под мостом, питался объедками из мусорных баков. Дрожал от холода один-одинешенек. Что-то бормотал себе под нос, разговаривал с людьми, которых на самом деле не существует...

– Прости меня, Ричард, – сказала Джессика.

Она плакала. Лицо у нее исказилось. Она выглядела совсем не такой красивой, как раньше. Тушь потекла, нос покраснел. Ричард никогда не видел, чтобы ей было так плохо, и ему вдруг захотелось утешить ее, сделать так, чтобы ей стало легче. Он потянулся к ней, собираясь ее обнять, успокоить, поддержать, но тут все закружилось, распалось на фрагменты и исчезло...

Кто-то споткнулся об него и, выругавшись, поспешил дальше. Ричард лежал на животе на платформе в час пик. Одна его щека была мокрой и липкой. Он приподнял голову и понял, что лежит в луже собственной блевотины (по крайней мере, он надеялся, что она была его собственной). Люди смотрели на него с отвращением и тут же отводили взгляд.

Ричард вытер лицо руками и попытался подняться, но не смог. Застонал и крепко зажмурился. Когда он открыл глаза – через тридцать секунд, через час, а может, через день, – на станции снова было темно. Он встал. Люди исчезли.

– Эй! – позвал он. – Помогите! Пожалуйста!

На скамейке сидел Гарри и смотрел на Ричарда.

– Неужели ты сам не можешь понять, что нужно сделать? – Гарри встал и подошел к нему. – Ричард, – сурово сказал он, – я – это ты. И то, что я тебе могу посоветовать, ты и сам отлично знаешь. Или ты боишься послушаться самого себя?

– Ты не я, – сказал Ричард, но уже не так уверенно.

– Дотронься до меня, – предложил Гарри.

Ричард протянул руку. Она прошла сквозь лицо Гарри, как сквозь теплую жвачку. Ричард не ощутил никакого сопротивления. Он вытащил руку из его лица.

– Видишь? – спросил Гарри. – Меня нет. Ты здесь один. Ходишь взад-вперед по платформе, болтаешь сам с собой, пытаешься набраться смелости, чтобы...

Ричард хотел промолчать, но внезапно почувствовал, как его рот открылся, и услышал свой голос:

– Набраться смелости для чего?

Тут из динамиков послышался голос и эхом разнесся по платформе: «Уважаемые пассажиры, приносим вам извинения за вынужденную задержку в связи с несчастным случаем на станции “Блэкфрайрз”».

– Вот для этого, – ответил Гарри, склонив голову на бок. – Чтобы стать причиной этой вынужденной задержки. Покончить со всем раз и навсегда. Ричард, подумай о своей скучной, однообразной жизни. Это не жизнь, а грубая подделка, – ни любви, ни радости, ни счастья. У тебя даже друзей нет.

– У меня есть ты, – прошептал Ричард.

Гарри удивленно посмотрел на него.

– Я всегда считал тебя полным придурком, – признался он. – Настоящим кретином.

– У меня есть Дверь, Охотница, Анестезия.

Гарри улыбнулся. В его улыбке застыла жалость, и от этого Ричарду стало еще больнее. Уж лучше бы в ней были ненависть и презрение.

– Никак не можешь забыть своих воображаемых друзей? Знаешь, мы всем офисом хохотали над тобой из-за тех троллей. Помнишь? Ты расставлял их у себя на столе. – Гарри засмеялся, и Ричард тоже.

Все это было ужасно. Так ужасно, что оставалось только смеяться. Отсмеявшись, Ричард замолчал. Гарри сунул руку в карман и достал маленького пластмассового тролля с кудрявыми фиолетовыми волосами. Когда-то он стоял у Ричарда на мониторе.

– Держи, – сказал Гарри и бросил его Ричарду. Тот хотел поймать, протянул руки, но тролль пролетел мимо и упал на платформу. Ричард встал на колени и принялся ползать по полу, пытаясь отыскать тролля. Ему вдруг показалось, что этот тролль – единственное, что осталось от настоящей жизни, и если удастся его найти, можно все вернуть...

Вспышка.

Снова час пик. Поезд изрыгнул на платформу сотни пассажиров и теперь ждал, когда другие сотни войдут в вагоны. Ричард по-прежнему стоял на коленях, его толкали сновавшие туда-сюда люди. Кто-то наступил ему на пальцы. Ричард вскрикнул и инстинктивно сунул руку в рот, как ребенок, который обжегся. От руки страшно воняло. Но ему было наплевать: он наконец-то разглядел тролля на самом краю платформы, всего в десяти футах от себя, и теперь медленно полз туда на четвереньках, продираясь сквозь толпу. Люди ругались, спотыкаясь об Ричарда. Он и представить не мог, что какие-то десять футов могут показаться такими бесконечными.

Внезапно он услышал омерзительное хихиканье и задумался, не переставая ползти, кто бы это мог быть. Наверное, сумасшедший, – нормальный человек не может так хихикать. Ричард сглотнул, и хихиканье стихло. И тут он понял, кто этот безумец.

Он уже почти дополз до края платформы. Но какая-то старушка подошла к дверям вагона и, входя, случайно задела пластмассового тролля. Тот сорвался вниз, в темноту, в узкую щель между платформой и вагоном.

– Только не это, – прошептал Ричард.

Он все еще хихикал, как безумный, у него выступили слезы, потекли по щекам. Он потерял глаза, и их защипало еще сильнее.

Вспышка.

На станции снова было пусто и темно. Он встал и, пошатываясь, дошел наконец до края платформы. Там, внизу, возле третьего рельса, лежал тролль. Ричард различил смутные очертания крошечной фигурки с фиолетовыми волосами. Он поднял голову – на стене напротив висели огромные плакаты. Привычная реклама. Кредитные карточки, кроссовки, отдых на Кипре. Ричард попытался прочесть, что там написано, но внезапно слова стали меняться прямо у него на глазах.

Вместо рекламных слоганов он увидел слова:

ПОКОНЧИ С ЭТИМ!

ОСТАВЬ ВСЕ МУЧЕНИЯ ПОЗАДИ!

БУДЬ МУЖЧИНОЙ – СДЕЛАЙ ЭТО!

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ – ТО, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО!

Ричард кивнул. Он разговаривает сам с собой. На плакатах все та же реклама. Да, он просто разговаривает сам с собой. И на этот раз пора с собой согласиться. Он услышал гул поезда, который мчался к станции. Ричард стоял на краю платформы, сжав зубы и качаясь взад-вперед, как будто его все еще толкали пассажиры, хотя на станции было пусто.

Поезд приближался, фары светились в темноте туннеля как огромные глаза дракона из детских кошмаров. И Ричард вдруг понял, как мало надо для того, чтобы наконец избавиться от страданий, – от всех страданий, которые у него когда-либо были и которые еще будут, –

как просто избавиться от них раз и навсегда. Он сунул руки в карманы и глубоко вздохнул. Это так просто. Один прыжок – и все, конец.

Внезапно он нащупал что-то в одном из карманов. Что-то гладкое, твердое, круглое. Он вытащил руку из кармана, разжал ладонь – на ней лежала кварцевая бусина. Ричард вспомнил, откуда она взялась: он поднял ее у того страшного моста. Это все, что осталось от бус Анестезии.

И тут он явственно услышал голос маленькой крыситки:

– Держись, Ричард!

То ли померещилось, то ли девушка и в самом деле решила ему помочь. Скорее всего, он опять разговаривал сам с собой. Он сам пытался себе помочь и наконец-то к себе прислушался.

Кивнув, Ричард сунул бусину обратно в карман, выпрямился и стал ждать, когда поезд подойдет к платформе. Вот состав въехал на станцию, затормозил, остановился.

Двери открылись. В вагоне было полным-полно народу, и Ричард увидел, что все эти люди мертвы. Были здесь и недавно умершие – со свежими ранами на шее или черными дырами от пуль в висках. Были и старые, полуразложившиеся трупы. Некоторые стояли, держась костлявыми руками, покрытыми паутиной, за ремни на поручне, другие, похожие на больных раком, сидели на сиденьях – мужчины и женщины. Он понял, что все эти люди покончили с собой. Он уже видел некоторые из этих лиц, – кажется, на снимках, припиленных к стене, но что то была за стена и когда он их видел, никак не мог вспомнить. В вагоне воняло, как в морге, в котором из-за сильной жары сломались холодильные установки.

Ричард окончательно запутался, он больше не понимал, кто он, что правда, а что нет, струсил ли он или поступил очень смело, нормален он или вконец обезумел, – зато он точно знал, что должен сделать. Он вошел в вагон, и свет потух.

* * *

Снова загрохотали засовы. Крохотная дверь открылась, и святилище наполнил тусклый свет лампы.

Это была маленькая комнатка с высоким сводчатым потолком, с которого на нитке свисал серебряный ключ. В открытую дверь ворвался ветер, и ключ закачался, а потом начал крутиться то в одну сторону, то в другую. Взяв аббата под руку, брат Фулиджинос завел его в святилище. Аббат отпустил Фулиджиноса и проговорил:

– Забери тело, брат Фулиджинос.

– Но... Но, святой отец...

– Что?

Брат Фулиджинос встал на одно колено. Аббат услышал, как он водит руками по одежде и коже Ричарда.

– Он еще жив.

Аббат вздохнул. Он знал, что думать так непозволительно, но... Лучше бы он умер. Теперь этого несчастного ждут бесконечные муки.

– Значит, не умер, – сказал аббат. – Что ж, мы будем заботиться о бедняге, пока Господь не призовет его. Отнеси его в лечебницу.

И тут раздался тихий, но твердый голос:

– Я не бедняга.

Аббат услышал, как кто-то встал, брат Фулиджинос ахнул.

– Я... кажется, я прошел испытание, – неуверенно проговорил Ричард Мэхью. – Если, конечно, оно уже закончилось.

– Закончилось, сын мой, – отозвался аббат. И в голосе его чувствовалась то ли радость, то ли печаль.

Все немного помолчали. Потом Ричард сказал:

– Я бы... если вы не против... я бы допил свой чай.

– Конечно, – сказал аббат, – идем.

Ричард посмотрел на старика. Слепые глаза смотрели в пустоту. Кажется, он был рад, что Ричард прошел испытание, но все же...

– Простите, сэр, – с почтением обратился к Ричарду брат Фулиджинос, прервав его раздумья, – вы забыли про ключ.

– Ой! Да, спасибо! – Он действительно забыл про него.

Ричард схватил серебряный ключ, медленно вращавшийся на нитке, дернул, и нитка тут же порвалась.

Раскрыв ладонь, Ричард посмотрел на ключ.

– «У меня нет лица... – проговорил он, вспомнив загадку, – знаешь ли, кто я?»

Он положил ключ в карман, тот же, где лежала кварцевая бусинка, и вместе с аббатом и братом Фулиджиносом вышел из святилища.

* * *

Туман рассеивался. Охотница была несказанно этому рада. Теперь она точно знала, что в случае чего они смогут сбежать от черных монахов, причем она сама будет ранена легко, а Дверь останется целой и невредимой.

На другом конце моста произошло какое-то движение, будто монахи кого-то пропускали.

– Что-то происходит, – шепнула Охотница Двери. – Приготовься. Если что, попробуем убежать.

Монахи расступились. На мост вышел Ричард Мэхью из Верхнего Лондона в сопровождении слепого аббата. Ричард выглядел как-то странно... Охотница пристально посмотрела на него, пытаясь понять, что изменилось. Как будто центр тяжести сместился ниже. Нет, не в том дело... Он стал похож на настоящего мужчину. Кажется, он наконец-то повзрослел.

– Ну что, жив? – спросила Охотница.

Кивнув, он сунул руку в карман, вытащил серебряный ключ и бросил его Двери. Она поймала ключ и, кинувшись к Ричарду, обняла его и крепко прижала к себе.

Потом, отпустив Ричарда, она подскочила к аббату.

– Вы себе не представляете, как это важно, – сказала она ему.

Он улыбнулся усталой доброй улыбкой.

– Да пребудут с вами Темпл и Арка в вашем нелегком пути по Нижнему миру, – проговорил он.

Дверь присела в реверансе, потом, крепко сжимая ключ в руке, вернулась к Ричарду и Охотнице, и все трое пошли прочь. Монахи стояли на мосту и смотрели им вслед, пока они не скрылись в желтом тумане подземного мира.

– Мы отдали ключ, – проговорил аббат то ли самому себе, то ли остальным черным монахам. – Спаси нас, Господи!

Глава XIII

Ангелу Ислингтону снился мрачный, тревожный сон. Огромные волны одна за другой обрушивались на город. Темное небо прочерчивали молнии. Лил дождь. Город содрогался под натиском волн. Возле древнего амфитеатра разгорелся пожар и постепенно распространился на окрестные здания, – ветер переносил пламя с крыши на крышу, и вскоре уже весь город пылал, как факел. Ислингтон парил над городом – так, как люди иногда летают во сне, так, как он сам мог свободно летать много-много лет назад. Он смотрел сверху на высокие здания, некоторые были высотой несколько сотен футов, но они казались крошечными по сравнению с гигантскими волнами Атлантики. До Ислингтона доносились

людские крики. В Атлантиде было больше четырех миллионов человек, и во сне Ислингтон отчетливо слышал голос каждого. Они кричали, задыхаясь от дыма, захлебываясь соленой водой, сгорая заживо. А потом гигантские волны поглотили город, и океан успокоился.

К рассвету от города не осталось и следа. Голубые волны плескались там, где когда-то был остров в два раза больше современной Греции. Атлантида исчезла. Лишь тела ее жителей – мужчин, женщин, детей – какое-то время колыхались на волнах. Но белые с серыми крыльями чайки уже начали их клевать.

Ислингтон проснулся. Он стоял в восьмиугольнике, вершины которого образовывали стальные колонны, перед огромной черной дверью из камня и потемневшего от времени серебра. Он потрогал твердый, холодный камень. Коснулся стола. Провел рукой по стене. Потом прошел по залу, касаясь разных предметов, словно пытаясь убедить себя в том, что он существует, что он еще здесь. Ислингтон уже не раз ходил так по залу, и за многие сотни лет его босые ноги протоптали в каменном полу дорожку. Добравшись до бассейна, он остановился, встал на колени и опустил ладони в холодную воду.

По поверхности пробежала рябь, круги разошлись от кончиков его пальцев к краям бассейна. Отражение ангела и свечей дрогнуло и исчезло. В воде отражался какой-то подвал. Ангел нахмурился. Где-то вдалеке зазвонил телефон.

Мистер Круп подошел к телефону и снял трубку. Он был страшно доволен собой.

– Круп и Вандемар к вашим услугам, – объявил он. – У вас появился враг? Мы с радостью вырвем ему глаза, сломаем нос,отрежем язык, раздробим череп, перережем глотку.

– Мистер Круп, – сказал ангел, – они достали ключ. Проследите, чтобы девушка по имени Дверь добралась до меня целой и невредимой.

– Целой и невредимой? – разочарованно протянул мистер Круп. – Понятно. Хорошо, проследим. Отличная идея. Удивительно оригинальная. Прямо дух захватывает от такой оригинальности. Обычно люди нанимают убийц, чтобы расправиться с теми, кто им не угоден, – чтобы кого-нибудь зарезать, задушить, застрелить в конце концов! Только вы, сэр, нанимаете двух профессиональных, непревзойденных в своем мастерстве душегубов для того, чтобы они доставили вам какую-то девчонку целой и невредимой!

– Проследите, чтобы она благополучно добралась до меня, мистер Круп. Устраните любую опасность, которая может ей угрожать. Если вы ее тронете, я буду очень огорчен. Вы меня поняли? Страшно огорчен!

– Да.

Мистер Круп переступил с ноги на ногу.

– Ничего не хотите мне сообщить? – спросил Ислингтон.

– Хотим, сэр, – мистер Круп кашлянул в кулак. – Вы помните маркиза Карабаса?

– Разумеется, помню.

– Правильно ли я понимаю, что ваш приказ не касается маркиза? Он вам не нужен «целым и невредимым», или я заблуждаюсь?

– Нет, не заблуждаюсь, – отозвался ангел. – Охранять нужно только девчонку.

С этими словами он вытащил руки из воды. Теперь в бассейне снова отражались свечи и лицо ангела – невероятной, совершенной красоты. Ангел Ислингтон поднялся и пошел в глубь зала. Гости вот-вот придут, надо лишь немного подождать.

* * *

– Что он сказал? – спросил мистер Вандемар.

– Он сказал, мистер Вандемар, что мы можем делать с маркизом все, что пожелаем.

Вандемар кивнул, но решил на всякий случай уточнить:

– Значит, мы можем его спокойно убить?

– Да, мистер Вандемар, вы правильно поняли. Именно так.

– Вот и хорошо, мистер Круп. Не люблю, когда нас ругают. – Он посмотрел на окровавленный труп, висевший у него над головой. – Надо избавиться от тела.

* * *

Одно колесо у тележки из супермаркета скрипело. Тележку все время уводило влево. Мистер Вандемар нашел ее на газоне между двумя дорожками неподалеку от больницы. Увидев тележку, он решил, что она как нельзя лучше подходит для перевозки трупов. Конечно, можно было просто взвалить тело на плечо, но тогда он запачкает костюм. А костюм у него всего один. Поэтому он положил тело маркиза Карабаса в тележку и покатил ее по каменному туннелю канализации. Тележка противно скрипела, и ее то и дело вело влево. Мистер Вандемар с удовольствием вручил бы ее мистеру Крупу, но мистер Круп был занят. Он разговаривал.

– Разумеется, невозможно выразить словами ту радость, то бескрайнее счастье, тот, не побоюсь этого слова, экстаз, что переполняет все мое существо. Неудивительно, что в такие минуты, мистер Вандемар, я не могу ни ворчать, ни злиться, ни жаловаться на судьбу. Подумать только, нам наконец-то разрешили сделать то, в чем мы так преуспели за нашу невероятно долгую жизнь...

Мистер Вандемар свернул за угол, что было не так-то просто, учитывая непослушную тележку с тяжелым трупом.

– В смысле кого-то убить? – спросил он.

Мистер Круп радостно улыбнулся.

– Да-да, вы правы, мистер Вандемар, мой благородный и смелый друг, – убить. Однако вы наверняка почувствовали в моем коротком монологе неумолимое «но». Как бы я ни радовался, как бы ни сиял от счастья, это «но» неизбежно скрывается за моим ликованием, отравляя столь чудесные минуты. Маленькое, гадкое «но» – оно прилипло ко мне, как к ботинку прилипает кусочек сырой печенки. И вы наверняка говорите себе: «Что-то тревожит мистера Крупа. Надо заставить его облегчить душу».

Мистер Вандемар глубоко задумался, навалился на круглую железную дверь, которая вела в другую часть канализации, толкнул ее и – когда дверь подалась – переступил через порог, втащив за собой тележку с трупом маркиза. Он еще немного подумал и пришел к выводу, что ничего такого за собой не замечал.

– Нет, я ничего такого не говорю, – честно сказал он.

Но мистер Круп не обратил никакого внимания на его слова.

– ...И, если бы я все же решился рассказать, – продолжал он, – что тревожит меня в столь радостную минуту, мистер Вандемар, вы бы поняли, насколько меня раздражает тот факт, что никто не узнает о нашем благородном деянии. Нам надо было бы повесить тело маркиза на самой высокой виселице в Нижнем Лондоне. А не выбрасывать его в сточные воды, словно... – Он замолчал, подыскивая достойное сравнение.

– Крысу? – предположил Вандемар. – Попугая? Селезенку?

Тележка продолжала свою скрипучую песню.

Мистеру Крупу не понравилось ни одно из сравнений.

– Что ж, мы пришли, – сказал он.

Они оказались на берегу небольшой реки. Грязные коричневые воды уносили прочь использованные презервативы и обрывки туалетной бумаги. По поверхности плавали хлопья желтой пены. Вандемар остановил тележку. Круп нагнулся, схватил маркиза за волосы, приподнял его голову и прошептал в самое ухо:

– Чем скорее мы покончим со всем этим, тем лучше. В другое время, в другом месте наверняка найдется человек, способный по-настоящему оценить наше непревзойденное мастерство.

Потом он отпустил маркиза и выпрямился:

– До свиданья, славный маркиз. Не забывайте о нас, куда бы вас ни занесло.

Мистер Вандемар вывалил в коричневую воду тело маркиза Карабаса, а следом швырнул и тележку, которая ему страшно надоела. Он долго провожал ее взглядом, пока она

не скрылась из виду.

Мистер Круп поднял фонарь высоко над головой, осветив кирпичный свод.

– Как жаль, мистер Вандемар, что люди, которые ходят по улицам там, наверху, никогда не увидят эту древнюю кладку, никогда не смогут оценить всю красоту этих кирпичных сводов у них под ногами.

– Здесь поработал настоящий мастер, – согласился мистер Вандемар.

Они повернулись и пошли по туннелю назад.

– Города, мистер Вандемар, очень похожи на людей, – торжественно объявил мистер Круп. – Мало кто знает, что таится глубоко внутри.

* * *

Дверь отыскала в одном из карманов своей огромной кожаной куртки шнурок и повесила ключ себе на шею.

– Потеряешь, – предупредил Ричард.

Девушка поморщилась.

– Честно, – сказал Ричард. – Шнурок порвется, и ключ упадет.

Дверь пожала плечами.

– Ладно. Когда придем на рынок, я найду себе цепочку.

Они шли по лабиринту пещер и туннелей из известняка, который казался Ричарду невероятно старым, почти доисторическим.

Ричард усмехнулся.

– Что тебя насмешило? – спросила Дверь.

Он улыбнулся в ответ.

– Я представил себе лицо маркиза, когда мы расскажем ему, что сумели добыть ключ без его помощи.

– Уверена, он наверняка отпустит какое-нибудь саркастическое замечание, – отозвалась Дверь. – После рынка пойдем к ангелу. «Длинным и опасным путем». Что бы это ни значило.

Ричард хотел сказать: «Уверен, он будет действительно длинным и страшно опасным», но сдержался. Он стал рассматривать удивительные рисунки на стенах. Кто-то нарисовал красно-коричневой и грязно-желтой краской диких кабанов, удирающих от них газелей, мамонтов с густой шерстью и гигантских ленивцев. Ричард решил, что этим рисункам несколько тысяч лет, но когда свернул за угол, увидел нарисованные точно такими же красками грузовики, домашних кошек, машины и – очень грубо, будто художник видел их только издали, – самолеты.

Все эти рисунки располагались на стенах довольно низко, почти у самой земли. «Может, их создали подземные пигмеи-неандертальцы? – подумал Ричард. – А что, очень может быть. В Нижнем Лондоне все возможно».

– А где в этот раз будет рынок? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответила Дверь. – Ты не знаешь, Охотница?

Охотница выступила из тени.

– Нет, не знаю.

Внезапно мимо промчался ребенок. Через пару минут за ним пробежали еще несколько детей. Охотница быстро ухватила одного из них за ухо. Это оказался маленький мальчик.

– Ай-ай-ай! – завопил он. – Пусти! Она украла мою кисточку!

– Да! – сказал один из его приятелей. – Взяла и украла!

– Ничего я не крада! – послышался высокий детский голосок.

Указав на рисунки на стене, Охотница спросила:

– Это ты нарисовал?

Мальчик прищурился и высокомерно посмотрел на нее – так смотрят некоторые великие художники и все без исключения девятилетние мальчики.

– Да, некоторые нарисовал я, – нахально заявил он.

– Неплохо получилось, – заметила Охотница.

Мальчик сердито на нее посмотрел.

– Где будет Плавающий рынок? – спросила Дверь.

– В «Белфасте», – ответил мальчишка. – Сегодня ночью.

– Спасибо, – сказала Дверь. – Надеюсь, тебе удастся получить свою кисточку обратно.

Охотница,пусти его.

Охотница послушно отпустила мальчугана. Но вместо того чтобы убежать, он пристально посмотрел на нее, скорчил рожицу, пытаясь показать, что ему вообще-то наплевать, кто она, и спросил:

– Значит, ты – *Охотница* ?

Она смущенно улыбнулась малышу. Он фыркнул.

– Ты – *лучший* телохранитель в Нижнем Лондоне?

– Говорят, что да.

Мальчик сунул руку в карман, а потом резко выбросил ее вперед, разжал кулак, недоуменно посмотрел на ладонь и поднял глаза на Охотницу. Отведя руку так, чтобы мальчишка не мог достать, Охотница показала ему перочинный ножик. Малыш насупился.

– Как это у тебя получилось?

– Проваливай, – сказала Охотница и, сложив ножик, бросила мальчику.

Он поймал его и тут же помчался прочь, надеясь догнать девочку, которая стащила его кисточку.

* * *

Тело маркиза Карабаса плыло по канализационной трубе на восток.

Когда-то ручьи и реки, забранные потом в трубы, свободно текли по Лондону – с севера на юг (а к югу от Темзы – с юга на север), – регулярно снабжая Темзу мусором, трупами домашних животных, а также содержимым ночных горшков. Большую часть нечистот Темза исправно выплескивала в море, но кое-что оставляла себе. Эта замечательная система существовала довольно долго, пока наконец в 1858 году, из-за невероятно жаркого лета и огромного количества отходов, сбрасываемых в реку людьми и заводами, не породила удивительный феномен, вошедший в историю Великобритании под названием «Великий смрад». Темза вся превратилась в канализацию. Многие уехали из Лондона, а те, кто остался, обматывали лица шарфами, смоченными карболкой, и старались дышать только через рот. В тот год парламент закрыл сессию раньше обычного, а на следующий год принял указ о строительстве канализации. Под землей были проложены тысячи миль труб, под небольшим уклоном с запада на восток. Где-то за Гринвичем коллектор выходил в устье Темзы – и все отходы попадали прямоком в Северное море. Именно этот путь и предстояло преодолеть телу маркиза Карабаса – с запада на восток, навстречу восходу солнца и холодным морским водам.

На высоком кирпичном уступе сидели крысы. Они занимались тем, чем обычно занимаются крысы, когда их никто не видит. Внезапно они увидели, как что-то плывет под ними в мутном потоке. Крыса покрупнее – черный самец – запищала. Пропищав что-то в ответ, небольшая коричневая самка прыгнула маркизу на спину – он плыл вниз лицом, – быстро перебралась на шею, понюхала волосы и плащ, лизнула кровь, а потом осторожно свесилась к воде, пытаясь рассмотреть лицо.

Ловко прыгнув в мутную воду, крыса доплыла до берега, взобралась по старой, выщербленной кладке и побежала по балке назад, к своим сородичам.

* * *

– В Белфасте? – спросил Ричард.

Загадочно улыбнувшись, Дверь ответила лишь:

– Увидишь.
Несмотря на все уговоры, она отказалась что-либо объяснить.
Тогда он решил сменить тактику.
– Откуда ты знаешь, что мальчишка нам не соврал насчет рынка? – спросил он.
– О таком не врут. Мне кажется... мы вообще *не можем* врать об этом, – Дверь немного помолчала. – Рынок – это нечто особенное.
– А откуда малыш узнал, где он будет?
– Кто-то ему сказал, – ответила Охотница.
Ричард помолчал немного и спросил:
– А этот кто-то откуда узнал?
– Кто-то сказал ему, – ответила Дверь.
– Но... – Ричард задумался о том, кто же изначально выбирает место будущего рынка и как сообщает об этом жителям Нижнего Лондона. «Как бы так спросить, чтобы они не решили, что я полный придурок?» – подумал он.
Внезапно послышался бархатистый женский голос.
– Проссссстите... Вы не подскажете, когда будет рынок?
Из темноты выступила девушка – необычайно бледная, с черными волосами, в черном бархатном платье. На тонких пальцах поблескивали серебряные кольца. Взглянув на нее, Ричард понял, что где-то ее уже видел. Он задумался, пытаясь вспомнить. Ну да, конечно, – на первом рынке! На том, который проходил в «Хэрродс». Она улыбнулась ему из толпы.
– Он будет сегодня вечером, – ответила Охотница. – В «Белфасте».
– Спасибо, – поблагодарила девушка в черном.
Ричард заметил, какие удивительные у нее глаза. Цвета фиалки.
– Встретимся на рынке, – сказала женщина и пристально посмотрела на Ричарда, но тут же смущенно отвернулась, шагнула назад и словно растворилась в темноте.
– Кто это? – спросил Ричард.
– Они называют себя детьми ночи, – ответила Дверь. – Днем спят в туннелях, а ночью бродят по Верхнему Лондону.
– Они опасны?
– Здесь все опасны, – сказала Охотница.
– Ну ладно, – Ричард вздохнул. – Вернемся к рынку. Кто решает, где и когда будет рынок? И как изначально люди узнают об этом?
Охотница пожала плечами.
Ричард повернулся к Двери:
– Ты тоже не знаешь?
– Я никогда об этом не думала.
Они свернули за угол, и Дверь направила на стену фонарь.
– Какой молодец! – заметила она.
– Вот уж кто не теряет времени даром, – отозвалась Охотница.
Она коснулась рисунка на стене. Краска еще не успела высохнуть. На рисунке были изображены Охотница, Дверь и Ричард. Причем в довольно неприглядном виде.

* * *

Черная крыса с почтением приблизилась к логову золотых крыс, опустив голову и прижав уши, и поползла вперед, громко пища.

Золотые крысы устроили себе логово в старых костях. Это были кости огромного мамонта – одного из тех гигантских, покрытых густой шерстью животных, которые много лет назад, в ледниковый период, бродили по заснеженным просторам южной Англии. «Ишь какие, считают себя тут хозяевами!», – презрительно думали про мамонтов золотые крысы. Впрочем, конкретно этот мамонт уже давно не считал себя хозяином: золотые крысы достаточно убедительно это ему доказали.

Возле горы костей черная крыса почтительно поклонилась, потом легла на спину, подставив горло, закрыла глаза и стала ждать. Через пару минут сверху донесся громкий писк, и крыса поняла, что можно встать.

Из черепа, лежавшего на самом верху, выбралась одна из золотых и медленно поползла по массивному бивню. Это была крупная – размером с кошку – крыса с золотистым мехом и красновато-желтыми глазками.

Черная крыса что-то пропищала. Немного подумав, золотая запищала в ответ. Черная снова легла кверху пузом, потом вскочила и пулей помчалась прочь.

* * *

Конечно, люди жили в канализации и до «Великого смрада» – в том коллекторе, который построили при Елизавете, в эпоху Реставрации, в период Регентства. По мере того как рос Лондон, нечистот становилось все больше, и лондонские реки стали постепенно забирать в трубы. Однако лишь после «Великого смрада» – после того как построили целую сеть новых коллекторов и очистили Темзу, – многие нищие перебрались в канализацию и образовали здесь общину. Их можно было встретить повсюду, в любом туннеле, однако жили они в старых кирпичных коллекторах с высокими сводами, похожими на своды собора. Эти коллекторы находились на востоке. Жители канализации часами сидели на берегу грязного потока, с удочками и сетями в руках, неотрывно вглядываясь в коричневую воду с хлопьями желтой пены.

Они носили лохмотья коричневатого-зеленого цвета, покрытые толстым слоем непонятно чего – возможно, плесенью или масляной пленкой бензина, хотя это вполне могло оказаться и чем-нибудь похуже. У них были длинные нечесанные волосы. От жителей канализации ужасно воняло. В тоннеле были развешены корабельные фонари. Никто не знал, чем их здесь принято заправлять. Но это был точно не керосин. Фонари светились призрачным зеленовато-синим светом.

Неизвестно, как эти люди общались между собой, но с другими они разговаривали при помощи жестов, как глухонемые. Они жили в вечной вони и сырости – мужчины, женщины и их серьезные, тихие дети.

Данникин заметил что-то на поверхности воды. Он был главой жителей канализации, самым мудрым и самым старым. Поэтому знал коллекторы даже лучше, чем те, кто их построил. Данникин схватил сеть для ловли креветок, быстро забросил ее в воду и вытащил покрытый плесенью сотовый телефон. Подойдя к груде мусора в углу, Данникин швырнул в нее телефон. Пока что за целый день удалось выловить только две непарные перчатки, ботинок, кошачий череп, роман «Фиеста», размокшую пачку сигарет и сломанную детскую коляску.

Да, день выдался не из удачных. А ведь сегодня ночью рынок, причем под открытым небом. Данникин не отрывал взгляда от воды. Никогда не знаешь, что может приплыть тебе в руки.

* * *

Старина Бейли развешивал выстиранное белье. Одежда и простыни хлопала на ветру на крыше «Сентр Поинт» – безобразного небоскреба, построенного в конце Оксфорд-стрит в шестидесятые годы. Небоскреб угрюмо возвышался над станцией Тотенхэм-корт-роуд. Старине Бейли не нравился «Сентр Поинт», однако, как говорил он своим птицам, с крыши этого здания открывается шикарный вид, и к тому же это единственное место в Вест-Энде, откуда не видно самого «Сентр Поинта».

Ветер выдирает перья из пальто старины Бейли и уносит прочь. Старик не обращал на это внимания. Он любил повторять, что перьев всегда можно надергать сколько угодно.

Из-под рваного брезента, закрывавшего вентиляционную трубу, выбралась огромная

черная крыса, огляделась и осторожно подползла к палатке, загаженной птичьим пометом. Обежав палатку, она подскочила к веревке с бельем, которое только что вывесил старина Бейли, и громко запищала.

– Тише, тише! – шикнул на нее старик.

Крыса снова запищала, на этот раз немного потише.

– О Господи! – охнул старина Бейли.

Он забежал в палатку и вскоре выскочил наружу с кочергой и лопатой в руках. Постоял пару секунду, снова метнулся в палатку и вынес оттуда то, что можно было обменять на тело маркиза. Потом снова бросился в палатку, открыл деревянный сундук и сунул в карман серебряную шкатулку.

– Как это все не вовремя! – сказал он крысе, выбравшись из палатки в третий раз. – Я человек занятой. Птицы, знаете ли, сами собой в клетки не попадают!

Крыса что-то пропищала. Старина Бейли снял с пояса веревку.

– Неужели, кроме меня, некому выкупить тело? – спросил он у крысы. – Я пожилой человек. К тому же терпеть не могу подземелье. Я родился и вырос на крышах. Крыши – мой дом.

Крыса презрительно фыркнула.

– Зачем торопиться? Тише едешь дальше будешь, – сказал старина Бейли. – Ну ладно, идем, усатик. Я знал твоего прапрадедушку, крысеныш, так что не строй из себя умника... Где будет рынок?

Крыса что-то пропищала в ответ. Посадив ее в карман, старина Бейли начал спускаться с крыши.

* * *

Сидя на старом пластиковом стуле на берегу вонючей реки, Данникин внезапно почувствовал, что богатство и процветание наконец-то сами плывут к нему в руки. Причем в прямом смысле плывут – с запада на восток, так что надо приготовить сети.

Он громко хлопнул в ладоши, и к нему тут же подскочили несколько мужчин, женщин и детей с баграми, сетями и удочками в руках. Они собрались на скользком берегу подземного потока. Хмурые лица заливал зеленоватый свет. Данникин указал куда-то вниз. Все замерли и приготовились молча ждать улова – так, как всегда ждут улова немногословные жители канализации.

Наконец вдалеке показалось тело маркиза Карабаса. Течение несло его медленно и торжественно, как погребальную ладью. Когда труп приблизился, жители канализации ловко опутали его сетями и баграми вытащили из воды. Потом они осмотрели тело, сняли с него плащ, сапоги, вытащили золотые часы и другие интересные вещицы, лежавшие в карманах плаща. Однако остальную одежду снимать не стали.

Данникин радостно улыбнулся, оглядев добычу. Он снова хлопнул в ладоши, и жители канализации стали собираться на рынок. Теперь им было чем торговать.

* * *

– Ты уверена, что маркиз придет на рынок? – спросил Ричард у Двери. Теперь они шли куда-то вверх.

– Он нас не подведет, – твердо сказала она. – Мы наверняка встретим его там.

Глава XIV

Крейсер «Белфаст», водоизмещением 11 тысяч тонн, спущенный на воду в 1939 году, принимал активное участие во Второй мировой войне. Теперь он стоит на приколе у южного берега Темзы в живописном месте – напротив Тауэра, между Тауэрским и Лондонским

мостами. С его палубы открывается великолепный вид на собор Св. Павла и золоченый шпиль памятника Великому пожару, спроектированного, как и многое другое в Лондоне, Кристофером Реном. Корабль служит музеем, мемориалом и тренировочной базой.

По мосткам, ведущим с берега на палубу, проходили по двое, по трое и даже десятками прибывающие на рынок – самый разный люд из Нижнего Лондона. И все они, забыв о вражде, спешили разложить свои товары как можно дальше от прилавков жителей канализации.

Больше ста лет назад было решено, что жители канализации могут приходить на рынок только тогда, когда он проводится под открытым небом. Данникин и его люди свалили свой улов на клеенку под большой орудийной башней. Никто не спешил подойти к жителям канализации. Только ближе к закрытию сюда явятся любопытные, искатели выгодных сделок и те немногие счастливицы, которые начисто лишены обоняния.

Ричард, Дверь и Охотница пробирались сквозь толпу. Ричард вдруг понял, что рынок перестал его удивлять. Да, здесь попадались такие же странные типы, как и на прошлом рынке, но он и сам теперь стал странным типом. Они шли через рынок, и он вертел головой, высматривая саркастическую ухмылку маркиза.

– Его здесь нет, – объявил он наконец.

Они приближались к кузнецу, которого легко можно было принять за небольшую гору, если бы не клочковатая каштановая борода. Кузнец подхватил с горна кусок раскаленного докрасна железа и бросил его на наковальню. Ричард никогда прежде не видел наковальни. Но жар от железа и пламени горна чувствовался с десяти футов.

– Ничего, Карабас вернется, – сказала Дверь, оглядываясь по сторонам. – Как бумеранг. – И немного подумав, добавила: – Кстати, бумеранг всегда возвращается? – и прежде чем Ричард успел что-нибудь ответить, радостно взвизгнула: – Хэммерсмит⁴⁷!

Человек-гора перестал стучать молотом по наковальне, поднял голову и проревел:

– Темпл и Арка! Леди Дверь! – он поднял ее на руки так легко, словно она весила не больше мышки.

– Привет, Хэммерсмит. Я надеялась тебя здесь найти.

– Леди, я ни одного рынка не пропускаю, – радостно пророкотал он. И добавил громким шепотом, будто сообщая страшную тайну: – На рынке работать всегда выгодно, вот так-то. Погодите, – сказал он, вспомнив про остывающий кусок железа на наковальне, – погодите секундочку, – и кузнец усадил Дверь на свой навес, в семи футах над полом, как раз по его росту.

Он застучал молотом по железу, выкручивая его инструментом, который, как подумал Ричард, можно было бы назвать клещами. Бесформенный ком раскаленного железа под ударами молота превратился в великолепную черную розу тончайшей работы. Каждый лепесток был как живой. Хэммерсмит сунул розу в ведро с ледяной водой, раздалось шипение, повалил пар. Кузнец вытащил свое творение, обтер его и протянул толстяку в кольчуге, который терпеливо ждал в сторонке. Толстяк остался доволен и отдал кузнецу зеленый пакет «Маркс-энд-Спенсер», доверху набитый сыром разных сортов.

– Хэммерсмит, – сказала Дверь сверху, – познакомься, это мои друзья.

Кузнец обхватил руку Ричарда своей гигантской ручищей и пожал ее горячо, но осторожно, будто в прошлом у него случались неприятные инциденты, но он долго тренировался и научился наконец не ломать людям руки.

– Мое почтение, – прогремел он.

– Ричард, – представился Ричард.

Хэммерсмит просиял.

– Ричард? Какое чудесное имя! У меня был жеребец по кличке Ричард!

Он отпустил руку Ричарда и повернулся к Охотнице.

⁴⁷ *Хэммерсмит* – район в западной части Лондона.

– Ты ведь... Охотница? Охотница! Клянусь своими молотами и наковальнями, это действительно Охотница!

Он покраснел, как мальчишка. Плюнул на ладонь, неловко попытался пригладить волосы. Протянул Охотнице руку, но сообразив, что только что на нее плюнул, кинулся вытирать ладонь о кожаный фартук. И застыл, переминаясь с ноги на ногу.

– Рада тебя видеть, Хэммерсмит, – с очаровательной улыбкой проговорила Охотница.

– Эй, ты не мог бы меня спустить? – попросила Дверь.

Великан еще больше смутился.

– Простите, леди, – пробормотал он и легко снял ее с навеса.

Ричард догадался, что Хэммерсмит знает Дверь с детства, и тут же почувствовал неожиданный приступ ревности.

– Итак, могу я для вас что-нибудь сделать? – спросил кузнец Дверь.

– Да, я хотела тебя кое о чем попросить. Но сначала... – Она обратилась к Ричарду: – Ричард, у меня есть для тебя задание.

Охотница удивленно вскинула бровь.

– Для него?

Дверь кивнула.

– Для вас обоих. Вы не могли бы сходить за едой? Ну, пожалуйста!

Ричард почувствовал, что гордится собой. Он прошел испытание, и теперь они воспринимают его как равного. Он пойдет и принесет еду. Ричард выпрямился и выпятил грудь.

– Я твой телохранитель. Я останусь с тобой, – сказала Охотница.

Дверь ухмыльнулась. Ее опаловые глаза сверкнули.

– Мы же на рынке! Что здесь может случиться? Никто не нарушит перемирие. Со мной все будет в порядке. Лучше присмотри за Ричардом.

Ричард понурился, но никто этого не заметил.

– Что если кто-то нарушит перемирие? – спросила Охотница.

Несмотря на пышущий жаром горн, Хэммерсмит поежился.

– Нарушит перемирие? Бр-р-р...

– Никто ничего не нарушит. Сходите за едой, вместе. Принесите мне карри. И еще пападам⁴⁸. С перцем.

Охотница почесала в затылке, повернулась и пошла сквозь толпу. Ричард поплелся за ней.

– А что будет, если кто-то нарушит перемирие? – спросил он у Охотницы, когда они протискивались сквозь толпу.

Она ненадолго задумалась.

– Последний раз перемирие было нарушено триста лет назад. Два приятеля поссорились на рынке из-за женщины. Один зарезал другого ножом и сбежал.

– И что с ним стало? Его убили?

Охотница покачала головой.

– Напротив. Он до сих пор жалеет, что тогда не умер.

– Он до сих пор жив?

Охотница поджала губы.

– В некотором роде, – сказала она, помолчав.

– Фу-у! Что это за вонь? – спросил Ричард через некоторое время. Он чувствовал, что его вот-вот стошнит.

– Жители канализации.

Ричард отвернулся и постарался не дышать через нос, пока они не прошли мимо

⁴⁸ Пападам – хрустящая лепешка из нутовой муки с добавлением семян кумина, кусочков чили и др. специй и пряностей.

жителей канализации.

– Маркиза нигде не видно? – спросил он.

Охотница покачала головой, хотя при желании могла бы прикоснуться к маркизу.

И они поднялись по трапу к лоткам с едой, источавшим куда более приятный аромат.

* * *

Старина Бейли быстро нашел жителей канализации. Для этого достаточно было просто идти на запах.

Он знал, что ему делать, но решил устроить небольшое представление. Тщательно изучил трупик коккер-спаниеля, потом протез ноги, потом размокший, покрытый плесенью сотовый телефон – и каждый раз разочарованно качал головой. Потом «вдруг» заметил тело маркиза. Почесал нос, надел очки и принялся его разглядывать. Мрачно кивнул пару раз, как человек, которому позарез нужен труп: выбор невелик, но ничего не поделаешь. И наконец махнул Данникину, указывая на тело маркиза.

Данникин раскинул руки, поднял глаза к небу и блаженно улыбнулся, показывая, что такая находка была ниспослана ему как божественная благодать. Затем он коснулся лба и изобразил на лице гримасу огорчения: лишиться такого великолепного трупа – горькая доля.

Старина Бейли достал из кармана шариковый дезодорант, наполовину использованный, и протянул его Данникину. Тот прищурился, лизнул дезодорант и вернул – не пойдет. Старина Бейли убрал дезодорант в карман и снова поглядел на маркиза: босого, без плаща, распухшего в канализационной воде. На серой коже, сморщенной, как чернослив, было множество ран – глубоких и не очень.

Старина Бейли вытащил из кармана флакон, на три четверти заполненный желтой жидкостью, и протянул Данникину, который принялся подозрительно его разглядывать. Жители канализации отлично знали, что такое «Chanel № 5», и с любопытством обступили Данникина. Медленно, с чувством собственного достоинства, он вытащил пробку, уронил одну каплю себе на запястье и принялся с таким серьезным и важным видом, будто он – знаменитый парижский парфюмер. Покивал, подошел к старине Бейли и обнял его, подтверждая сделку. Старик отвернулся и задержал дыхание.

Потом старина Бейли поднял палец и постарался объяснить жестами, что он уже не молод, а маркиз Карабас – живой или мертвый, неважно, – весит немало. Данникин озадаченно поковырял в носу, а потом махнул рукой, давая понять, что его великодушие, его неразумная и неуместная расточительность когда-нибудь непременно приведут его самого и его людей в богадельню. И велел мальчишке привязать труп к раме детской коляски.

Старина Бейли прикрыл тело маркиза тряпкой и повез его по забитой народом палубе прочь от жителей канализации.

* * *

– Вегетарианский карри, пожалуйста, – сказал Ричард торговке. – Скажите, а вот у вас тут карри с мясом... Что там за мясо? – Женщина ответила. – О-о! – протянул Ричард. – Понятно. Тогда два вегетарианских.

Вдруг у него за спиной послышался глубокий чувственный голос:

– Давно не виделись.

Он обернулся. Это была бледная девушка с фиалковыми глазами в черном бархатном платье – та самая, которая встретила его в известняковых туннелях.

Ричард улыбнулся.

– Привет... Ой, и пападам, пожалуйста, – сказал он торговке. – За карри пришла?

Она подняла на него свои фиалковые глаза и проговорила, подражая Беле Лугоши⁴⁹:

⁴⁹ Бела Ференц Дешо Бласко (венг. Béla Ferenc Dezső Blaskó), более известный как Бела Лугоши (англ. Bela

– Я не ем... карри, – и залилась звонким, радостным смехом.

Ричард вдруг подумал, что уже очень давно ни одна девушка не пыталась его развеселить.

– Э-э... Ричард. Ричард Мэхью, – представился он и протянул руку. Она легонько ее пожала. Ричард отметил, что пальцы у нее ледяные. Впрочем, кто не замерзнет осенней ночью на палубе крейсера, продуваемой сырым ветром Темзы?

– Ламия, – сказала девушка. – Я из детей ночи.

– А-а... И много вас?

– Не очень.

Ричард забрал коробочки с карри.

– И чем ты занимаешься? – поинтересовался он.

– Когда не ищу себе пропитание, – с улыбкой проговорила она, – предлагаю услуги проводника. Я знаю все уголки Нижнего Лондона.

Вдруг за спиной Ламии выросла Охотница, хотя Ричард готов был поклясться, что она только что стояла у дальнего конца причала.

– Он тебе не достанется, – прошипела Охотница.

– Это мне решать, – с милой улыбкой ответила Ламия.

– Охотница, познакомься, – сказал Ричард, – это Ламия. Она из ночных детей.

– Детей ночи, – поправила девушка.

– Она проводник.

– Я отведу тебя, куда хочешь.

Охотница забрала у Ричарда пакет с карри в картонных коробочках.

– Нам пора, – сказала она.

– погоди, – остановил ее Ричард. – Если мы хотим попасть к сама-знаешь-кому, нам понадобится помощь.

Охотница промолчала и выразительно посмотрела на Ричарда. Еще вчера такого взгляда было бы достаточно – он бы не осмелился возражать. Но то вчера.

– Давай спросим Дверь, – сказал он. – Маркиза не видать?

– Нет.

* * *

Старина Бейли стащил по трапу труп, привязанный к раме коляски и похожий на безобразное чучело Гая Фокса из тех, какие до недавнего времени дети таскали в начале ноября по всему Лондону, показывая прохожим, прежде чем сжечь пятого числа в День Гая Фокса. Бейли, чертыхаясь, проволоч труп через Тауэрский мост, а потом вверх по склону, мимо Тауэра. Затем он направился на запад в сторону метро «Тауэр-хилл». И наконец остановился, немного не дойдя до входа на станцию, у широкой стены из серого камня. «Сойдет, – решил старина Бейли. – Хотя на крыше было бы лучше».

Это был один из немногих фрагментов лондонской стены, сохранившийся до наших дней. По легенде, стену вокруг Лондона приказал построить римский император Константин Великий в третьем веке нашей эры. Сделал он это по просьбе своей матери Елены, которая была родом из Лондона и всю жизнь чувствовала себя униженной, когда наместники провинций хвастали стенами своих родных городов и, как бы между прочим, интересовались, высоки ли стены ее родного города. В конце концов стена тридцати футов высотой и восьми футов шириной опоясала весь Лондон (в ту пору совсем небольшой городок), не оставляя повода для насмешек.

Сегодня стена уже не так высока, как во времена Константина и его матери, – уровень грунта сильно поднялся (большая часть стены на пятнадцать футов ушла под землю), – и, уж

конечно, она не опоясывает весь город. Но тот фрагмент, у которого остановился старина Бейли, все же внушает уважение. Старик кивнул сам себе, привязал веревку к раме коляски, взобрался на стену сам и, ворча и отдуваясь, втащил труп. Отвязав маркиза, Бейли бережно уложил его на спину и вытянул руки вдоль тела. Некоторые раны на теле маркиза кровоточили, но маркиз безусловно был мертв.

– Ах ты, болван, – печально прошептал старина Бейли. – Вот скажи, чего ради ты умер?

В темно-синем небе ярко сияла далекая круглая луна, а осенние звезды рассыпались по нему бриллиантовой крошкой. К стене слетел соловей, поглядел на труп маркиза и что-то нежно прошептал.

– Не суй свой клюв, куда не просят, – проворчал старик. – Вы, птицы, тоже не розами пахнете.

Соловей мелодично выругался и исчез в ночи.

Старина Бейли вытащил из кармана черную крысу, которая успела заснуть. Она сонно огляделась, зевнула, показав тонкий длинный язычок, заморгала.

– Лично я, – сообщил ей старик, – был бы счастлив, если бы у меня вообще нюх отшибло.

Он выпустил крысу на стену, и она возмущенно запищала, размахивая перед мордочкой передними лапами. Старик вздохнул, бережно вытащил из кармана серебряную шкатулку и достал из-под пальто вилку на длинной ручке. Положил шкатулку маркизу на грудь и опасливо откинул крышку вилкой. Внутри, на красном бархате, лежало крупное утиное яйцо, в лунном свете казавшееся голубовато-зеленым. Старина Бейли зажмурился, размахнулся и ударил вилкой по яйцу.

Оно разбилось с тихим треском.

На несколько секунд все замерло, а потом поднялся ветер. Он дул будто бы со всех сторон – закручиваясь в вихрь, рождая бурю. Ветер поднял в воздух и помчал куда-то сухие листья, обрывки газеты, городской мусор. Скользнул по поверхности Темзы и поднял к небесам фонтан мелких брызг. Это был безумный ветер, неестественный, страшный. На палубе «Белфаста» торговцы завопили и принялись цепляться за свои товары, боясь, что их унесет в воду.

А потом, как раз тогда, когда уже казалось, что начнется ураган, который уничтожит весь мир, унесет с небосвода звезды, подхватит и закружит людей, как опавшие листья, – тогда и только тогда ветер вдруг стих. Листья, газеты, полиэтиленовые пакеты плавно опустились на тротуары, траву, воду.

Тишина, воцарившаяся над стеной, на которой лежал распростертый маркиз, в некотором роде была страшнее бури. Но вот тишину нарушил кашель – надсадный, мокрый кашель. Послышался легкий шорох: кто-то перевернулся, а потом звук неудержимой, мучительной рвоты.

Маркиза Карабаса рвало канализационной водой. Коричневая рвота стекала по серому камню стены. Рвало его долго – в желудок попало слишком много жидкости. Наконец он проговорил хриплым, скрипучим шепотом:

– Кажется, мне перерезали горло. Надо перевязать.

Старина Бейли порылся в карманах и извлек длинную, не особенно чистую тряпку. Маркиз несколько раз обмотал ее вокруг шеи и завязал концы. Старина Бейли невольно вспомнились воротники лондонских денди эпохи Регентства, которые ввел в обиход Красавчик Браммел⁵⁰.

– Пить, – прохрипел маркиз.

Бейли достал плоскую фляжку, отвинтил крышку и передал фляжку маркизу. Тот, морщась от боли, сделал глоток и снова закашлялся. Черная крыса, с любопытством

⁵⁰ *Джордж Браммел* (George Bryan Brummell, 1778–1840) – английский щеголь, законодатель моды в эпоху Регентства.

наблюдавшая за воскрешением маркиза, спустилась со стены и растворилась во тьме. Теперь она может сказать золотой крысе, что все долги уплачены.

Маркиз вернул старине Бейли фляжку, и старик убрал ее в карман.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Бывало и лучше.

Маркиз сел. Его била дрожь, из носа текло. Он огляделся так, будто видел этот мир впервые.

– Скажи, ради чего такого важного ты решил умереть?

– Ради информации, – прошептал маркиз. – Люди говорят тебе гораздо больше, если знают, что ты вот-вот умрешь. И еще больше, когда ты уже умер.

– Значит, ты узнал то, что хотел?

Маркиз ощупал раны на руках и ногах.

– О да. Более чем. Теперь мне очень многое известно об этом деле.

Он снова закрыл глаза, обхватил себя руками и принялся раскачиваться вперед-назад.

– И какая она, – спросил старина Бейли, – смерть?

Маркиз вздохнул. А потом его губы вдруг изогнулись в кривой ухмылке, и на секунду он снова стал похож на того маркиза, которого помнил старина Бейли.

– Когда доживешь до своей, сам узнаешь.

Старина Бейли разочарованно поморщился.

– Мерзавец. После всего, что я сделал, чтобы вернуть тебя оттуда, откуда не возвращаются... Гм... Как правило не возвращаются.

Маркиз Карабас посмотрел на старика, и его белки ярко сверкнули в лунном свете.

– Хочешь знать, каково это, быть мертвым? – прошептал он. – Холодно, друг мой. Темно и холодно.

* * *

Дверь покачала в руке цепочку. Висевший на ней ключ поблескивал в свете горна красным и оранжевым. Она улыбнулась.

– Отличная работа, Хэммерсмит.

– Спасибо, леди.

Девушка надела цепочку на шею и спрятала ключ под одежду.

– Чем я могу тебе отплатить?

Кузнец смутился.

– Я бы не хотел злоупотреблять вашей добротой... – пробормотал он.

Дверь скорчила рожицу – мол, да ладно тебе. Кузнец нагнулся и вытащил из-под груды инструментов черный ящик размером с толстый словарь. Он был сделан из темного дерева, инкрустированного жемчугом и слоновой костью.

Кузнец повертел ящик в руках.

– Эта шкатулка с секретом, – объяснил он. – Ею со мной расплатились за одну работу много лет назад. Но я никак не могу ее открыть.

Дверь взяла шкатулку и провела пальцами по гладкой поверхности.

– Неудивительно. Механизм заржавел. Его заклинило намертво.

Хэммерсмит сник.

– Значит, я никогда не узнаю, что внутри.

В глазах Двери сверкнули лукавые искорки. Она еще раз ощупала шкатулку. С одной стороны торчал небольшой штырек. Дверь нажала на него и повернула. Раздался щелчок, и сбоку открылась дверца.

– На, держи, – сказала Дверь.

– Спасибо, леди, – прошептал Хэммерсмит, взял у нее шкатулку и открыл дверцу. За ней был ящик. Кузнец осторожно выдвинул его... В ящике сидела небольшая жаба и тихо поквакивала, равнодушно глядя вокруг медно-желтыми глазками. На лице Хэммерсмита

отразилось разочарование.

– А я-то думал, там будут алмазы и жемчуга, – протянул он.

Дверь погладила жабу по головке.

– У нее хорошие глазки, – сказала девушка. – Не отдавай ее никому, Хэммерсмит. Она принесет тебе удачу. Еще раз спасибо. Не сомневаюсь, что ты умеешь хранить тайны.

– Я умею хранить тайны, леди, – важно ответил кузнец.

* * *

Они сидели на стене и молчали. Старина Бейли осторожно спустил на землю коляску.

– Где рынок? – спросил маркиз.

– Там, – старик махнул в сторону крейсера.

– Меня ждет Дверь.

– Ты не в том состоянии, чтобы куда-нибудь идти.

Маркиз мучительно закашлялся. Старина Бейли подумал, что в легких маркиза, должно быть, еще немало воды.

– Я сегодня проделал длинный путь, – прошептал маркиз. – Осилю и еще немного.

Он поглядел на свои руки, осторожно пошевелил пальцами, словно проверяя, будут они его слушаться или нет. А потом развернулся и стал неловко сползать со стены. На полпути он проговорил хрипло и как будто с досадой:

– Знаешь, старина Бейли, кажется, я теперь твой должник.

* * *

Когда Ричард вернулся с карри, Дверь подлетела к нему, обхватила руками за шею, крепко прижала к себе и даже хлопнула по заднице. Потом она забрала у него пакет и, открыв картонную коробку, с жадностью принялась за карри.

– Спасибо, – сказала она с набитым ртом. – Маркиза не нашли?

– Нет, – ответила Охотница.

– Крупа и Вандемара не видно?

– Нет.

– Какая вкуснятина! Отличное карри.

– Ну что, кузнец сделал тебе цепочку? – поинтересовался Ричард.

Дверь приподняла цепочку, показывая, что вот она, на месте, и тут же отпустила. Под весом ключа цепочка снова натянулась.

– Дверь, познакомься, это Ламия, – сказал Ричард. – Она проводник. Говорит, что знает все уголки Нижнего мира.

– Все-все? – переспросила Дверь, откусывая кусочек пападама.

– Все-все, – подтвердила Ламия.

– Ты покажешь нам дорогу к ангелу Ислингтону? – спросила Дверь, склонив голову набок.

Ламия медленно прикрыла свои фиалковые глаза.

– К Ислингтону? Туда лучше не...

– Как к нему попасть?

– По Даун-стрит, – ответила Ламия. – Надо дойти до самого конца Даун-стрит. Но это не безопасно.

Охотница стояла, скрестив руки на груди, и со скептическим видом слушала разговор.

– Нам не нужен проводник, – объявила она.

– А мне кажется, нужен, – возразил Ричард. – Маркиза нет. И мы знаем, что нас ждет опасный путь. Но мы должны отнести Ислингтону... то, что я раздобыл. И тогда он расскажет Двери про ее родных и поможет мне вернуться домой.

Ламия с улыбкой поглядела на Охотницу:

– И он может дать тебе мозги, а мне – сердце.
Дверь выгребла рукой остатки карри из коробочки и облизала пальцы.
– Ричард, мы сами справимся, – проговорила она. – Все равно нам нечем расплатиться с проводником.
Ламия оскорбилась.
– С вас я ничего не возьму! – объявила она. – Со мной расплатится он.
– И чем же он с тобой расплатится? – спросила Охотница.
– Вас это не касается, – с обворожительной улыбкой проговорила Ламия. – Это знаю я, а ему остается только гадать.
Дверь покачала головой.
– Нет, мне кажется, это неправильно.
Ричард фыркнул.
– Просто тебе больше нравилось, когда я таскался за вами, как глупый щенок! Тебя бесит, что я сам что-то решаю, вот и все!
– Ричард, это совсем не так.
Он повернулся к Охотнице.
– Вот скажи, *ты* знаешь, как найти Ислингтона?
Охотница мотнула головой.
Дверь вздохнула.
– Ладно, идемте. На Даун-стрит, так?
Сливового цвета губы Ламии растянулись в улыбке.
– Да, леди.

* * *

Когда маркиз добрался до рынка, их там уже не было.

Глава XV

Они спустились с корабля по длинному деревянному трапу, потом перешли дорогу по подземному переходу и зашагали по улице. Ламия уверенно шла впереди. Через некоторое время они свернули в узкий, мощеный брусчаткой переулок. На стенах домов горели газовые рожки.

– Третий дом отсюда, – сказала Ламия.
Они подошли к нужному дому. На двери висела медная табличка:

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПО ЗАЩИТЕ ДОМОВ
ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Снизу мелкими буквами было выгравировано:

ДАУН-СТРИТ. СТУЧИТЕ

– Чтобы выйти на улицу, нужно пройти через дом? – удивленно спросил Ричард.
– Нет, – ответила Ламия. – Улица внутри дома.

Ричард постучал. Никто не ответил. Они решили немного подождать, хотя утро выдалось сырое и холодное. Ричард снова постучал, потом позвонил. Дверь тут же открылась. На пороге показался заспанный лакей в старом напудренном парике и алой ливрее. Он уныло оглядел пеструю компанию и явно пришел к выводу, что это не те люди, ради которых стоило вставать в такую рань.

– Чем могу служить? – спросил лакей, и Ричард подумал, что некоторые говорят:

«Сдохни, ублюдок!» с гораздо большей теплотой и дружелюбием.

– Нам нужна Даун-стрит, – надменно ответила Ламия.

– Следуйте за мной, – со вздохом сказал лакей. – Только не забудьте вытереть ноги.

Они прошли в холл и подождали, пока лакей зажжет все свечи в своем подсвечнике, – такие подсвечники часто рисуют на обложках дешевых книг, только там подсвечник обычно держит запуганная до смерти девушка в развевающемся пеньюаре, а за ее спиной на фоне темного неба вырисовываются очертания огромного особняка, в котором свет горит лишь в мансарде.

Они спустились по массивной лестнице, устеленной дорогим ковром, потом – по другой лестнице, не такой массивной, устеленной гораздо более дешевым ковром, потом – по еще одной лестнице, довольно узкой, устеленной мешковиной, потом – по деревянной, ничем не устеленной лесенке.

В самом низу был старинный лифт, на котором висела табличка:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ

Не обратив никакого внимания на табличку, лакей открыл сетчатую наружную дверь лифта и пригласил гостей внутрь. Ламия вежливо поблагодарила его и вошла, остальные последовали за ней. Сквозь густую сетку двери Ричард увидел, как лакей развернулся, поднял подсвечник и стал подниматься по деревянной лестнице.

На одной стене были черные кнопки. Ламия нажала на самую нижнюю. Дверь с лязгом захлопнулась, заработал мотор, и лифт медленно, с протяжным скрипом, поехал вниз. Было очень тесно, и все четверо стояли, прижавшись друг к другу вплотную. Ричард вдруг почувствовал, что от каждой из трех женщин пахнет совершенно по-разному: от Двери пахло карри, от Охотницы – потом (Ричард с удивлением отметил, что это довольно приятный запах, а еще – что так обычно пахнет от пантер, тигров и пум в зоопарках), от Ламии пахло дурманяще – жимолостью, ландышем и мускусом.

Лифт все опускался и опускался. У Ричарда на лбу выступил холодный пот. Крепко сжав кулаки, так что ногти впились в ладони, он спросил притворно-веселым тоном:

– Наверно, сейчас уж точно не стоит говорить, что у меня клаустрофобия, верно?

– Верно, не стоит, – отозвалась Дверь.

– Тогда я не буду, – сказал Ричард.

Лифт продолжал опускаться.

Наконец кабина дернулась и с громким скрежетом остановилась. Открыв дверь, Охотница осторожно огляделась, потом шагнула вперед – на узкую деревянную площадку.

Ричард выглянул наружу. Кабина зависла в воздухе над странным сооружением, которое напомнило ему Вавилонскую башню, – по крайней мере такой он ее видел на одном рисунке. Только там она была изображена снаружи, а сейчас Ричард видел ее словно вывернутой наизнанку – высоченная каменная башня с винтовой лестницей, вырубленной прямо в камне. На стенах кое-где висели фонари. В их тусклом свете невозможно было разобрать, что находится в самом низу. Сверху видна была лишь лестница, уходившая в темноту, да крохотные огоньки фонарей. Кабина лифта висела на самом верху башенного колодца, в нескольких тысячах футов от земли. И слегка раскачивалась из стороны в сторону.

Глубоко вздохнув, Ричард шагнул вслед за остальными на деревянную площадку и посмотрел вниз, хотя знал, что лучше этого не делать. Дно каменного колодца было очень-очень далеко. Площадка тут же показалась Ричарду невероятно узкой и непрочной. В двадцати футах от нее начиналась лестница. Между верхней площадкой лестницы и деревянной площадкой была перекинута длинная, неширокая доска.

– И о том, что я страшно боюсь высоты, тоже, скорее всего, говорить не стоит, – сказал он совсем не так беззаботно, как ему хотелось.

– Не бойся, доска прочная, – успокоила Ламия. – По крайней мере в прошлый раз я не

упала. Гляди.

Она пошла по доске. Бархатный подол платья заколыхался на ветру. Ламия шла спокойно и уверенно. Даже если бы у нее на голове была стопка книг – она ни одной бы не уронила. Добравшись до лестницы, она повернулась к остальным и улыбнулась. Охотница быстро прошла по доске и встала рядом с Ламией.

– Видишь? – сказала Дверь и сжала Ричарду руку. – Совсем не страшно.

Ричард кивнул и сглотнул слюну.

Конечно, подумал он.

Дверь медленно прошла по доске. Видно было, что она немного волнуется, но это не помешало ей благополучно добраться до лестницы.

Девушки стояли и ждали Ричарда. Он изо всех сил уговаривал себя ступить на доску и страшно огорчился, обнаружив через пару минут, что так и стоит на площадке.

Внезапно наверху кто-то вызвал лифт. Ричард услышал громкий стук, потом шум старого мотора. Дверь лифта у него за спиной закрылась, а он остался стоять на деревянной площадке, почти такой же узкой, как и доска.

– Ричард! – крикнула Дверь. – Ну давай же!

Лифт поехал вверх. Ричард ступил с шаткой площадки на доску. В ту же минуту ноги у него затряслись, и он плюхнулся на четвереньки, изо всех сил вцепившись в доску. Где-то в глубине сознания возник разумный вопрос: «Кто вызвал лифт? И зачем?» Однако у него не было сил задаваться ненужными вопросами, он думал только о том, что рано или поздно руки устанут, и он полетит вниз. В горле застыл истошный крик: «Я не хочу умирать!» Ричард крепко зажмурился – он был уверен, что если еще раз посмотрит вниз, то наверняка разожмет руки и...

«Падать не страшно, – уверял он себя. – Страшно долететь до дна и разбиться».

Но он отлично знал, что врет. Он боялся *падения*. С ужасом представлял себе, как летит в сумраке башни, беспомощно размахивая руками и ногами, пытаясь за что-нибудь ухватиться и понимая, что ухватиться не за что, что ему никто не в силах помочь и спастись не удастся....

Внезапно Ричард услышал, как кто-то говорит ему:

– Ричард, ползи вперед.

– Я... не могу, – прошептал он в ответ.

– Ты и не через такое прошел, Ричард, – сказал кто-то, и он понял, что это говорит Дверь.

– Я же предупреждал, что боюсь высоты, – упрямо сказал Ричард, прижимаясь щекой к доске. Зубы у него стучали. – Я хочу домой.

Он чувствовал под щекой шершавую поверхность доски. А потом доска вдруг зашаталась.

– Не знаю, выдержит ли она двоих, – послышался голос Охотницы. – Встаньте вот здесь, тогда, может, и получится.

Доска зашаталась еще сильнее, будто кто-то полз по ней. По-прежнему не открывая глаз, Ричард еще сильнее сжал пальцы. Через несколько секунд Охотница тихо и уверенно сказала ему прямо в ухо:

– Ричард!

– Ммм...

– Ползи вперед, Ричард. По чуть-чуть. Давай же... – Она дотронулась своей золотисто-коричневой рукой до побелевших от натуги костяшек его пальцев. – Ну же.

Глубоко вздохнув, Ричард продвинулся вперед и снова застыл на месте.

– Молодец! – сказала Охотница. – Все хорошо. Давай еще.

Так она раз за разом уговаривала его проползти еще немного. Наконец он уже почти добрался до лестницы, и тут она подхватила его подмышки и поставила на каменную площадку.

– Спасибо, – выдохнул Ричард.

Он понимал, что этого недостаточно, чтобы отблагодарить Охотницу за то, что она для него сделала, но не знал, что еще сказать. Немного подумав, он повторил:

– Спасибо, – а потом повернулся к остальным: – Простите.

– Ничего страшного, – сказала Дверь. – Главное, что теперь ты в безопасности.

Ричард глянул на винтовую лестницу, уходящую во тьму – все вниз и вниз, до самого дна, – потом на Охотницу, Дверь и Ламию, и неожиданно для себя рассмеялся. Он хохотал так, что слезы выступили у него на глазах, и никак не мог остановиться.

Когда Ричард наконец успокоился, Дверь строго спросила:

– Что тут смешного?

– Что я в безопасности, – ответил он.

Дверь пристально посмотрела на него и улыбнулась.

– Куда теперь? – спросил он.

– Вниз, – ответила Ламия.

И они стали спускаться вниз по Даун-стрит⁵¹. Охотница впереди, за ней Дверь, потом, на некотором расстоянии, Ричард и Ламия. Ричард глубоко вдохнул аромат ландыша и жимолости и вдруг подумал: «Как хорошо, что Ламия согласилась пойти с нами».

– Как хорошо, что ты с нами, – повторил он вслух, – что показала нам дорогу. Надеюсь, ты об этом не пожалеешь.

Она пристально посмотрела на него своими фиалковыми глазами.

– А почему я должна об этом пожалеть?

– Ты слышала о крыситах?

– Разумеется.

– Я знал одну крыситку. Девушку по имени Анестезия. Она... В общем, мы с ней подружились. Она должна была отвести меня в одно место. И по пути ее... Она исчезла. В Найтсбридже, на мосту. Я так и не знаю, что с ней случилось.

Ламия сочувственно улыбнулась.

– У нас, детей ночи, есть легенды о тех, кто пропал на мосту. Кто знает, может, это не просто легенды.

– Расскажи! – попросил Ричард. В башне было очень холодно. Дыхание вырывалось у него изо рта облачками пара.

– Расскажу, но не сейчас, – сказала Ламия. Ее дыхание почему-то не превращалось в пар. – Я рада, что ты согласился принять меня в вашу компанию.

– Что нам оставалось делать?

Дверь с Охотницей скрылись из виду.

– Кажется, мы сильно отстали, – заметил Ричард. – Надо бы прибавить шагу.

– Зачем? Пусть идут, – отозвалась Ламия. – Мы их потом догоним.

Ричарду вдруг показалось, что он снова стал подростком и идет с девушкой в кино. Вернее, возвращается домой после сеанса. И они то и дело прячутся на автобусных остановках и в тени стен, страстно торопливо целуются, а потом нагоняют своих друзей, которые уже успели свернуть за угол...

Ламия провела холодным как лед пальцем по его щеке.

– Ты такой теплый! – восхищенно заметила она. – Как, должно быть, чудесно быть теплым!

Ричард скромно потупился.

– Честно говоря, я об этом не думал, – признался он и вдруг услышал знакомый скрежет: где-то вдалеке у него над головой открылась дверь лифта.

Ламия посмотрела на него так, будто очень хотела о чем-то попросить.

– Пожалуйста, Ричард, поделись со мной своим теплом, – сказала она. – Согрей меня. Я так замерзла!

⁵¹ Игра слов: Даун-стрит (Down Street) буквально «улица, ведущая вниз».

Наверное, надо было ее поцеловать.

– Что? Я... – неуверенно начал Ричард.

– Неужели я тебе не нравлюсь? – разочарованно протянула она.

«Хоть бы она не обиделась!» – в отчаянии подумал Ричард.

– Нет-нет, конечно нравишься! – почему-то сказал он. – Ты такая милая.

– Зачем тебе столько тепла, Ричард? Тебе ведь столько не нужно, – проговорила Ламия.

– Наверное, ты права...

– Помнишь, ты обещал расплатиться со мной за то, что я покажу вам дорогу? Вот что мне нужно. Тепло. Поделись им со мной, пожалуйста.

Ричард готов был отдать ей все что угодно. Все, что она пожелает. Он смотрел на ее бледную кожу, сизые, как сливы, губы, иссиня-черные волосы. У него кружилась голова от аромата ландыша и жимолости. Ричард кивнул. Внутренний голос что-то кричал ему, но Ричарду казалось, что это может подождать. Ламия притянула его к себе и поцеловала, долго и страстно. Он удивился, какие холодные у нее губы и какой ледяной язык, но тут же расслабился и ответил на поцелуй.

Через несколько секунд Ламия отпустила его.

Ричард почувствовал у себя на губах лед. Он шагнул назад и уперся спиной в стену. Попытался моргнуть, но глаза как будто тоже замерзли. Ламия посмотрела на него и довольно улыбнулась. Кожа у нее стала светло-розовой, губы – алыми, язык – ярко красным. Ее дыхание теперь превращалось в пар. Перед глазами у Ричарда поплыли черные круги. На секунду ему показалось, что позади Ламии кто-то стоит.

– Еще, – сказала Ламия и снова потянулась к Ричарду.

* * *

Он видел, как она притянула Ричарда к себе и поцеловала, видел, как кожа Ричарда начала покрываться коркой льда, а волосы – инеем. Видел, как Ламия радостно отпустила его. А когда она наклонилась к Ричарду, чтобы довести до конца то, что начала, он тихо подошел к ней со спины, схватил за шею и приподнял над землей.

– Верни ему то, что взяла! – рявкнул он ей в ухо. – Верни ему жизнь!

Она стала похожа на котенка, которого пытаются сунуть в ванну с водой: извивалась всем телом, пытаясь вырваться, шипела, плевалась и царапалась. Бесполезно, он крепко сжимал ей шею.

– Попробуй меня заставить! – визгливо крикнула она.

Он сильнее сжал пальцы.

– Верни ему жизнь! – прохрипел он. – Или я сломаю тебе шею!

Ламия поморщилась от боли. Он толкнул ее к Ричарду, который стоял у стены, покрытый коркой льда.

Она взяла Ричарда за руку и дунула ему в рот. Из ее губ вырвалось облачко пара, Ричард вдохнул его – лед на коже и иней на волосах тут же растаяли.

Маркиз снова схватил Ламию за шею:

– Это не все!

Злобно зашипев, она выдула остатки пара в рот Ричарда. Ричард заморгал. Лед на его глазах растаял, и по щекам потекли крупные капли воды.

– Что ты со мной сделала? – спросил он.

– Она пила твою жизнь, – хриплым шепотом объяснил маркиз Карабас. – Пыталась забрать твоё тепло. Превратить тебя в такое же холодное создание, как она сама.

Ламия сердито нахмурилась, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Ее фиалковые глаза злобно сверкнули.

– Мне оно нужно больше, чем ему! – взвыла она.

– А я думал, я тебе нравлюсь, – глупо сказал Ричард.

Маркиз снова схватил Ламию за шиворот и прохрипел ей в лицо:

– Если кто-нибудь из вас, детей ночи, еще хоть раз к нему приблизится, клянусь, я приду в вашу пещеру днем, когда вы спите, и спалю все дотла. Ясно?

Она кивнула. Маркиз отпустил ее, и Ламия шлепнулась на каменный пол. Тут же вскочив на ноги и выпрямившись во весь рост – а она была не особо высокого роста, – Ламия плюнула маркизу в лицо и, подхватив подол бархатного платья, помчалась вверх по лестнице. Ее шаги эхом разнеслись по каменному колодцу. Ледяная слюна потекла у маркиза по щеке. Он быстро вытер ее тыльной стороной ладони.

– Она хотела меня убить, – заикаясь, проговорил Ричард.

– Не сразу, – отозвался маркиз, пожав плечами. – Но в конце концов ты бы точно умер. Она бы высосала из тебя жизнь.

Ричард посмотрел на маркиза. Тот был весь в грязи. Темная кожа приобрела какой-то пепельный оттенок. Плащ пропал. Вместо него на плечи было накинуто старое одеяло – на манер пончо. За спиной болталось что-то вроде сумки или рюкзака – Ричард не мог разглядеть, что именно. Сапоги тоже пропали, маркиз стоял босиком. Шея была плотно обмотана какой-то грязной тряпкой, и Ричард вдруг подумал, что все-таки у маркиза на редкость странная манера одеваться.

– Мы тебя искали, – сказал Ричард.

– И наконец нашли, – просипел маркиз.

– Мы надеялись, что встретим тебя на рынке.

– Знаю. Некоторые думали, что я умер. Поэтому пришлось, что называется, залечь на дно.

– А почему... почему некоторые думали, что ты умер?

Маркиз посмотрел на Ричарда глазами, которые слишком многое повидали.

– Потому что эти некоторые меня убили, – просто сказал он. – Идем. Надо догнать остальных.

Ричард глянул вниз, в колодец. Дверь и Охотница успели спуститься уже далеко. Они шли, озираясь по сторонам, словно кого-то искали. «Наверное, меня», – подумал Ричард. Он крикнул и помахал им, но они его не услышали. Маркиз положил руку ему на плечо.

– Гляди, – прошептал он и указал туда, куда Дверь и Охотница еще не добрались.

Кто-то притаился в тени. Приглядевшись, Ричард различил в сумраке колодца две фигуры.

– Круп и Вандемар, – сказал маркиз. – Это ловушка.

– Что же делать?

– Беги! – прохрипел маркиз. – Предупреди Дверь и Охотницу! Я пока не могу бегать... Да беги же, черт тебя подери!

И Ричард побежал. Он мчался так быстро, как только мог, – вниз, вниз, по каменной винтовой лестнице, которая вела, наверное, к самому центру земли. У него колело в легких, но он все бежал и бежал.

Вот наконец последний поворот, и Ричард увидел Дверь и Охотницу.

– Охотница! Дверь! – задыхаясь, закричал он. – Стойте! Там засада!

Дверь резко обернулась. Круп и Вандемар выступили из тени. Мистер Вандемар тут же заломил Двери за спину руки и связал запястья нейлоновым шнуром. Мистер Круп держал в руках что-то длинное, в коричневом матерчатом чехле – в таком отец Ричарда хранил свою удочку. Охотница остановилась, раскрыв рот. Ричард крикнул:

– Ну же, Охотница! Чего ты ждешь?

Она кивнула, развернулась, взмахнула ногой, как балерина, – и ударила Ричарда в живот. Он упал и откатился в сторону, задыхаясь и хватаясь за живот руками.

– Как ты могла?! – тяжело дыша, воскликнул он.

– А вот так, – отозвалась Охотница и отвернулась.

Ричарду было очень больно. Но боль от ее предательства была еще сильнее.

Мистер Круп и мистер Вандемар не обращали на Ричарда и Охотницу ни малейшего внимания. Мистер Вандемар связывал Двери руки, а мистер Круп спокойно за этим

наблюдал.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы вы считали нас кровожадными негодяями, – весело сказал мистер Круп. – Мы не собираемся перерезать вам глотку. Мы, в некотором роде, ваш VIP-эскорт.

– Только сисек у нас нет, – смущенно сказал мистер Вандемар.

Мистер Круп повернулся к своему напарнику:

– «Эскорт» означает «сопровождение», мистер Вандемар. Я просто хотел сказать, что мы будем сопровождать юную леди в ее нелегком пути, чтобы с ней ничего не случилось. Не беспокойтесь, я и не думал сравнивать вас ни с дорогостоящей проституткой, ни с уличной шлюхой.

Однако мистер Вандемар не успокоился.

– Ты же сказал: эскорт, – пробормотал он. – А я знаю, что это такое.

– Забудьте об этом, мистер Вандемар. Считайте, что я оговорился. Мы просто будем сопровождать юную леди, охранять ее. Показывать дорогу.

Мистер Вандемар почесал нос кольцом с черепом ворона.

– Ну ладно, – сказал он.

Охотница стояла у стены, отвернувшись от всех. Ричард все еще лежал на полу и, тяжело дыша, корчился от боли. Мистер Круп снова повернулся к Двери и улыбнулся, обнажив зубы.

– Вы поняли, леди Дверь? Мы будем вас охранять. Следить, чтобы с вами ничего не случилось.

Дверь даже не взглянула на него.

– Охотница, – сказала она, – что происходит?

Но та ничего не ответила. Даже не обернулась.

Мистер Круп улыбнулся еще шире.

– Видите ли, прежде чем Охотница согласилась работать на вас, ее нанял наш босс. Нанял для того, чтобы она вас охраняла.

– Мы же тебе говорили, – усмехнулся мистер Вандемар. – Мы же говорили, что среди вас есть предатель. – Он закинул голову назад и протяжно, по-волчьи, завыл.

– Я думала, вы имели в виду маркиза, – сказала Дверь.

В притворной задумчивости мистер Круп почесал свою голову с редкими рыжими волосами.

– Кстати о маркизе. Интересно, куда он подевался? Может, решил отдохнуть, предаться *покою*? Как вы думаете, мистер Вандемар?

– Да, *покою*, мистер Круп. *Покойнее* и быть не может.

Мистер Круп откашлялся, словно собирался читать лекцию, и объявил:

– Да, отныне мы вполне можем называть маркиза *покойным*. Так что он скорее...

– Мертв, – закончил за него мистер Вандемар. – Мертвее не бывает.

Ричарду наконец-то удалось отдышаться.

– Продажная сволочь! – прохрипел он.

Охотница опустила глаза:

– Ничего личного.

– У кого ключ, который вы забрали у черных монахов? – спросил мистер Круп.

– У меня, – ответил Ричард. – Можете меня обыскать. Впрочем, я сам его отдам.

Он порылся в карманах (в заднем кармане лежало что-то знакомое и твердое, но сейчас не было времени посмотреть, что это) и достал ключ от своей квартиры. С трудом поднявшись на ноги, он подошел к Крупу и Вандемару.

– Вот он.

Мистер Круп взял у него ключ.

– Вы только подумайте! – воскликнул он, даже не взглянув на ключ. – Право же, я почти готов поддаться на эту уловку, мистер Вандемар. – Он передал ключ своему напарнику.

Мистер Вандемар зажал ключ между большим и указательным пальцами и смял его, словно он был из фольги.

– Тебя снова обманули, – сказал он мистеру Крупу.

– Накажите его, мистер Вандемар, – приказал тот.

– С удовольствием, мистер Круп, – отозвался мистер Вандемар и с силой ударил Ричарда в коленку.

Ричард снова повалился по каменный пол. Откуда-то издалека донесся наставительный голос мистера Вандемара:

– Люди думают, что главное – ударить посильнее. Но это неверно. Чтобы было больно, необязательно бить сильно. Главное – знать, куда бить. Можно ударить совсем чуть-чуть, – например, вот так... – он ударил Ричарда в левое плечо.

Левая рука тут же отнялась. Острая боль разлилась по всему телу. Руку будто охватило пламя или сковало льдом. Или кто-то ткнул в нее электрошокером, включив его на полную мощность. Ричард застонал. А мистер Вандемар продолжил свою лекцию:

– ...Но больно будет точно так же, как и от вот такого удара, хотя он и гораздо сильнее... – Он пнул Ричарда в бок.

Ричард вскрикнул и зарыдал. Ему очень хотелось сдержать слезы, но он не смог.

– Ключ у меня, – вмешалась Дверь.

– Если бы у тебя нашелся складной швейцарский нож, – с сожалением сказал мистер Вандемар Ричарду, – я бы тебе показал, что можно с ним вытворять. Впрочем, сгодились бы и открывалка. И даже та штуковина, с помощью которой выковыривают камни из подков.

– Хватит, мистер Вандемар. Потом расскажете ему про швейцарский нож. Надо проверить, у нее ли статуэтка. – Мистер Круп порылся у Двери в карманах и вскоре вытащил обсидиановую статуэтку Зверя, которую дал ей ангел.

Тут послышался тихий, гортанный голос Охотницы:

– Про меня не забыли? Где то, о чем мы договаривались?

Презрительно фыркнув, мистер Круп бросил ей футляр для удочек. Она поймала его одной рукой.

– Удачной охоты, – сказал мистер Круп.

С этими словами он повернулся, и они с мистером Вандемаром зашагали вниз по лестнице, уводя с собой Дверь. Ричард лежал на полу и смотрел им вслед. Его охватило отчаяние.

Встав на колени, Охотница раскрыла футляр. Глаза у нее сияли.

– Что это? – простонал Ричард. – Тридцать сребреников?

Она медленно вынула копье из футляра и с восхищением провела по нему рукой – так, будто гладила животное.

– Копье, – просто ответила она.

Оно было отлито из красновато-желтого металла, похожего на бронзу. Одна сторона длинного лезвия была очень острой, другая – с зазубринами. На позеленевшем от времени древке выгравированы причудливые узоры, орнаменты, диковинные звери. Копье было футов пять длиной – от острия до конца древка. Охотница гладила его с таким благоговением, словно ничего красивее в жизни не встречала.

– Ты продала Дверь за какое-то копье! – воскликнул Ричард.

Охотница молча облизнула указательный палец своим розовым язычком, потом провела пальцем по лезвию, чтобы проверить, насколько оно острое, и радостно улыбнулась – отлично заточено.

– Ты меня убьешь? – спросил Ричард и даже удивился тому, что смерть вдруг показалась ему совсем не страшной, по крайней мере *такая* смерть.

Охотница посмотрела на Ричарда. Сейчас она казалась на редкость радостной и довольной, невероятно красивой и очень опасной.

– Большая честь – убить Ричарда Мэхью! – усмехнулась она. – Нет, ты меня не интересуешь. Меня ждет настоящая охота.

– Ты собираешься убить этим копьём Великого Лондонского Зверя, да? – спросил он. Охотница посмотрела на копьё так, как ни одна женщина ещё не смотрела на Ричарда.

– Говорят, этим копьём можно убить кого угодно.

– Дверь доверяла тебе! И я тоже!

Она посерьезнела.

– Ну хватит уже.

Невыносимая боль начала утихать, хотя плечо, бок и колено по-прежнему сильно ныли.

– На кого ты работаешь? Куда они повели Дверь? Кто стоит за всем этим?

– Давай же, Охотница! Скажи ему всю правду, – прохрипел маркиз Карабас.

Он стоял в нескольких футах от Охотницы, нацелив на нее арбалет.

– А я все гадала, правда ты умер, или Круп и Вандемар соврали, – сказала Охотница, не повернув головы. – Мне казалось, тебя непросто убить.

Он с иронией поклонился, но не отвел взгляда и не опустил арбалет.

– Мне тоже всегда казалось, что тебя непросто убить. Но если моя стрела вонзится тебе в горло и ты упадешь с лестницы – то скорее всего, помрешь. Положи копьё и сделай шаг назад.

Охотница осторожно положила копьё на каменный пол, встала и отошла в сторону.

– Расскажи ему, Охотница, – велел маркиз. – Я-то сам все знаю. Непросто, конечно, было выяснить, кто все это затеял, но что ж делать. Скажи ему, кто стоит за всем этим.

– Ислингтон, – сказала Охотница.

Ричард замотал головой, словно пытался отогнать назойливую муху.

– Не может быть, – сказал он. – Я видел Ислингтона. Он ангел! – Помолчав, он спросил: – Но что ему нужно?

Маркиз не сводил глаз с Охотницы. Арбалет по-прежнему был направлен ей в грудь.

– Если б я знал! Я знаю только, что Ислингтон сидит сейчас там, внизу, ждет Дверь. И что это он все затеял. А между нами и Ислингтоном огромный лабиринт, а в нем – Зверь. Ричард, возьми копьё. Охотница, ты пойдешь передо мной.

Ричард дотянулся до копьё и, опершись о него, с трудом поднялся на ноги.

– Хочешь, чтобы она пошла с нами? – удивился он.

– А ты хочешь, чтобы она пошла *за* нами? – сухо спросил маркиз.

– Ты ее чуть не убил, – заметил Ричард.

– Я бы убил, если бы не было выбора, – отозвался маркиз. – Но выбор был, а в таких случаях я предпочитаю не торопиться. Ведь человека невозможно вернуть к жизни.

– Да? – спросил Ричард.

– Ну, бывают исключения, – сказал маркиз Карабас.

И все трое стали спускаться дальше.

Глава XVI

Несколько часов они молча спускались по извивающейся спиралью улице. Ричард прихрамывал, все тело у него болело. Он был раздавлен, морально и физически. Повержен, разбит, предан. Ламия чуть не высосала его жизнь, мистер Вандемар избил, он чуть не лишился рассудка, когда полз по доске, переброшенной над бездной. Но Ричард понимал: все, что он пережил, – пустяки по сравнению с тем, что выдержал маркиз. А потому помалкивал.

Маркиз тоже не проронил ни слова – говорить было слишком больно. Впрочем, он и не хотел говорить: пусть рана затягивается, а он сосредоточится на Охотнице. Он сознавал: стоит ему на секунду отвлечься, как она это почувствует, воспользуется мгновением и убьет их. А потому помалкивал.

Охотница шла впереди и тоже помалкивала.

Наконец они добрались до конца Даун-стрит. Улица упиралась в гигантские ворота, сложенные из огромных серых камней. *Их построили великаны*, подумал Ричард. Ему

вспомнились легендарные короли минувших времен, вспомнился Бран⁵², вспомнились братья Гог и Магог⁵³, у которых руки были как столетние дубы, а головы размером с утес. Створки ворот давно проржавели и рассыпались. Обломки хрустели под ногами, свисали с петель, каждая из которых была выше человеческого роста.

Маркиз сдавленно крикнул Охотнице, приказывая остановиться. Потом облизнул засохшие губы и сказал:

– Здесь кончается Даун-стрит и начинается лабиринт. За лабиринтом – ангел Ислингтон. В лабиринте – Зверь.

– В голове не укладывается, – пробормотал Ричард. – Ислингтон... Я же его видел. Он ангел. Самый настоящий ангел.

Маркиз горько усмехнулся.

– Когда ангелы встают на путь зла, хуже не бывает. Если ты забыл: Люцифер тоже был ангелом.

Охотница подняла на Ричарда свои зелено-карие глаза.

– Цитадель Ислингтона – его тюрьма, – проговорила она. Это были ее первые слова за несколько часов. – Он в ней пленник.

– Я так понимаю, лабиринт и Зверь нужны для того, чтобы отпугивать любопытных, – прохрипел маркиз, обращаясь к Охотнице.

Она кивнула:

– Я тоже так думаю.

Ричард повернулся к маркизу. Накопившиеся ярость, отчаяние, злость вдруг прорвались наружу.

– Чего ты с ней вообще разговариваешь?! Почему она идет с нами?! Она предала нас. А сама намекала, что предатель – ты!

– Я спасла тебе жизнь, Ричард Мэхью, – тихо заметила Охотница. – И не однажды. На мосту, в метро. И совсем недавно, когда ты полз по доске.

Она посмотрела ему в глаза, и Ричард отвел взгляд.

По туннелям эхом разнесся страшный рев. От этого рева, или, точнее, рыка у Ричарда по коже побежали мурашки. Звук шел издалека, но это было единственное, что утешало. Он сразу вспомнил, что именно этот звук слышал во сне. Но сейчас рев не показался ему похожим на рев буйвола или кабана, скорее – на рык льва, рычание дракона.

– Лабиринт – самая старая часть Нижнего Лондона, – сообщил маркиз. – Когда король Лудд основал поселение на болотистых берегах Темзы, лабиринт уже существовал.

– Но Зверя еще не было? – спросил Ричард.

– Нет.

Ричард помолчал, прислушиваясь к отдаленному реву.

– Я... я видел Зверя во сне...

Маркиз удивленно вскинул бровь.

– В каком сне?

– В кошмарном.

Маркиз некоторое время раздумывал. Его белки поблескивали в темноте.

– Послушай, Ричард, – сказал он, – Охотницу я беру на себя. Ты можешь остаться здесь, если хочешь. Никто не посчитает тебя трусом.

Ричард покачал головой. Бывают такие ситуации, когда выбора нет.

– Нет. Я не отступлюсь. Особенно теперь, когда они схватили Дверь.

– Ладно. Тогда идем.

Карамельные губы Охотницы исказила ухмылка.

⁵² Бран Благословенный – великан и король Британии в валлийской мифологии.

⁵³ Гог и Магог – великаны, покровители Лондона.

– Вы оба спятили. Вам никогда не выбраться из лабиринта, никогда не пройти мимо чудовища, если у вас нет фигурки Зверя. А у вас ее нет.

Маркиз сунул руку под одеяло, накинутое на плечи, и вытащил обсидиановую статуэтку, которую подобрал в кабинете Портико.

– Ну почему же? – усмехнулся он и подумал, что стоило вытерпеть все, что он пережил за последнюю неделю, хотя бы ради того, чтобы увидеть на лице Охотницы такое выражение.

Они прошли в ворота и оказались в лабиринте.

* * *

Руки у Двери были связаны за спиной. Мистер Вандемар подталкивал ее вперед. Его лапища, унизанная крупными кольцами, лежала у нее на плече. Мистер Круп шагал впереди с обсидиановой статуэткой, которую отобрал у Двери, и воровато оглядывался по сторонам, словно лис, пробирающийся к курятнику.

Лабиринт был совершенно фантастическим. Он состоял из осколков Верхнего Лондона – переулков, переходов, тупиков, – потерянных и забытых, которые в течение тысячи лет исчезали из Верхнего мира и попадали сюда. Круп, Вандемар и их пленница шли по мощеным мостовым, через грязь и мусор, по прогнившим деревянным тротуарам. Они шли через день и ночь, по улицам, освещенным газовыми рожками, натриевыми лампами, факелами, – тут все постоянно менялось, улицы неожиданно разделялись надвое, шли по кругу.

Статуэтка в руке мистера Крупа дрогнула, и он пошел туда, куда она его повела. Они оказались в узком проулке. Когда-то это были викторианские трущобы, где было поровну всего – и воровства, и грошового джина, и двухгрошового обмана, и трехгрошового секса. И тут они услышали его тяжелое дыхание. А потом он взревел – низко и жутко. Мистер Круп на секунду замер, а потом бросился вперед, взбежал по деревянной лестнице и помчался дальше. В конце проулка он остановился, с сомнением огляделся и повел своих спутников вниз по ступеням в длинный каменный туннель, который когда-то – во времена тамплиеров – вел через болотистую местность у реки Флит.

– Вы боитесь! – заметила Дверь.

Он бросил на нее свирепый взгляд.

– Придержи язык.

Она натянуто улыбнулась.

– Боитесь, что статуэтка не спасет вас от Зверя, так? Что вы задумали? Решили похитить Ислингтона и продать нас обоих тому, кто предложил хорошую цену?

– Молчать! – бросил мистер Вандемар, а мистер Круп хихикнул.

И тут Дверь поняла, что Ислингтон не на ее стороне.

– Эй! Зверь! – заорала она. – Мы здесь! Йо-хо! Зве-ерь!

Вандемар схватил ее за горло и ударил головой о стену.

– Я же просил помалкивать, – спокойно промолвил он.

Она ощутила металлический вкус, сплюнула кровь в грязь под ногами и снова собралась закричать, но мистер Вандемар это предвидел. Он вытащил из кармана носовой платок и затолкал ей в рот. Дверь со всей силы укусила его за палец, но он этого словно не почувствовал.

– Вот теперь будешь вести себя тихо, – сказал он.

Мистер Вандемар гордился своим носовым платком в зеленых, коричневых и черных пятнах. Когда-то он принадлежал толстяку, торговавшему нюхательным табаком в первой четверти девятнадцатого века. Он умер от апоплексического удара, и его похоронили с носовым платком в кармашке. Мистер Вандемар знал, что некоторые пятна на ткани остались от толстяка, но все равно очень любил этот платок.

Дальше они шли молча.

* * *

За лабиринтом, в каменном зале, служившем и цитаделью и тюрьмой, ангел Ислингтон пел. Он не пел уже несколько тысяч лет, хотя голос у него был прекрасный: нежный, мелодичный – и, как у всех ангелов, красивого тембра. Он пел песню Ирвинга Берлина⁵⁴ и танцевал по залу, залитому светом сотен свечей, медленно покачиваясь в такт собственному пению.

Он пел:

Heaven, I'm in Heaven,
And my heart beats so that I can hardly speak...⁵⁵

Ислингтон остановился перед огромной дверью из черного камня в раме черного серебра. Коснулся пальцами гладкой поверхности, прижался к холодному камню щекой. И снова запел, но уже тише, совсем тихо:

Heaven...
I'm in Heaven...
I'm in Heaven...
I'm in Heaven...

Он улыбнулся нежной, ласковой улыбкой ангела – и улыбка эта была чудовищна. Он повторял слова снова и снова, они рассыпались на слоги и замирали в пустом холодном зале, во тьме, едва рассеиваемой светом свечей.

– Я на небесах... – сказал он.

* * *

Ричард вернулся к своему воображаемому дневнику.

«Сегодня я заглянул в бездну, пережил поцелуй смерти и еле вынес побои. И сейчас пробираюсь по лабиринту вместе с безумцем, который воскрес из мертвых, и телохранительницей, которая оказалась совсем не телохранительницей, а... чем-то совершенно противоположным. Я совсем запутался, словно...»

Он не сумел придумать подходящее сравнение. Быть может, потому, что оказался за пределами мира метафор и сравнений – в мире реальных вещей, в котором и сам изменился.

Они шли по узкой болотистой дороге между двух темных каменных стен. Держа в одной руке фигурку Зверя, а в другой – арбалет, маркиз следовал за Охотницей футах в десяти, стараясь не приближаться. Позади, с копьем и факелом, который маркиз вытащил откуда-то из-под одеяла, заменившего ему плащ, шел Ричард и тоже соблюдал дистанцию. От болота поднималась невыносимая вонь, тучи гигантских комаров кружились вокруг

⁵⁴ Ирвинг Берлин (Irving Berlin; наст. имя Израиль Исидор Бейлин, Израиль Моисеевич Бейлин; 1888–1989) – американский композитор, автор более 900 песен, 19 мюзиклов и музыки к 18 кинофильмам.

⁵⁵ Песня «Cheek to Cheek» впервые исполнена Фредом Астером в фильме «Top Hat», начинается словами: «Я на небесах, и мое сердце трепещет от счастья...».

Ричарда, садились на руки, ноги, лицо, вонзали в него свои хоботки. Кожа на месте укусов вспухала и страшно чесалась. Однако ни Охотница, ни маркиз на комаров не жаловались.

Ричарду казалось, что они давно заблудились. Настроение у него было мрачное. Тут и там в болотной жиже виднелись человеческие останки: ссохшиеся тела, бесцветные кости, белесые, распухшие от воды трупы – и это не добавляло оптимизма. Он гадал, давно ли здесь лежат и отчего умерли эти люди – от клыков Зверя или от комариных укусов? Он молча терпел еще пять минут (насчитав одиннадцать свежих укусов), но потом не выдержал:

– Мы заблудились, – объявил он. – Я уверен, мы здесь уже проходили.

Маркиз поднял повыше обсидиановую фигурку.

– Нет. Статуэтка приведет нас, куда надо. Полезная вещьца.

– Ага, – проворчал Ричард. Он не очень-то верил в силу фигурки. – Страшно полезная.

И вдруг маркиз наступил босой пяткой на раздробленные кости грудной клетки, наполовину скрытые в грязи, споткнулся и выронил статуэтку. Черная фигурка Зверя описала в воздухе широкую дугу и с тихим всплеском нырнула в черную болотную жижу, как рыбка, ускользнувшая из рук рыбака. Маркиз выпрямился и нацелил арбалет в спину Охотницы. Морщась от резкой, горячей боли, подумал: «Хоть бы порез был неглубокий». Он и так потерял слишком много крови.

– Ричард! – окликнул он. – Иди сюда. Я ее уронил.

Ричард пошел к нему, разглядывая болотную жижу, надеясь, что в свете ракеты блеснет черный обсидиан.

– Нагнись, поищи в грязи.

Ричард застонал.

– Ты видел во сне Зверя, – проговорил маркиз. – Сомневаюсь, что ты хочешь встретить его наяву. Или я неправ?

Ричард не стал долго раздумывать. Он вонзил копье древком в грязь, рядом воткнул факел, дававший неровный желтый свет, опустился на четвереньки и начал искать статуэтку. Он шарил руками в липкой жиже, опасаясь, что вот-вот наткнется на костяные пальцы скелета или распухшее от воды лицо.

– Бесполезно. Ее не найти.

– Ищи.

Ричард попытался вспомнить, как вообще ищут. Стараясь ни о чем не думать, он принялся спокойно осматривать грязь – так, будто ничего не искал. Вдруг что-то сверкнуло в пяти футах левее. Это была фигурка Зверя.

– Нашел!

Он бросился к ней, шлепая в грязи. Фигурка лежала в луже черной воды. Может быть, из-за того, что его шаги потревожили болотную жижу, а может быть, сработал пресловутый закон подлости (сам Ричард склонялся ко второй версии), однако как только он подскочил к фигурке, раздалось бульканье, словно у кого-то заурчало в животе, рядом со статуэткой вспух огромный пузырь, с тихим хлопком лопнул – и она исчезла.

Ричард опустился на колени, погрузил руки в грязь и стал отчаянно шарить, уже не думая о том, что ему могут попасться чьи-то костлявые пальцы. Тщетно. Болото поглотило обсидиановую статуэтку навсегда.

– И что теперь будет? – спросил Ричард.

Маркиз вздохнул.

– Иди сюда. Что-нибудь придумаем.

– Поздно, – прошептал Ричард.

Он приближался – так медленно, что сперва Ричарду показалось, что Зверь стар, болен и что он умирает. Но это только сперва. А потом Ричард вдруг осознал, какое расстояние Зверь покрывает за одну секунду. Глядя, как он бежит, взметая фонтаны грязной воды, Ричард понял, что был неправ, – Зверь быстр, как ветер. В тридцати футах от них Зверь с тихим рыком остановился. От его боков валил пар. Он взревел – победно, призывно. Обломки копий, мечей, ножей торчали из его шкуры. В желтом свете ракеты пылали его

алые глаза, сверкали клыки, поблескивали копыта.

Зверь склонил свою крупную голову. Ричард подумал, что он похож на кабана, – но нет, это немыслимо – таких гигантских кабанов не бывает! Он был размером с быка, со слона – огромный, как сама жизнь. Зверь уставился на них, и время остановилось – замерло на сотню лет, которая пролетела за двенадцать ударов сердца.

Охотница опустилась на колено и ловко вытянула из болота копье – оно высвободилось с чавкающим звуком. А потом прошептала:

– Наконец-то! – и в голосе ее звучала радость.

Она забыла обо всем: о Ричарде, увязшем по колено в грязи, о маркизе с его дурацким арбалетом – она забыла обо всем на свете. Это был восторг, ликование – она наконец-то оказалась в своем мире, том, где существовали только двое: Зверь и Охотник. И Зверь это почувствовал. Идеальная пара – охотник и добыча. А кто из них кто – решит время, время и танец.

Зверь ринулся на нее.

Охотница выжидала до тех пор, пока он не подобрался так близко, что она ясно различила клочья пены на его губах, а потом нанесла удар. Но уже пытаясь вонзить копье в его шкуру, она вдруг поняла, что опоздала – на долю секунды, но опоздала, – и копье выпало у нее из рук, а клык Зверя, острый как бритва, вспорол ей бок. Она почувствовала на себе вес его огромной туши, и его тяжелые копыта раздробили ей руку, бедро, ребра. А потом он скрылся, растворился в темноте. Танец закончился.

* * *

Мистер Круп ни за что бы этого не признал, но он испытал огромное облегчение, когда они выбрались из лабиринта целыми и невредимыми: и он, и мистер Вандемар, и их добыча. Они оказались перед скалой. В ней были крепкие дубовые двери, в одну створку которых было вставлено овальное зеркало.

Мистер Круп коснулся поверхности своей грязной лапой. Зеркало затуманилось, зашипело, вспенилось, как кипящая ртуть, и вдруг стало прозрачным. Из его глубины на них смотрел ангел Ислингтон. Мистер Круп откашлялся.

– Доброе утро, сэр. Это мы. И с нами та юная особа, которую вы хотели видеть.

– А ключ?

Казалось, нежный голос ангела доносится не из зеркала, а неизвестно откуда. Он звучал со всех сторон.

– Ключ болтается на ее лебединой шейке, – ответил мистер Круп. Он не хотел выказывать нетерпения, но голос предательски дрогнул.

– Войдите, – разрешил ангел.

Дубовые двери отворились, и они вошли.

* * *

Все произошло стремительно: Зверь появился из темноты, Охотница подхватила копье, он налетел на нее и снова растворился в темноте.

Ричард прислушался – и ничего не услышал, только где-то капала вода – кап, кап, кап, – а еще пронзительно звенели комары, и этот звон сводил с ума. Охотница лежала в грязи. Одна рука у нее была неестественно вывернута. Ричард подполз к ней, шлепая по вонючей жиже.

– Охотница! Ты меня слышишь? – тихо спросил он.

Сперва было тихо, но потом он услышал шепот – такой слабый, что он подумал, ему послышалось.

– Да.

Маркиз по-прежнему стоял в сторонке, прислонившись к каменной стене.

– Ричард, не двигайся! – крикнул он. – Зверь вернется. Он просто затаился.

Ричард не стал его слушать. Он думал только об Охотнице.

– Ты... – начал он и вдруг понял, что спрашивать такое ужасно глупо, но все равно спросил: – Ты в порядке? – Ее окровавленные губы растянулись в улыбке, она рассмеялась и покачала головой. – У вас тут, внизу, есть врачи? – спросил он маркиза.

– Таких, как наверху, нет. Есть целители, лекари, костоправы...

Охотница закашлялась, морщась от боли. Из рта у нее потекла алая артериальная кровь.

Маркиз подошел ближе.

– Может, ты где-нибудь спрятала свою жизнь? – спросил он.

– Я Охотница, – высокомерно прошептала она. – Такие фокусы не для меня... – Она с усилием вдохнула и тяжело выдохнула – дышать становилось все труднее. – Ричард, ты умеешь обращаться с копьем?

– Нет.

– Возьми его.

– Но...

– Давай же, – настойчиво проговорила она. – Возьмись за древко.

Ричард поднял копье.

– Ну, как его взять, я бы и сам догадался.

По ее лицу скользнула тень улыбки.

– Вот и отлично.

– Слушай, – начал Ричард, в очередной раз чувствуя себя единственным вменяемым человеком среди сумасшедших, – потерпи немного. Надо затаиться, подождать – может, Зверь уйдет. Мы попытаемся тебе помочь.

И в очередной раз сумасшедшие не стали его слушать.

– Я совершила плохой поступок, Ричард Мэхью, очень плохой, – печально прошептала Охотница. – Из-за того, что так сильно хотела убить Зверя. И мне нужно было копье.

Она медленно поднялась на ноги. Только теперь Ричард понял, как сильно она пострадала. Он боялся даже вообразить, с какой болью ей придется бороться. Ее правая рука висела плетью, из-под кожи пугающе торчала белая кость. Глубокая рана в боку кровоточила. И с грудной клеткой явно было *что-то не так*.

– Зачем ты встала?! Ложись! – прошипел он, но безрезультатно.

Левой рукой Охотница сняла с пояса нож, вложила его в правую руку и сжала безжизненные пальцы вокруг рукоятки.

– Я совершила плохой поступок, – повторила она. – И постараюсь его искупить.

– М-м-м-м-м, – вдруг загудела она. – М-м-м-м...

Звук становился то выше, то ниже. А потом она нашла нужный тон, отдававшийся эхом от всех стен, труб – всего вокруг. Охотница продолжала издавать этот звук до тех пор, пока он не заполнил весь лабиринт. Тогда она остановилась, набрала воздух в раздавленные легкие и закричала:

– Эй! Зверь! Где ты?

Вокруг была тишина. Только слышалось, как капает вода. Даже комары притихли.

– Может быть, он... ушел? – предположил Ричард, крепко сжимая копье.

– Вряд ли, – пробормотал маркиз.

– Выходи, трус! – закричала Охотница. – Ты нас испугался?

Прямо перед ними раздался низкий рев. Зверь возник из темноты и снова помчался к ним. В этот раз они не имели права на ошибку. *Танец еще не окончен*, подумала Охотница.

Зверь бежал на нее, выставив вперед рога.

– Ричард, давай! Снизу вверх! *Бей!* – закричала Охотница, и тут Зверь налетел на нее, и она зашлась в отчаянном вопле.

Ричард видел, как Зверь шагнул в круг света. Дальше все происходило медленно, словно во сне, – точно так же, как во всех его кошмарах. Зверь был так близко, что Ричард

чуял его запах, животный запах крови и навоза, чувствовал исходящее от него тепло. И он со всей силы вонзил копьё ему в бок. Оно пробило шкуру, прошло глубоко внутрь.

Раздался рык, затем рев. И в этом реве были боль, отчаяние и ненависть. А потом наступила тишина.

Ричард слышал, как сильно бьется его собственное сердце, слышал, как капает вода, слышал звон комаров. Он вдруг заметил, что все еще цепляется за копьё, вонзенное в неподвижное тело Зверя. Ричард разжал руку и, пошатываясь, обошел тушу, чтобы посмотреть, что с Охотницей. Падая, зверь придавил ее. Ричард понял, что пытаться ее вытащить бесполезно – она может просто этого не выдержать, а потому он изо всех сил навалился на тушу. Зверь весил не меньше, чем танк, но Ричарду все же удалось наполовину сдвинуть его с Охотницы.

Она лежала на спине. Глаза ее были открыты, но смотрели в никуда, и Ричард догадался, что она уже ничего не видит.

– Охотница, – прошептал он.

– Да, Ричард Мэхью.

Ее голос звучал как будто издалека. Она не перевела на него взгляд, не попыталась на него посмотреть.

– Он издох?

– Кажется, да. По крайней мере, не шевелится.

Она залилась смехом – необычным, странным смехом, словно услышала самую смешную охотничью шутку. И сквозь безумный хохот, временами прерывавшийся резким кашлем, объяснила Ричарду, что ее насмешило.

– Ты убил Зверя. Так что теперь ты – лучший охотник Нижнего Лондона. Ты Воин... – Она вдруг перестала смеяться. – Я не чувствую рук. Возьми мою правую руку.

Ричард нащупал ее кулак под тушей Зверя и сжал похолодевшие пальцы. Кулак Охотницы показался ему на удивление маленьким.

– Нож там? – прошептала она.

– Да.

Он нащупал холодное, липкое лезвие.

– Возьми его. Он твой.

– Но мне не нужен...

– *Возьми!*

Он разжал ее пальцы и забрал нож.

– Теперь он твой, – повторила Охотница, едва шевеля губами. Взгляд ее затуманился.

– Он верно служил мне. Вытри с него кровь... чтобы не заржавел... охотник должен заботиться о своем оружии. – Она судорожно вздохнула. – А теперь... намажь кровью Зверя глаза... и язык.

Ричард подумал, что ослышался, – ведь это какой-то бред.

– Чего?

Он и не заметил, как к ним подошел маркиз. И чуть не подпрыгнул, когда тот прошептал ему в самое ухо:

– Делай, что она велит. Она права. Это поможет тебе выйти из лабиринта. Пошевеливайся.

Ричард провел рукой по копьё, нащупал рану в боку Зверя, окунул пальцы в его теплую липкую кровь. Чувствуя себя ужасно глупо, лизнул соленую кровь Зверя. Как ни странно, ему не было противно. Более того, он вдруг подумал, что это совершенно естественно, как попробовать морскую воду. Он провел окровавленными пальцами по векам и ощутил, как кровь жжется, словно пот.

– Намазал, – сказал он.

– Хорошо, – прошептала Охотница и умолкла навсегда.

Маркиз опустил на корточки и закрыл ей глаза. Ричард принялся вытирать нож о рубашку. Она просила вытереть нож. И он вытирает. Можно ни о чем не думать.

Маркиз встал.
– Идем, – сказал он.
– Мы не можем бросить ее здесь!
– Можем. Вернемся за ней позже.
Ричард до блеска натирал лезвие. Сам того не замечая, он плакал.
– А если не вернемся?
– Тогда кому-то другому придется позаботиться о наших останках. Включая тело леди Двери. Она, кстати, уже заждалась. – Ричард опустил глаза. В последний раз протер нож, засунул за ремень. Кивнул. – Давай, – сказал маркиз. – Иди. Я за тобой.
Ричард постоял немного и вдруг со всех ног бросился бежать.

* * *

Наверное, Охотница была права насчет крови Зверя, – другого объяснения быть не могло. Ричард мчался через лабиринт, который перестал быть для него лабиринтом. Он как будто знал каждый уголок, каждый поворот, каждый туннель, каждый проулок. Он бежал, спотыкаясь, тяжело дыша. Кровь стучала у него в висках. В голове монотонно звучала песенка, которую он слышал в детстве. Слова ложились в ритм шагов.

В эту ночь, да-да в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.

Она повторялась снова и снова, как заклинание. *Свечи горят, поленья трещат...*
Ричард пробежал лабиринт насквозь и оказался перед гранитной скалой, в которой была дубовая двустворчатая дверь. На одной створке поблескивало овальное зеркало.
Двери были закрыты. Ричард толкнул их, они бесшумно отворились.
И он вошел.

Глава XVII

Ричард прошел по проходу, по обе стороны которого горели свечи, в зал Ислингтона. Именно здесь они с ангелом пили вино – в огромном зале с восемью стальными колоннами, поддерживавшими каменный потолок, большой дверью из черного камня и серебра, старым деревянным столом и тысячами свечей.

Дверь была прикована за руки к двум колоннам возле черной каменной двери. Когда Ричард вошел, девушка посмотрела на него глазами, полными ужаса. Ангел Ислингтон, стоявший рядом с ней, повернулся и широко улыбнулся. В его улыбке читались сочувствие и теплота, и Ричарду стало страшно.

– Я ждал тебя, Ричард Мэхью. Я ждал тебя, – сказал ангел. – Какой кошмар! Ты выглядишь просто ужасно!

В его голосе слышалась искренняя забота. Ричард остановился.

– Прошу тебя, иди к нам. – Ангел поманил его к себе длинным бледным пальцем. – Думаю, тебе никого тут не надо представлять. С Дверью ты, разумеется, давно знаком. Да и моих помощников, мистера Крупа и мистера Вандемара, встречал уже не раз.

Ричард огляделся. Справа от него стоял мистер Круп, слева – мистер Вандемар. Вандемар улыбнулся Ричарду, Круп – нет.

– Я искренне надеялся, что ты все же заглянешь к нам, – продолжил ангел. Потом, склонив голову набок, спросил: – Кстати, а где Охотница?

– Она погибла, – ответил Ричард.
Дверь ахнула.
– Бедняжка! – сказал Ислингтон и печально покачал головой, словно сожалея о бессмысленной смерти, о бренности человеческого тела, о горьком уделе всех людей, обреченных на страдание и смерть.
– Ну что ж делать? – беззаботно проговорил мистер Круп. – Лес рубят – головы летят. Ричард старался не обращать внимания на этих негодяев.
– Дверь, ты в порядке?
– Пока что да. – Нижняя губа у нее распухла, на щеке красовался огромный синяк.
– К сожалению, – сказал Ислингтон, – леди Дверь оказалась слишком упрямой. Я вот как раз собирался приказать мистеру Крупу и мистеру Вандемару... – Он вдруг замолчал, судя по всему, ему неприятно было говорить о таких вещах.
– Хорошенько ее избить, – радостно подсказал мистер Вандемар.
– Ведь в конце концов, – заметил мистер Круп, – мы прославились на весь мир своим непревзойденным мастерством.
– Да, мы отлично умеем калечить людей, – пояснил Вандемар.
Ангел продолжил, не сводя глаз с Ричарда – и словно не слыша своих помощников:
– Впрочем, я всегда знал, что леди Дверь не из тех, кто быстро сдается.
– Дайте нам немного времени, – попросил мистер Круп. – Поверьте, мы знаем, как сделать ее более сговорчивой.
– Стукнем пару раз, она и заговорит, – сказал мистер Вандемар.
Снисходительно улыбнувшись, Ислингтон покачал головой.
– У меня нет времени, – сказал он Ричарду. – Совсем нет времени. А еще я уверен, что леди Дверь, скорее всего, согласится нам посодействовать, если это облегчит страдания ее друга, простого смертного, такого, как ты, Ричард...
Мистер Круп резко ударил Ричарда в живот, и тот согнулся пополам от невыносимой боли. Мистер Вандемар схватил его за шею и поднял.
– Так нельзя! – воскликнула Дверь.
Ислингтон задумался.
– Нельзя? – наконец удивленно спросил он.
Подавшись вперед, мистер Круп прошипел прямо в лицо Ричарду:
– Боюсь, он уже очень далек от таких категорий, как «можно» и «нельзя», как «добро» и «зло». Мистер Вандемар, может, присоединитесь ко мне?
Мистер Вандемар схватил Ричарда за левую руку, и, вывернув мизинец, сломал его. Ричард вскрикнул.
Ангел медленно повернулся к Ричарду. Казалось, его что-то отвлекло. Моргнув своими перламутрово-серыми глазами, он сказал:
– Мистер Круп, по-моему, у нас еще гости.
Мистер Круп тут же исчез.

* * *

Прижавшись к гранитной скале, маркиз Карабас неотрывно смотрел на дверь, которая вела к Ислингтону.

У него в голове пронеслась уже сотня планов – но, хорошенько обдумав, он отвергал их один за другим. Прежде ему казалось, что надо лишь добраться до этой двери, и он сразу поймет, что нужно делать. Но теперь выяснилось, что он понятия не имеет, как поступить, и маркиз страшно разозлился на самого себя. У него в запасе не осталось никаких фокусов, никаких козырей в рукаве, никаких хитростей и уловок, поэтому он просто стоял и смотрел на дверь, размышляя о том, есть ли у ангела охрана и узнает ли Ислингтон, если маркиз откроет дверь. Должно же быть какое-то простое решение, логичный выход. Ну ничего, может, он потом что-нибудь придумает. Хорошо хоть, эти негодяи не подозревают, что он

здесь.

И тут маркиз почувствовал, как кто-то приставил к его шее острый нож. Мистер Круп прошептал ему в ухо:

– Я ведь тебя уже один раз убил сегодня. Ну почему же люди никогда не учатся на своих ошибках?

* * *

Когда мистер Круп вошел в зал, подталкивая вперед маркиза Карабаса, Ричард тоже был уже прикован между двух колонн. Разочарованно взглянув на маркиза, ангел покачал головой.

– Вы говорили, что убили его, – заметил он.

– Ну да, убили, – отозвался мистер Вандемар.

– Но он воскрес, – объяснил мистер Круп.

– Не люблю, когда мне врут, – сказал ангел, и в его голосе было уже гораздо меньше теплоты и сострадания.

– Мы никогда не врем, – обиженно огрызнулся мистер Круп.

– Врем, – сказал мистер Вандемар.

Мистер Круп провел грязной рукой по своим жирным рыжим волосам.

– Иногда врем, но не сейчас.

У Ричарда по-прежнему адски болел сломанный палец.

– Как вы можете?! – сердито воскликнул Ричард. – Вы же ангел!

– Я же тебе говорил, – сухо заметил маркиз.

Ричард немного подумал.

– Ну да, ты сказал, что Люцифер тоже когда-то был ангелом.

Ислингтон презрительно улыбнулся.

– Люцифер? Люцифер – полный кретин. Чего он добился? Ничего! Король без королевства!

Маркиз усмехнулся.

– А у тебя вместо королевства – зал со свечками, а вместо подданных – два придурка-головореза! Какой молодец!

Ангел облизнул губы.

– Меня заключили сюда в наказание за Атлантиду. Я сказал, что ничего не мог поделать. Атлантиде просто... – Он задумался, словно подбирая нужное слово, потом с сожалением закончил: – ...просто не повезло.

– Но ведь погибли миллионы людей! – воскликнула Дверь.

Ислингтон театрально сжал руки, словно для молитвы, и стал похож на ангела с рождественской открытки.

– Что ж, такое случается, – спокойно проговорил он.

– Конечно, – отозвался маркиз без малейшей иронии в голосе. – Города уходят под воду каждый день. Ты тут совершенно ни при чем!

Казалось, эти слова разбудили в Ислингтоне что-то черное, злое, наполненное непередаваемой яростью и жестокостью. Ричард в жизни не видел ничего страшнее. Красивое лицо ангела вмиг переменилось. Глаза засверкали.

– *Они это заслужили!* – крикнул он, и в этом крике звучали безумие и непоколебимая вера в свою правоту.

В зале воцарилась тишина. Через некоторое время ангел опустил голову и вздохнул, потом снова поднял ее и тихо, печально проговорил:

– Такое случается, – потом указал на маркиза: – Прикуйте его к колоннам.

Круп и Вандемар проворно надели маркизу на руки кандалы и приковали его между колонн рядом с Ричардом. Ангел повернулся к Двери, подошел к ней, взял за подбородок и, подняв ей голову, заглянул в глаза.

– Ты из очень древнего рода, – тихо сказал он. – Очень необычного рода.

– Зачем же ты тогда убил всех моих родных?

– Ну почему же всех?

Ричард подумал, видимо, ангел имеет в виду, что она-то осталась жива, но тут Ислингтон продолжил:

– Ведь ты могла и не согласиться... мне помочь.

Он погладил ее по щеке длинными бледными пальцами.

– В твоём роду все умеют открывать двери. И создавать двери там, где их не было. Могут отпирать запертые двери. Даже те, которые отпирать нельзя. – Он любовно провел пальцами по ее шее и сжал ключ, висевший у нее на груди. – В моей темнице есть дверь, через которую можно выбраться на волю. Ее соорудили те, кто меня сюда посадил. А ключ от двери они отдали черным монахам, что живут здесь же, в Нижнем Лондоне. Изощренный способ заставить меня страдать. – Он потянул за цепочку, и серебряный ключ выскользнул из-под бесчисленных слоев кружев и оборок. Ислингтон с восхищением провел по нему кончиками пальцев.

И тут Ричарда осенило.

– Черные монахи берегли ключ *от тебя!*

Ислингтон отпустил ключ. Девушка была прикована рядом с огромной дверью из черного камня и потемневшего серебра. Ангел подошел к двери и провел по ней рукой. На фоне черного камня его рука казалась невероятно, ослепительно белой.

– Да, от меня, – согласился Ислингтон. – Ключ. Дверь. Тот, кто способен ее открыть. Жестокая, злая шутка. Когда я заслужу прощение, они пошлют мне того, кто откроет дверь, и ключ. Только зачем ждать? Я решил взять дело в свои руки и немного ускорить процесс.

Он снова повернулся к Двери и погладил ключ. Потом сжал его в руке и резко дернул. Цепочка порвалась. Дверь поморщилась.

– Сначала я поговорил с твоим отцом, Дверь, – продолжал ангел. – Его страшно волновала судьба Нижнего Лондона. Он хотел объединить все эти бесчисленные графства и вотчины – и, может быть, даже установить некую связь между Нижним и Верхним Лондоном. Я сказал, что помогу ему, если он поможет мне. Но когда я объяснил, чего хочу, Портико только посмеялся надо мной.

Ангел нахмурился и снова повторил последние слова, словно их смысл просто не укладывался в голове:

– Посмеялся. Надо мной.

Дверь покачала головой.

– И ты убил его за то, что он отказался тебе помогать.

– Я его не убивал, – мягко поправил Ислингтон. – Я лишь отдал соответствующий приказ.

– Но он же сказал, что тебе можно доверять! Он велел мне найти тебя. В своем дневнике.

Мистер Круп захихикал.

– Он ничего такого не говорил. Это всё мы. Мистер Вандемар, что он на самом деле сказал?

– Дверь, девочка моя, не доверяй Ислингтону, – сказал мистер Вандемар голосом ее отца. Сходство было потрясающее. – Ислингтон хочет убить нас всех. Он очень опасен, слышишь, Дверь? Не ходи к нему!..

Ислингтон провел по щеке девушки серебряным ключом.

– Я подумал, что, выслушав мою версию, ты окажешься у меня гораздо быстрее.

– Мы взяли дневник, изменили пару фраз и положили его на место, – сказал мистер Круп.

– А куда ведет эта дверь? – спросил Ричард.

– Домой, – ответил ангел.

– В рай?

Ислингтон ничего не ответил, только улыбнулся, – как кот, сожравший не только сметану и канарейку, но еще и курицу, которую хозяин приберег на обед, и крем-брюле в придачу.

– Думаешь, никто не заметит, что ты вернулся? – фыркнул маркиз. – Все скажут: «Ой, глядите, еще один ангел! Давай, хватай арфу и вперед, петь осанну!»

Серые глаза Ислингтона блеснули.

– Ну нет, восхваления, песнопения, гимны, хвалебные молитвы, – все это не для меня. У меня... свои планы.

– Что ж, теперь у тебя есть ключ, – сказала Дверь.

– И ты, – отозвался ангел. – Ты ведь единственная, кто может открыть эту дверь. Без тебя мне не попасть в рай. Открой мне дверь.

– Ты убил ее родных, – сказал Ричард. – Ты натравил на нее двух убийц. И теперь хочешь, чтобы она открыла тебе дверь на небеса? Знаешь, ты плохо разбираешься в людях! Она не станет тебе помогать!

Ангел пристально посмотрел на него своими глазами, которые были старше, чем Млечный путь.

– О нет, – сказал он и отвернулся, словно не желая видеть того, что сейчас произойдет.

– Вперед, мистер Вандемар! – воскликнул мистер Круп. – Отрежьте ему ухо!

Мистер Вандемар вскинул руку. В ней ничего не было. Он легко, почти незаметно взмахнул кистью, и в сумраке зала сверкнул нож, зажатый у него в кулаке.

– Я же говорил, что ты обязательно попробуешь на вкус свою печень, – сказал мистер Вандемар Ричарду. – Считаю, тебе повезло.

Он прижал лезвие к шее Ричарда, под самой мочкой уха, и осторожно потянул нож на себя. Ричард не почувствовал боли, – может быть, он уже успел к ней привыкнуть за сегодня, или просто нож был слишком острым. Зато почувствовал, как по шее тонкими струйками потекла кровь. Дверь смотрела на него, широко раскрыв свои опаловые глаза, в которых светился непередаваемый ужас. Ричард попытался мысленно крикнуть ей: *Держись! Не соглашайся ему помогать! Забудь обо мне!* Но тут мистер Вандемар снова провел ножом у него под ухом, на этот раз гораздо резче и с большим нажимом, и Ричард закричал.

– Пощадите его! – воскликнула Дверь. – Я открою дверь.

Ислингтон махнул своим помощникам, и мистер Вандемар, разочарованно вздохнув, убрал нож. Кровь стекала у Ричарда по шее и собиралась в лужицу над ключицей. Мистер Круп подошел к Двери и снял кандалы с ее правой руки. Какое-то время она стояла, потирая затекшее запястье, – маленькая фигурка между двух высоких, темных колонн. Ее левая рука была по-прежнему прикована к колонне, но все же теперь Дверь могла хоть как-то передвигаться. Она протянула свободную руку за ключом.

– Не забывай, – предупредил ее Ислингтон, – если что, твоим друзьям не поздоровится.

Дверь посмотрела на него с презрением и без малейшего страха, – не зря она была дочерью лорда Портико.

– Дайте ключ, – сказала она.

Ангел отдал ей серебряный ключ.

– Дверь, – воскликнул Ричард, – не надо! Не открывай! Неважно, что они с нами сделают. Наши жизни ничего не стоят!

– Вообще-то, – отозвался маркиз, – моя жизнь кое-чего стоит. Но он прав – не открывай!

Она глянула на Ричарда, потом перевела взгляд на маркиза, пристально посмотрела на кандалы на их руках, на цепи, обмотанные вокруг колонн. Она казалась совсем маленькой и очень хрупкой. Наконец Дверь отвернулась и, насколько позволяла цепь, шагнула к двери из черного камня в окладе из потемневшего серебра. В той двери не было замка. Девушка дотронулась до нее рукой и закрыла глаза, позволяя двери раскрыть свой секрет, – как ее можно открыть, куда вставить ключ. Она изо всех сил старалась настроиться на эту древнюю дверь, а когда опустила руку, в двери образовалась замочная скважина, которой раньше не

было. Из нее вырвался луч света – яркого и резкого. Этот луч, как лазер, разрезал сумрак зала.

Дверь вставила серебряный ключ в замочную скважину. Затем, немного помедлив, повернула его в замке. Раздался громкий щелчок, и сквозь щели брызнул яркий свет.

– Когда я уйду, – тихо сказал ангел мистеру Крупу и мистеру Вандемару – с невероятной теплотой, почти любовью, – можете их убить. Любым известным вам способом.

С этими словами он снова повернулся к двери, которую тем временем пыталась открыть девушка. Каменная дверь открывалась медленно и неохотно. На лбу у Двери выступил пот.

– Ну вот, ваш босс уходит, – сказал маркиз мистеру Крупу. – Надеюсь, он с вами расплатился.

Круп пристально посмотрел на маркиза.

– Что?

– Просто вряд ли вы с ним когда еще увидите, – подал голос Ричард. – Он не понял, что задумал маркиз, но решил Карабасу подыграть.

Мистер Вандемар медленно мигнул – его веки дернулись, как шторка в старинном фотоаппарате.

– Что?

Мистер Круп почесал подбородок.

– А эти потенциальные трупы правы, – сказал он своему партнеру и подошел к ангелу, который стоял у двери, сложив руки на груди. – Сэр, прежде чем вы вернетесь в отчий дом, давайте вспомним о том, что вы нам обещали.

Ангел повернулся и посмотрел на него с таким презрением, словно перед ним была мелкая букашка. Потом отвернулся. «Интересно, над чем он размышляет?» – подумал Ричард.

– Мы потом все обсудим, – наконец проговорил ангел. – Совсем скоро вы, мелкие, презренные твари, получите все, о чем мечтаете. Когда я завладею тронном.

– Значит, варенье, как обычно, потом, – сказал Ричард.

– Я не люблю варенье, – откликнулся мистер Вандемар. – От него живот пучит.

Мистер Круп поднял указательный палец.

– Кажется, босс решил нас помучить, – сказал он. – Не советую мучить мистера Крупа и мистера Вандемара. Мы никому такого не прощаем. И всегда берем то, что нам причитается.

Мистер Вандемар встал рядом с мистером Крупом.

– Сполна.

– С процентами! – рявкнул мистер Круп.

– И вкусной печенкой должника, – добавил мистер Вандемар.

– Даже если должник сидит в раю? – спросил Ричард.

Мистер Круп и мистер Вандемар подошли к задумавшемуся ангелу.

– Эй! – воскликнул Круп.

Дверь была открыта. Пусть не полностью, но открыта. Из щели струились потоки яркого света. Ислингтон шагнул вперед. Казалось, он мечтает о чем-то прекрасном. Свет падал ему на лицо, и ангел пил этот свет, точно вино.

– Не бойтесь, – успокоил он своих помощников. – Когда все мироздание окажется в моих руках, и они падут передо мной ниц, я награжу всех достойных и покараю своих мучителей.

Потом прошептал что-то себе под нос. Ричард не разобрал, что именно, однако это было очень похоже на: «И проклятого Гавриила в первую очередь».

Поднатужившись, девушка распахнула дверь. За ней был странный, ни на что не похожий мир – в бесконечной пустоте бушевал вихрь света. Ричард прищурился и отвернулся: оранжево-лиловое сияние было таким мощным, что на него невозможно было смотреть. *Неужели это рай?! – удивленно подумал он. – По мне, так больше похоже на ад!*

И тут он ощутил ветер.

Над его головой пролетела свеча и исчезла в дверном проеме. Потом еще одна. Потом еще и еще. Все свечи закружились по залу, одна за другой исчезая в дверном проеме. Казалось, весь зал засасывает туда, за дверь. И это был уже не просто ветер, Ричард сразу понял. У него заныли запястья под кандалами, – словно он вдруг стал весить в два раза больше, чем раньше. Внезапно Ричард заметил резкую перемену в перспективе: теперь он как будто висел *над* дверью, а она была далеко *внизу*. Так что все улетало в дверной проем под действием силы тяжести. А никакого ветра и не было, – всего лишь воздух, который чужой мир по ту сторону двери всасывал в себя вместе со всем, что было в зале. Ричард стал гадать, что находится там, за дверью. Звезда? Черная дыра? Или что-то вовсе невообразимое?

Ислингтон изо всех сил вцепился в одну из колонн.

– Это не рай! – закричал он. Его серые глаза сверкали, на губах выступила пена. – Ах ты, ведьма! Что ты наделала?!

Дверь ухватила свободной рукой за цепь, которой она была прикована к колонне, так, что побелели костяшки пальцев. Она торжествующе посмотрела на ангела. Мистер Вандемар вцепился в ножку стола, а мистер Круп – в мистера Вандемара.

– Это был не настоящий ключ! – радостно воскликнула Дверь, стараясь перекрыть рев ветра. – Я заказала себе копию у кузнеца на рынке.

– Но ты ведь открыла им эту дверь! – завопил ангел.

– Нет, – отозвалась девушка с опаловыми глазами. – Я открыла не эту дверь, а совсем другую. У меня не сразу получилось, но я все же смогла ее открыть.

Лицо ангела исказилось. В нем не было больше ни доброты, ни сострадания, – одна только ненависть, черная, холодная ненависть.

– Я убью тебя, – сказал он.

– Как вы убили всех моих родных? Нет, вряд ли вам удастся еще кого-нибудь убить.

Ислингтон все еще цеплялся побелевшими пальцами за колонну, но его тело висело в воздухе параллельно полу. Он уже наполовину скрылся в дверном проеме. Это выглядело и забавно и жутко одновременно.

– Закрой дверь! – попросил он. – Прошу тебя, закрой дверь! Я скажу тебе, где твоя сестра... Она еще жива...

Дверь вздрогнула.

В ту же секунду Ислингтона унесло в дверной проем. Маленькая, машущая руками фигурка мелькнула вдали и исчезла в вихре ослепительного оранжево-лилового света. Ветер усилился. Ричард отчаянно надеялся, что его кандалы и цепи выдержат. Он чувствовал, как его тоже засасывает в дверной проем. Оглянувшись, он увидел, как маркиз Карабас трепыхается на ветру, будто марионетка, которую вот-вот засосет в пылесос.

Стол, в ножку которого вцепился мистер Вандемар, полетел к двери и застрял в дверном проеме. Мистер Круп и его напарник были уже снаружи, но не собирались сдаваться. Мистер Круп ухватился за фалды пиджака мистера Вандемара, и теперь, глубоко вздохнув, начал медленно ползти по его спине. Стол закрипел. Мистер Круп посмотрел на Дверь и улыбнулся, как обожравшийся наркоты лис.

– Это я убил твоих родных. Я, а не он. И теперь я наконец-то доберусь и до тебя...

Тут пиджак не выдержал, и мистер Круп полетел в дверной проем, сжимая в руке клочок темной ткани. Мистер Вандемар посмотрел, как напарник летит в никуда, подхваченный оранжевым вихрем, и перевел взгляд на Дверь, но в его взгляде не было ни ненависти, ни жестокости. Пожав плечами, – насколько может пожать плечами человек, цепляющийся за ножку стола, он тихо сказал:

– Пока!

И разжал руки.

Его тут же засосало в дверной проем, и он полетел к мистеру Крупу, уменьшаясь с каждой секундой. Вот уже их крохотные фигурки слились в одну черную точку на фоне

бескрайнего моря оранжево-лилового света, а вскоре и эта точка исчезла. «Что ж, – подумал Ричард, – в конце концов, они ведь были напарниками».

Дышать становилось все труднее и труднее. У Ричарда начала кружиться голова. Стол с грохотом разлетелся в щепки, и они полетели в оранжево-лиловый мир. Внезапно у Ричарда расщелкнулись кандалы на правой руке. Он тут же ухватился свободной рукой за цепь, которая вела к кандалам на левой руке. «Как хорошо, что палец у меня сломан на той, которая все еще в кандалах», – подумал Ричард, изо всех сил сжимая правой рукой цепь. Левая рука горела огнем – не только из-за сломанного мизинца, но и из-за того, что кандалы врезались теперь в запястье с удвоенной силой. Ричард закричал от боли.

Он задыхался. Перед глазами повисла белая пелена. Он понимал, что еще немного – и кандалы не выдержат...

Внезапно каменная дверь захлопнулась, и грохот эхом разнесся по залу. Ричарда отбросило назад, он ударился спиной о колонну и рухнул на пол. В подземном зале воцарилась тишина, – тишина и крошечная тьма. Ричард закрыл глаза, но вокруг было и без того темно, поэтому он снова открыл их.

Через некоторое время маркиз сухо спросил:

– И куда же ты их отправила?

И Ричард услышал чей-то голос. Конечно же, это был голос Двери, но он казался таким чистым, тонким, детским, – так говорит ребенок, ложась в постель после долгого и трудного дня.

– Не знаю... Куда-то очень далеко... Я... я очень устала. И я...

– Дверь, сними с нас кандалы, – попросил маркиз.

«Как хорошо, что он это попросил», – подумал Ричард. Надо было как-то избавиться от этих дурацких оков, но сам он был не в состоянии произнести ни слова. Послышался тихий щелчок – это расщелкнулись кандалы, – потом звон цепей, ударившихся о стальную колонну. После этого кто-то зажег спичку, поднес ее к свече, и в темноте огромного каменного зала зажегся крошечный огонек. *Свечи горят, поленья трещат*, подумал Ричард и сам удивился, с чего ему вдруг вспомнилась эта фраза.

Дверь, шатаясь, подошла к маркизу, освещая себе путь свечой. Она протянула руку, дотронулась до оков, и они упали на пол. Маркиз Карабас потер затекшие запястья. Потом девушка подошла к Ричарду и дотронулась до его кандалов. Они тут же разомкнулись. Вздохнув, Дверь опустилась на пол рядом с Ричардом. Он обнял ее правой рукой за плечи и, прижав к себе, стал укачивать, как ребенка, напевая колыбельную без слов. Было холодно, очень холодно в этом пустом каменном зале. Но едва Ричард и Дверь закрыли глаза, как сон тут же окутал их своим теплым покрывалом.

Маркиз Карабас сидел и смотрел на спящих детей. Он страшно боялся заснуть, – ведь сон так похож на смерть, а маркизу совсем не хотелось снова испытать что-либо подобное. Однако в конце концов он сдался и закрыл глаза.

И все исчезло.

Глава XVIII

Леди Серпентина – вторая из семи сестер (старшую звали Олимпия) – шла по лабиринту к Даун-стрит, высоко вскинув голову. Ее белые сапоги шлепали по болотной жиже. Впервые за последние сто лет она оказалась так далеко от дома. Впереди шагала ее экономка с осиной талией, с головы до ног затянутая в черную кожу. Она несла фонарь. Следом за Серпентиной, на почтительном расстоянии, шли еще две служанки, тоже в черной коже.

Рваный кружевной шлейф белого платья волочился по грязи, но Серпентина не обращала на это ни малейшего внимания. Она заметила далеко впереди огромную черную тень, возле которой что-то блеснуло в свете фонаря.

– Она там!

Служанки бросились туда, куда указала хозяйка. Экономка подняла повыше фонарь, и в его теплом свете неясные тени обрели форму. Блестело длинное бронзовое копье. Изуродованное, окровавленное тело Охотницы, наполовину скрытое болотной жижей, лежало в огромной луже засохшей крови, придавленное тушей гигантского зверя, похожего на кабана. Глаза Охотницы были закрыты.

Серпентина вытянула тело из-под туши и встала перед ним на колени. Она провела пальцем по холодной щеке Охотницы, коснулась ее почерневших от спекшейся крови губ. Затем поднялась и приказала:

– Возьмите копье.

Одна служанка взвалила на плечи тело Охотницы, другая выдернула из туши Зверя копье. А потом все четверо пошли назад – тем же путем, каким пришли: печальная процессия глубоко под землей.

Фонарь выхватывал из темноты жестокое лицо Серпентины. Оно было совершенно бесстрастным..

Глава XIX

В первую секунду, на границе сна и яви, Ричард не мог понять, кто он. Это было восхитительное, необыкновенное чувство – чувство безграничной свободы. Словно он сам мог решить, кем быть. Словно он мог стать кем угодно: мужчиной или женщиной, крысой или птицей, чудовищем или богом. Но потом послышался шелест, и, окончательно проснувшись, он понял, что он – Ричард Мэхью, что бы это ни значило. Ричард Мэхью, который понятия не имеет, где находится.

Он чувствовал щекой накрахмаленную наволочку. Все тело болело, а в некоторых местах боль была особенно сильной (например, ужасно болел мизинец на левой руке).

Рядом кто-то был. Слышались дыхание и шорох, словно человек что-то делал, стараясь не шуметь. Ричард приподнял голову и обнаружил, что тело болит еще в нескольких местах, а боль гораздо сильнее, чем он думал. Где-то далеко-далеко, возможно, в другом конце здания, пел хор. Пение – низкое, мелодичное – доносилось едва слышно, и он знал: стоит открыть глаза, и музыка стихнет.

Ричард открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в крошечной, слабо освещенной комнатке. Рядом – спиной к Ричарду – стоял человек в черной сутане. С тихим шорохом он сметал пыль метелочкой из возмутительно ярких разноцветных перьев.

– Где я? – спросил Ричард.

Монах чуть не выронил метелочку. Он нервно обернулся, и Ричард увидел удивленное темно-коричневое лицо.

– Пить хотите? – спросил монах. Можно было подумать, что ему дали строгие наставления: если пациент проснется, надо спросить, не хочет ли он пить. И последние сорок минут он постоянно повторял про себя эту фразу.

– Я... – начал Ричард и вдруг понял, что и в самом деле страшно хочет пить. Он сел. – Да, хочу. Спасибо большое.

Монах взял старый медный кувшин, налил воды в жестяную кружку и передал ее Ричарду. Тот стал пить маленькими глотками, едва сдерживаясь, чтобы не осушить кружку залпом. Вода была кристально чистой, как алмазы, и холодной как лед.

Напившись, Ричард оглядел себя. Кто-то его раздел и облачил в длинную серую хламиду, похожую на монашескую рясу. Кто-то наложил шину на сломанный палец и перебинтовал. Он потрогал ухо. Оно было заклеено пластырем, а под ним прощупывался шов.

– Я у черных монахов, – догадался Ричард.

– Да, сэр.

– Как я сюда попал? Где мои друзья?

Нервно поежившись, монах молча махнул в сторону коридора. Ричард встал с кровати,

приподнял рясу. Она была надета на голое тело. На ногах и груди красовались огромные фиолетово-малиновые синяки, намазанные какой-то мазью, которая пахла сиропом от кашля и гренками с маслом. Правое колено было перебинтовано. «Интересно, куда они дели мою одежду?» – подумал Ричард. У кровати стояли сандалии. Он сунул в них ноги и вышел в коридор. Навстречу ему шел аббат, держа под руку брата Фулиджиноса. Глаза старика перламутрово блестели из-под темного капюшона.

– Вижу, ты проснулся, Ричард Мэхью, – проговорил аббат. – Как ты себя чувствуешь?

Ричард поморщился.

– Рука немного...

– Палец сломан. Мы оказали тебе первую помощь. Синяки и раны смазали мазью. Тебе нужен был покой, и мы его обеспечили.

– Где Дверь? Где маркиз? Как мы к вам попали?

– Я велел братьям принести вас сюда, – объяснил аббат и пошел вместе с братом Фулиджиносом по коридору. Ричард поспешил за ними.

– А тело Охотницы? Вы его забрали?

Аббат покачал головой.

– Мы его не нашли. Там была только туша Зверя.

– А... ясно... А моя одежда?..

Они вошли в келью, очень похожую на ту, в которой проснулся Ричард.

Дверь сидела на кровати и читала «Мэнсфилд-парк». Ричард усмехнулся, подумав, что монахи наверняка не подозревали, что у них есть эта книга. На Двери тоже была серая ряса, которая была ей так велика, что вид у девушки был забавный.

Услышав, что кто-то вошел, она подняла голову.

– Привет. Долго же ты спал, – сказала она. – Как себя чувствуешь?

– Нормально. А ты?

Дверь вымученно улыбнулась.

– Не очень, – призналась она.

Из коридора донесся грохот. Ричард выглянул и увидел маркиза Карабаса в обшарпанной инвалидной коляске, которую толкал перед собой огромный черный монах. Коляска скрипела и грохотала. Ричард подивился, как маркизу удастся даже в таких условиях сохранять вид романтического героя, для которого инвалидная коляска – просто новый модный способ передвижения.

Маркиз одарил их белозубой улыбкой.

– Добрый вечер, друзья мои!

– Итак, раз уж все в сборе, настало время поговорить, – объявил аббат.

Он отвел их в огромный зал с камином, в котором гудело и ревело пламя, и предложил сесть за стол. Сам он нащупал стул и тяжело на него опустился. Затем отослал из зала брата Фулиджиноса и брата Тенебра (того великана, что толкал инвалидную коляску).

– Итак, к делу, – сказал аббат. – Где Ислингтон?

Дверь пожала плечами.

– Я постаралась отправить его как можно дальше, за пределы пространства и времени.

– Ясно, – аббат кивнул. – Хорошо.

– Почему вы нас сразу не предупредили? – спросил Ричард.

– Это не входит в наши обязанности.

Ричард хмыкнул.

– И что теперь?

Аббат промолчал.

– А что теперь? – переспросила Дверь. – Ричард, что ты имеешь в виду?

– Ну, ты хотела отомстить за смерть близких. И отомстила. Отправила бог знает куда всех, кто был причастен к убийству. Больше тебе ничто не угрожает, так?

– Пока да, – серьезно проговорила Дверь.

– А ты? Ты получил, что хотел? – спросил Ричард маркиза.

Тот кивнул.

– Да. Я отплатил лорду Портико. И леди Дверь теперь передо мной в огромном долгу. Ричард поглядел на Дверь. Девушка кивнула.

– А как же я?

– Без тебя мы бы не справились, – сказала Дверь.

– Я не об этом! Как мне попасть домой?

Маркиз удивленно вскинул бровь.

– Она тебе не волшебник страны Оз! Ты не можешь вернуться. Теперь твой дом здесь.

– Ричард, я же тебе говорила.

– Но должен ведь быть какой-то способ! – Ричард стукнул кулаком по столу и тут же охнул от боли. Не стоит стучать кулаком по столу, когда у тебя сломан палец. Однако охнул он совсем тихо, потому что за последние дни ему приходилось терпеть и не такую боль.

– Где ключ? – спросил аббат.

Ричард покосился на Дверь.

Она покачала головой.

– У меня его нет. Я сунула его тебе в карман на прошлом рынке, когда ты принес карри.

Ричард открыл было рот, но тут же его закрыл. Снова открыл и пробормотал:

– То есть когда я сказал Крупую и Вандемару, что ключ у меня, и они могли обшарить карманы... он действительно был у меня?

Дверь кивнула.

Он вспомнил, как на Даун-стрит ему вдруг показалось, что в кармане что-то есть... Вспомнил, как она хлопнула его по заднице на корабле...

– Вот черт! – только и сказал он.

Аббат нащупал на столе колокольчик, поднял его морщинистой коричневой рукой и тряхнул. На звон тотчас пришел брат Фулиджинос.

– Принеси мне штаны Воина, – велел аббат.

Монах кивнул и вышел.

– Никакой я не воин! – возмутился Ричард.

Аббат улыбнулся.

– Ты убил Зверя, – с неожиданной грустью проговорил он. – Ты Воин.

Ричард скрестил руки на груди и, кипя от негодования, сказал:

– Так значит я не могу вернуться домой, но при этом должен радоваться, что мне дали какое-то никому не нужное звание, очень почетное у вас под землей! Это что, утешительный приз?

Маркиз смерил его холодным взглядом.

– Ты не можешь вернуться. Да, некоторым удастся жить на границе между Верхним и Нижним миром. Но разве это жизнь? Ты видел Илиастера и Лира. Ты же не хочешь стать таким, как они?

Дверь погладила Ричарда по руке.

– Мне очень жаль, – прошептала она. – Лучше подумай о том, сколько ты всего сделал. Ты достал нам ключ!

– И зачем это было нужно? Ты все равно заказала новый...

В зал вошел брат Фулиджинос с джинсами Ричарда – рваными, вонючими, покрытыми коркой грязи и каплями запекшейся крови. Монах передал их аббату, и тот принялся проверять карманы.

– Без оригинала Хэммерсмит не смог бы сделать копию, – с нежной улыбкой ответила Дверь.

Аббат кашлянул.

– Глупые же вы люди, – сказал он. – Ничего-то вы не знаете. – Он вытащил серебряный ключ, сверкнувший в свете камина. – Ричард прошел испытание. Ключ по праву принадлежит ему до тех пор, пока он не вернет его нам. И это не просто ключ...

– Ну да, ключ от двери в рай, – пробормотал Ричард. Он никак не мог понять, к чему клонит аббат.

– Этот ключ открывает дверь в любую реальность, – проговорил старик глубоким мелодичным голосом. – Если Ричард хочет вернуться в Верхний Лондон, ключ ему поможет.

– И все? – удивился Ричард. – Так просто? – Слепой старик кивнул. – И когда я могу туда вернуться?

– В любую минуту. Как только будешь готов.

* * *

Монахи выстирали и заштопали его одежду, и Ричард наконец снял с себя серую рясу. Брат Фулиджинос провел его по переходам аббатства, потом был головокружительный подъем по бесконечным узким лестницам, и вот наконец они оказались на колокольне. В потолке был тяжелый деревянный люк. Брат Фулиджинос отпер замок, вместе с Ричардом они навалились на крышку, открыли ее и выбрались в узкий туннель, весь затянутый паутиной. В стене Ричард увидел железные скобы. Они стали карабкаться по ним. Наконец, преодолев тысячу футов, оказались на станции метро. На стене висела старая табличка:

НАЙТИНГЕЙЛ-ЛЕЙН

Здесь брат Фулиджинос пожелал Ричарду всего хорошего и велел подождать.

– За вами придут, – сказал он и стал спускаться по скобам вниз. Вскоре он скрылся из виду.

Минут двадцать Ричард сидел на платформе. Он думал о том, что эта станция не похожа ни на действующую станцию, такую, как «Блэкфрайрз», ни на заброшенную – такую, как «Британский музей». Скорее, это была станция-призрак, вымышленная, несуществующая. Он вспомнил, что маркиз с ним не попрощался. Ричард спросил у Двери почему, и она сказала, что, может быть, маркиз не умеет прощаться, так же как не умеет утешать. А потом пробормотала, что ей попала в глаз соринка, торопливо вручила ему листок – на нем было написано, что нужно делать, – и ушла.

Вдруг в темноте мелькнуло что-то белое. Это был платок, привязанный к палке.

– Эй! – крикнул Ричард.

Вперед выступил старина Бейли в своем одеянии из перьев. Он размахивал платком Ричарда. Бейли нервничал, ему явно было не по себе. Пот ручейками стекал по лицу.

– Гляди, какой флажок! – прокричал он.

– Я рад, что он тебе пригодился.

Старина Бейли напряженно улыбнулся.

– Ага. Я вот о чем. У меня тут... в общем-то... у меня кое-что для тебя есть. Держи.

Он вытащил из кармана длинное черное перо, отливающее синим, зеленым и фиолетовым. К концу его была привязана красная ниточка.

– Э-э... спасибо, – пробормотал Ричард, плохо понимая, зачем ему перо.

– Это перо, – сообщил старина Бейли. – Хорошее перо. На память. Сувенир, так сказать. Совершенно бесплатно. Мой тебе подарок. В знак благодарности.

– Спасибо. Большое спасибо.

Ричард сунул перо в карман. Налетел теплый ветер – к станции приближался поезд.

– Ну вот и твой поезд, – сказал старина Бейли. – Сам я на поездах не езжу. По мне, так лучше крыш ничего нет.

Он пожал Ричарду руку и мгновенно исчез.

Поезд подъехал к станции. Фары у него не горели, и в кабине машиниста никого не было. Состав остановился. Двери не открылись, а в вагонах было темно. Ричард постучал наугад в ближайшие к нему двери. Они разъехались, теплый желтый свет залил несуществующую платформу. Два невысоких старика с медными рожками в руках вышли из

вагона. Ричард сразу узнал их – Дагворд и Холворд, солдаты графа из Эрлс-корт, – хотя и не смог вспомнить, кто из них кто. Старики поднесли рожки к губам и сыграли, немного сфальшивив, несколько тактов какой-то торжественной мелодии. Кажется, они пытались изобразить фанфары. Ричард вошел в вагон, и они последовали за ним.

Граф сидел в конце вагона и чесал за ухом ирландского волкодава. Рядом с ним стоял шут. Ричард вспомнил, что его зовут Тули. Больше в вагоне никого не было.

– Кто там? – спросил граф.

– Это он, сэр, – ответил шут, – Ричард Мэхью. Тот самый, который убил Зверя.

– Воин? – уточнил граф, задумчиво почесывая рыжую с проседью бороду. – Веди его сюда.

Ричард подошел к графу. Тот не спеша оглядел его с головы до ног, явно не узнавая.

– Я думал, ты повыше будешь, – сообщил граф.

– Простите.

– Ладно, начнем. – Старик встал и проговорил, обращаясь к невидимой публике. – Добрый вечер всем! Мы собрались здесь, чтобы почтить юного Мэйфилда. Как там говорится... – пробормотал он и вдруг продекламировал: – «Льется рекой из смертельных ран алая кровь врага. Поднял клинок, от победы пьян, смелый юнец...» Впрочем, он совсем не юнец. Как думаешь, Тули?

– Совсем не юнец, ваша светлость.

Граф протянул руку.

– Дай мне свой меч, юноша.

Ричард вытащил из-за пояса нож Охотницы.

– Сгодится?

– Сгодится, сгодится, – проворчал старик и взял нож.

– На колени, – прошептал Тули шепотом театрального суфлера.

Ричард опустился на одно колено. Граф легонько коснулся ножом сначала одного его плеча, потом другого.

– Встань, сэр Ричард Мэйбери! – проревел он. – Этим ножом я освобождаю тебя от Нижнего мира. Отныне ты волен идти куда хочешь, да ничто не воспрепятствует тебе в твоём пути, да будет дорога твоя... чего-то там... и так далее и тому подобное... бла-бла-бла... – закончил граф.

– Спасибо, – сказал Ричард. – Только не Мэйбери, а Мэхью.

Поезд остановился.

– Тебе выходить, – сообщил граф, вернул Ричарду нож – нож Охотницы, похлопал его по плечу и указал на двери.

* * *

Ричард вышел. Он был уже не в метро. Платформа, на которой он оказался, напомнила ему вокзал Сент-Панкрас с его псевдоготической архитектурой и нарочитой помпезностью. А еще было в этом месте что-то *такое*, что убедило Ричарда: он по-прежнему в Нижнем Лондоне. Может, дело было в странном освещении: серый полусвет, какой бывает незадолго до восхода солнца и в первые минуты после заката, в то смутное время, когда спускаются сумерки, мир теряет свои краски, и невозможно определить, что далеко, а что близко.

Человек сидел на деревянной скамейке и не отрываясь смотрел на него. Ричард настороженно приблизился. В этом странном освещении трудно было разобрать, кто это – кто-то знакомый или нет. Ричард по-прежнему держал нож Охотницы – его нож – и теперь крепче сжимал рукоять. Набравшись смелости, он подошел к человеку на скамейке. Тот тут же подскочил и дернул себя за челку. Ричард видел такое только в экранизациях классических произведений. Выглядел человек одновременно смешно и неприятно. Ричард узнал в нем предводителя крыситов.

Крысит сразу заговорил, торопливо и сбивчиво:

– Так-так, ну и ну... По поводу девчонки, Анестезии – мы не в обиде. Крысы по-прежнему считают тебя своим другом. И крыситы тоже. Заходи в гости. Обращайся.

– Спасибо.

Его ответ Анестезия, вспомнил он. *Ее не жалко*.

Предводитель крыситов наклонился и вытащил из-под скамейки черную спортивную сумку на молнии. Сумка показалась Ричарду очень знакомой.

– Там все на месте. Можешь проверить.

Ричард расстегнул молнию. Внутри были все его вещи. Он увидел даже свой бумажник, который лежал на аккуратно сложенных джинсах. Ричард застегнул сумку, повесил ее на плечо и пошел прочь, не поблагодарив крысита и ни разу не обернувшись.

Он вышел со станции, спустился по серым каменным ступеням.

Было тихо и пусто. Ветер носил по асфальту опавшие листья – желтые, бежевые, коричневые, – яркие пятнышки в сером свете. Ричард спустился в подземный переход. Что-то прошуршало в полумраке. Он настороженно обернулся. Их было двенадцать. Они медленно шли к нему, и в тишине слышался только шелест темного бархата и легкое позвякивание серебряных украшений. Но все эти звуки были едва различимы – даже шорох листьев казался слышнее. Двенадцать бледных женщин глядели на него голодными глазами.

Ему стало страшно. Он сжал нож, зная, что пустить его в ход для него так же невозможно, как перепрыгнуть через Темзу. Оставалось только надеяться, что они испугаются ножа. Он чувствовал удушающий аромат жимолости, ландыша и мускуса.

Ламия обошла своих подруг и приблизилась к Ричарду. Он нервно поднял нож, вспоминая ледяной холод ее поцелуя, его смертоносную сладость. Ламия чуть склонила голову и нежно улыбнулась Ричарду. А потом поднесла ладонь к губам и послала ему воздушный поцелуй.

Ричарда передернуло. Что-то затрепетало в темноте – и дети ночи исчезли, остались лишь тени.

* * *

Ричард прошел по переходу и выбрался на поверхность. Он оказался на вершине поросшего травой холма. Солнце медленно выползло из-за горизонта. В его неясном свете Ричард разглядывал расстилавшуюся перед ним зеленую равнину. Он видел дубы, ясени и буки с голыми ветвями, – различая их по форме, потому что листва облетела. По равнине вилась широкая чистая река. Он заметил, что стоит на острове: две речушки поменьше впадали в реку, огибая холм, на котором он стоял. И вдруг Ричард понял, хотя и не мог бы сказать, откуда пришло к нему это понимание, но он был совершенно уверен, что не ошибся: он по-прежнему в Лондоне, только за три тысячи лет до того, как на берегу Темзы лег первый камень первого человеческого жилища.

Он расстегнул молнию, убрал в сумку нож, – который лег рядом с бумажником, – и снова закрыл сумку. Небо постепенно светлело, но свет был каким-то необычным, словно солнце было моложе и чище. Оно поднималось на востоке – оранжево-алое – там, где потом будут доки, и Ричард смотрел, как косые лучи ложатся на леса и болота (для него это были Гринвич и Кент), и на море.

– Привет, – сказала Дверь.

Он не заметил, как она подошла. Девушка была все в той же потрепанной кожаной куртке, но под ней было надето что-то новое, впрочем, такое же изорванное, заштопанное, залатанное, из бархата и парчи, шелка и кружева. В лучах восходящего солнца ее рыжеватые волосы отливали медью.

– Привет, – сказал Ричард.

Ее тонкие пальчики легли на его правую руку, сжимавшую ручку сумки.

– Где мы? – спросил он.

– На великом и ужасном острове Вестминстер.

Он подумал, что это, должно быть, цитата, хотя сам он ничего подобного прежде не слышал.

Вместе они начали спускаться с холма, и белая изморось, покрывавшая длинную траву, таяла у них под ногами. Цепочка темно-зеленых следов вилась туда, откуда они пришли.

– Знаешь, – проговорила Дверь, – теперь, когда ангела нет, в Нижнем Лондоне многое можно изменить. А я совсем одна. Отец мечтал объединить Нижний Лондон... и, мне кажется, я должна закончить то, что он начал. – Рука об руку они шли на север, прочь от Темзы. В небе над ними кружили белые чайки. – Ричард, ты слышал, что Ислингтон где-то спрятал мою сестру. Значит, она жива... Ты спас мне жизнь. И не один раз... – Она запнулась, а потом выпалила на одном дыхании: – Ты был мне хорошим другом, Ричард. И я... мне было хорошо с тобой. Не уходи, пожалуйста.

Он нежно сжал ее ладонь.

– И мне было с тобой хорошо. Но это не мой мир. В моем Лондоне... самое страшное, что может приключиться – это если тебя собьет такси... Ты мне тоже нравишься. Очень нравишься. Но я должен вернуться домой.

Она подняла на него свои удивительные глаза, зелено-синие с огненными искорками.

– Значит, мы больше никогда не увидимся.

– Наверное, нет.

– Спасибо тебе за все, – серьезно проговорила она, а потом обхватила его руками и сжала так сильно, что ему стало больно (синяки еще не прошли). И он обнял ее так же крепко в ответ, не обращая внимания на боль.

– Что ж... Приятно было познакомиться, Ричард. – Она часто заморгала. «Неужели опять скажет, что соринка попала?» – подумал Ричард. Но ошибся. – Готов? – спросила Дверь.

Он кивнул.

– Ключ у тебя?

Он опустил на траву сумку и правой рукой вытащил ключ из заднего кармана джинсов. Отдал его Двери. Она вытянула руку с ключом перед собой, словно вставляя его в невидимую замочную скважину.

– Что ж... Тогда иди. И не оборачивайся.

И он стал спускаться с холма, прочь от синих вод Темзы. Над головой у него промчалась серая чайка. У подножия он обернулся. Дверь стояла на вершине в лучах восходящего солнца. Щеки ее блестели, и оранжевый свет играл на ключе.

Она решительно повернула ключ.

* * *

Он оказался в темноте, наполненной страшным ревом, похожим на рык тысячи разъяренных чудовищ.

Глава XX

Он оказался в темноте, наполненной страшным ревом, похожим на рык тысячи разъяренных чудовищ. Он замигал, вцепившись в свою сумку. Наверное, зря он убрал нож. Мимо прошли какие-то люди. Ричард испуганно отшатнулся от них. Впереди оказалась лестница, и он начал подниматься. Постепенно мир вокруг стал обретать знакомые очертания.

Рев неведомых чудовищ оказался всего лишь шумом моторов. Ричард вышел из подземного перехода прямо на Трафальгарскую площадь. Небо было сочно-голубым, как экран телевизора, когда канал завершает свою работу.

Было теплое октябрьское утро. Ричард стоял на площади, по-прежнему вцепившись в свою сумку и щурясь от яркого солнечного света. Мимо площади в разные стороны

проносились черные такси, красные автобусы и легковые машины самых разных марок и цветов. Туристы бросали пузатым голубям корм и радостно фотографировали колонну Нельсона и гигантских бронзовых львов. Ричард стал бесцельно бродить по площади, желая понять, замечают его или нет. Японские туристы не обратили на него ни малейшего внимания. Он попытался заговорить с какой-то блондинкой, но она лишь рассмеялась, покачала головой и сказала что-то на непонятном языке. Ричард принял его за итальянский, но на самом деле это был финский.

Тогда Ричард подошел к ребенку – то ли девочке, то ли мальчику, непонятно. Ребенок смотрел на голубей и сосредоточенно жевал шоколадный батончик. Ричард присел на корточки.

– Привет, малыш, – сказал он.

Ребенок продолжал жевать батончик, словно не замечая Ричарда.

– Привет, – повторил Ричард, и в его голосе проскользнула нотка отчаяния. – Ты меня видишь? Эй, малыш!

Ребенок повернул к нему измазанное шоколадом лицо и пристально посмотрел на Ричарда. А потом у него вдруг задрожала нижняя губа, он бросился к женщине, стоявшей неподалеку, и крепко обнял ее за ноги.

– Ма-ма! Ко мне дяденька пристаёт! Вот этот!

Мать, нахмурившись, посмотрела на Ричарда.

– Зачем вы пристаёте к нашему Лесли? Оставьте его в покое, иначе я позову полицию!

Ричард улыбнулся. Это была широкая и счастливая улыбка. Даже если бы его сейчас ударили по голове кирпичом, он все равно не перестал бы улыбаться.

– Прошу вас, простите меня, – извинился он, улыбаясь, как чеширский кот.

И подхватив свою сумку, радостно помчался по Трафальгарской площади, а испуганные голуби разлетались у него из-под ног.

* * *

Он вытащил из бумажника кредитку и сунул ее в щель. Автомат признал трехзначный пароль, посоветовал никому его не сообщать и спросил, что Ричарду нужно. Ричард попросил денег, и автомат тут же выдал запрошенную сумму. Ричард радостно взмахнул руками, но вдруг застеснялся, опустил одну руку и сделал вид, будто пытается поймать такси.

В ту же минуту перед ним остановилось такси – остановилось! – перед ним! Ричард забрался на заднее сиденье и снова расплылся в улыбке. Он попросил водителя довезти его до офиса. Водитель заметил, что быстрее было дойти пешком, но Ричард улыбнулся еще шире и сказал, что никуда не спешит. Когда машина тронулась, Ричард стал умолять водителя поговорить с ним, Ричардом, о политике, росте преступности и пробках на дорогах. Водитель послал его куда подальше, констатируя, что он «совсем спятил», и угрюмо молчал всю поездку, которая заняла пять минут. Но Ричарду было наплевать. Щедро расплатившись с таксистом, он направился к дверям офиса.

Войдя в здание, Ричард почувствовал, что улыбаться почему-то больше не хочется. Его охватило волнение. Он не знал, стоило ли сюда приезжать. Вдруг здесь по-прежнему о нем не помнят? Ну да, его увидели ребенок, измазанный шоколадом, и таксист, но ведь вполне возможно, что коллеги его не заметят. Что тогда?

Оторвавшись от «Шаловливых нимфеток», которые он прятал под свежим номером «Сан», охранник мистер Фиджис презрительно фыркнул.

– Доброе утро, мистер Мэхью, – пробормотал он.

Ясно было, что ему совершенно наплевать, жив тот, с кем он поздоровался, или нет, а также – действительно ли сейчас утро или уже вечер.

– Фиджис! – радостно воскликнул Ричард. – Доброе утро, мистер Фиджис! Вы отличный охранник!

Никто никогда еще не говорил такого мистеру Фиджису – даже обнаженные красотки в его фантазиях. Он подозрительно посмотрел на Ричарда, а когда тот зашел в лифт и двери закрылись, принялся снова разглядывать шаловливых нимфеток, смутно подозревая, что им всем уже наверняка за тридцать и они могут сколько угодно совать в рот леденец, – это не делает их моложе.

Выйдя из лифта, Ричард медленно пошел по коридору. *Все будет в порядке*, успокаивал он себя. *Только бы там остался мой стол. Если стол на месте – значит, все в порядке*. Наконец он вошел в большой кабинет, в котором проработал три года. Всюду сидели люди, разговаривали по телефону, рылись в ящиках стола, пили дрянной чай и совсем уж отвратительный кофе. Раньше Ричард был одним из них.

Его стол был вон там, у окна. Однако сейчас на этом месте стоял серый стеллаж и большая юбка. Ричарду захотелось повернуться и убежать отсюда, но тут кто-то вручил ему пластиковый стаканчик с чаем.

– А вот и наша звезда, – воскликнул Гарри. – Привет!

– Привет, Гарри, – отозвался Ричард. – А где мой стол?

– Идем, – сказал Гарри. – Ну что, как там, на Майорке?

– А при чем здесь Майорка?

– Ты же обычно на Майорке отдыхаешь. Или я напутал? – удивился Гарри.

Они поднимались по лестнице на четвертый этаж.

– Нет, на этот раз я был не на Майорке, – объяснил Ричард.

– Я так и думал, – отозвался Гарри. – Что-то ты совсем не загорел.

– Да, точно, – согласился Ричард. – Просто... Понимаешь, иногда хочется перемен.

Кивнув, Гарри указал на дверь, которая, насколько помнил Ричард, вела в архив.

– Перемен, говоришь? Ну что ж, вот тебе твои перемены! Поздравляю!

На двери красовалась новенькая табличка:

Р. О. МЭХЬЮ

МЛАДШИЙ ПАРТНЕР

– Везет же тебе, засранец! – радостно воскликнул Гарри и отправился к себе.

Удивленный Ричард вошел в комнату, в которой раньше был архив. Теперь здесь все выглядело по-другому: стеллажи с папками пропали, стены были выкрашены в серый, черный и белый, на полу лежал новый ковролин, а в центре стоял огромный письменный стол. Ричард оглядел его. Да, это был несомненно *его* стол, тролли лежали в одном из ящиков. Ричард тут же вынул их и расставил на столе. Теперь у него было собственное окно с чудесным видом на грязно-коричневую Темзу и ее южный берег. На подоконнике красовался большой цветок в гигантскими плотными листьями, – такие цветы сначала кажутся искусственными, и потом страшно удивляешься, что они живые. Его старый, пыльный монитор кремового цвета заменили на черный, гораздо более изящный, современного дизайна – он занимал на столе гораздо меньше места.

Ричард подошел к окну и, сделав пару глотков из стаканчика, посмотрел на коричневую реку.

– Я так понимаю, вас здесь все устраивает?

Ричард резко обернулся. В дверях стояла Сильвия – секретарь финансового директора, деловая и очень энергичная. Она улыбалась Ричарду.

– Что? А, да, конечно. Знаете, мне надо еще кое-что уладить дома... Ничего, если я сейчас уйду?

– Ну разумеется! Мы вообще ждали вас только завтра.

– Как это? – удивился Ричард.

Сильвия нахмурилась.

– А что у вас с пальцем?

– Сломал, – ответил он.

Она с сочувствием посмотрела на его руку.

– Надеюсь, не в драке?

– Я?

Она улыбнулась.

– Шучу. Наверное, просто дверью придавили. Моя сестра себе так палец сломала.

– Нет, – признался Ричард, – я *действительно* сломал его...

Сильвия удивленно приподняла брови.

– ...Дверью, – закончил он.

Ричард добрался до дома, в котором когда-то жил, на такси: он боялся, что не сможет заставить себя спуститься в метро. Надо немного подождать, пока он придет в себя. Ключа у него не было, поэтому он просто постучал в дверь своей квартиры и страшно огорчился, когда ему открыла какая-то женщина. Присмотревшись, Ричард узнал ее: это была та дама, которая чуть было не застала его в ванной. Он сказал, что когда-то жил здесь, и очень скоро понял, что: а) он, Ричард, здесь больше не живет; б) она, миссис Баханан, понятия не имеет, куда делись его вещи. Ричард записал телефон агентства и имена новых жильцов, попрощался и, поймав такси, отправился к вежливому типу в верблюжьем пальто.

Тип-в-верблюжьем-пальто был на этот раз без пальто. К тому же он оказался совсем не таким вежливым, как думал Ричард. Они сидели у него в офисе. Ричард объяснял, чем именно недоволен, а тип слушал его с таким выражением, будто проглотил огромного паука и теперь вдруг почувствовал, как тот шевелит лапками у него в животе.

– Что ж, – сказал он, просмотрев какие-то документы, – мы действительно допустили ошибку. Понятия не имею, как такое могло произойти.

– Сейчас уже неважно, как это произошло, – спокойно сказал Ричард. – Важно то, что пока я отсутствовал, вы сдали мою квартиру другим людям. – Он сверился с блокнотом. – Джорджу и Адели Баханан. И они не собираются съезжать.

Риэлтор отложил документы.

– Все время от времени совершают ошибки. Ничего не поделаешь, мы ведь не роботы. К сожалению, ничем не в состоянии вам помочь.

Раньше Ричард – тот, который жил в квартире, где сейчас поселились Бахананы, – извинился бы и ушел. Но теперь он сказал:

– Да что вы? Вы не в состоянии мне помочь? Вы сдали недвижимость, которую я официально снял через вашу контору, посторонним людям, выбросили мои вещи и теперь ничем не можете мне помочь? Знаете, я считаю – и мой адвокат наверняка со мной согласится, – что вы очень даже *в состоянии* мне помочь. И поможете.

Тип-без-верблюжьего-пальто выглядел так, будто проглоченный паук пополз вверх по его пищеводу.

– Понимаете, у нас сейчас нет свободных квартир, похожих на вашу, в этом доме... – пробормотал он. – Только пентхаус.

– Пентхаус, – холодно сказал Ричард, – вполне сойдет... – Тип облегченно вздохнул. – ...за ту же цену. А теперь давайте поговорим о компенсации за пропавшие вещи.

* * *

Эта квартира оказалась гораздо лучше прежней. В ней было много окон, балкон, просторная гостиная и большая спальня. Но Ричард прошелся по ней с недовольным видом. Тип-без-верблюжьего-пальто с большой неохотой согласился поставить в спальне кровать, а в гостиной – диван, несколько стульев и телевизор.

Ричард положил нож Охотницы на каминную полку.

Потом зашел в индийский ресторан напротив, купил себе карри, вернулся домой, сел на застеленный ковровым полом и принялся за еду. Неужели он и правда когда-то ел такое карри ночью на рынке, на палубе крейсера, что стоит возле Тауэрского моста? Теперь все это казалось похожим на сказку.

Внезапно кто-то позвонил в дверь. Ричард встал и открыл.

– Мы нашли почти все ваши вещи, – сообщил тип, который снова надел верблюжье пальто. – Оказалось, их почему-то отправили на склад. Давайте, ребята, заносите!

Двое мускулистых мужчин внесли в квартиру несколько больших деревянных ящиков с вещами Ричарда и поставили их на пол посреди гостиной.

– Спасибо, – поблагодарил Ричард.

Он открыл один из ящиков и извлек оттуда нечто, аккуратно завернутое в бумагу. Это оказалась фотография Джессики в рамке. Ричард посмотрел на нее и положил назад. В другом ящике он нашел свою одежду, вынул ее и отнес в спальню. В остальные ящики Ричард не стал даже заглядывать. Они так и остались стоять посреди комнаты. Он виновато смотрел на них каждый день, понимая, что надо бы их открыть. Но так и не смог себя заставить это сделать.

* * *

Как-то раз он сидел в своем кабинете и смотрел в окно. Из динамика послышался голос Сильвии:

– Ричард, через двадцать минут совещание у финансового директора по поводу отчета по Вендсворту.

– Хорошо, – отозвался он.

И, не зная чем заняться в эти ближайшие двадцать минут, схватил оранжевого тролля и сделал вид, что тот нападает на тролля поменьше, с зелеными волосами.

– Я – величайший воин Нижнего Лондона! Сейчас ты умрешь! – грозно сказал Ричард и помахал оранжевым троллем.

Потом схватил того, что с зелеными волосами, и пролепетал тоненьким голоском:

– Ладно! Но сначала выпей чайку...

Вдруг кто-то постучал в дверь. Смутившись, Ричард быстро поставил троллей на стол и сказал:

– Войдите.

Дверь открылась. На пороге стояла Джессика. Она казалась очень взволнованной. Ричард совсем забыл, какая она красивая.

– Привет, Ричард, – поздоровалась она.

– Привет, Джесс, – отозвался Ричард и тут же исправился: – Ой, прости, – Джессика.

Она улыбнулась и тряхнула головой.

– Ничего, Джесс вполне пойдет, – сказала она так, будто ее действительно это не разозлило. – Джессика – Джесс. Меня уже сто лет никто не называл Джесс. Мне даже нравится.

– Что привело тебя, в смысле – это большая честь для меня, в общем, зачем ты, эээ...

– Просто захотела тебя увидеть.

Ричард не знал, что на это сказать.

– Отлично, – в конце концов выдавил он.

Джессика закрыла дверь и шагнула вперед.

– Знаешь, Ричард, все так странно. Я прекрасно помню, как разорвала нашу помолвку, но совершенно забыла, из-за чего мы поругались.

– Правда?

– Впрочем, это ведь неважно, да? – Она огляделась. – Тебя повесили?

– Да.

– Я рада за тебя.

Она сунула руку в карман пальто, вытащила оттуда маленькую коричневую коробочку и положила ее Ричарду на стол. Ричард открыл ее, хотя и так знал, что внутри.

– Это кольцо ты подарил мне в честь помолвки, – сказала Джессика. – Я решила вернуть его тебе. Может быть, потом, если у нас все сладится, ты мне снова его подаришь.

Кольцо блеснуло на солнце. Оно было страшно дорогое – Ричард в жизни не покупал ничего дороже этого кольца. Он закрыл крышку и протянул коробочку Джессике.

– Оставь его себе, – потом, помолчав немного, добавил: – Прости.

Джессика закусила губу.

– У тебя появилась другая?

Ричард задумался. Он вспомнил Ламию, Охотницу, Анестезию, Дверь. Нет, ни одна из них не была для него той «другой», о которой говорила Джессика.

– Нет. У меня никого нет, – наконец ответил он, потом подумал еще немного и вдруг понял, в чем дело: – Просто я изменился.

Из динамика снова послышался голос Сильвии:

– Ричард, мы вас ждем.

Ричард нажал на кнопку:

– Сейчас приду, Сильвия.

И посмотрел на Джессику. Она промолчала. Наверное, просто не знала, что сказать. Постояв еще немного, она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Ричард взял нужные документы и провел рукой по лицу, словно пытаясь что-то стереть – печаль, слезы или, может быть, воспоминания о Джессике.

* * *

Ричард снова стал ездить с работы и на работу на метро, однако по дороге больше не читал газет. Вместо этого он внимательно разглядывал людей в вагоне – людей всех классов и рас, – всматривался в их лица, пытаясь понять, все ли эти люди из Верхнего Лондона и о чем они сейчас думают.

Как-то вечером, в час пик – через два дня после разговора с Джессикой, – он вдруг увидел в дальнем конце вагона Ламию. Она стояла к нему спиной, девушка с иссиня-черными волосами и в длинном черном платье. Сердце бешено заколотилось в груди. Распихивая стоявших на его пути пассажиров, Ричард стал пробираться через весь вагон к этой девушке. Он почти добрался до нее, но тут состав подъехал к станции, двери с шипением открылись, и девушка вышла. Правда, Ричард успел заметить, что это не Ламия, а обычная готесса, решившая поразвлечься где-нибудь на ночь глядя. Он почему-то искренне расстроился.

* * *

Однажды в субботу он увидел во дворе своего дома крупную коричневую крысу. Она сидела на пластмассовом мусорном баке и умывалась с таким видом, будто весь мир принадлежал ей. Когда Ричард подошел ближе, она спрыгнула на асфальт и затаилась в тени бака, настороженно поглядывая на него черными глазками-бусинками.

Ричард опустился на корточки.

– Привет, – прошептал он. – Мы случайно не знакомы? – Крыса не ответила, но и не убежала. – Меня зовут Ричард Мэхью, – тихо продолжал он, – я вообще-то не крысит, но я знал когда-то несколько крыс. И вот я подумал, ты случайно не знаешь леди Дверь?..

Он услышал шаги и обернулся. За ним стояли Бахананы и с любопытством смотрели на него.

– Вы там... что-то потеряли? – спросила миссис Баханан.

– Мозги он там потерял, – пробормотал ее муж, но Ричард сделал вид, будто не слышал.

– Нет, – честно ответил Ричард. – Я просто разговаривал с...

Крыса помчалась прочь.

– Это что, была крыса?! – рявкнул Джордж Баханан. – Я буду жаловаться! Это безобразие. Надо же, и это Лондон!

– Точно, – согласился Ричард. – Лондон такой.

* * *

Посреди комнаты по-прежнему стояли ящики с его вещами.

До сих пор он еще ни разу не включал телевизор. Возвращался домой, ел, а потом становился у окна и глядел на Лондон – на машины, крыши, огни рекламы. Опускались ранние осенние сумерки, в домах зажигали свет. Он стоял в темноте, пока не гасли почти все окна. А потом неохотно раздевался, ложился в постель и засыпал.

* * *

Как-то в пятницу, когда он вскрывал конверты своим ножом – ножом Охотницы, к нему в кабинет вошла Сильвия.

– Ричард! Я тут подумала... ты, наверное, в последнее время никуда не ходишь? – Он покачал головой. – Мы сегодня хотели собраться. Хочешь с нами?

– Э-э... да. С радостью.

Никакой радости он по этому поводу не испытывал.

Их было восемь человек: Сильвия со своим приятелем, который занимался раритетными автомобилями, Гарри из отдела корпоративных финансов, недавно расставшийся со своей девушкой... Гарри уверял, что расстались они из-за сущего пустяка: ему и в голову не приходило, что она поднимет такой скандал из-за того, что он спит с ее лучшей подругой. Были еще какие-то хорошие люди и друзья этих хороших людей, а также девушка из техподдержки, недавно пришедшая в компанию.

Сначала они посмотрели фильм на огромном экране в кинотеатре «Одеон» на Лестер-сквер. В фильме непрерывно что-то летало, взрывалось, но главный герой в конце победил. Сильвия усадила Ричарда рядом с девушкой из техподдержки, шепнув, что новенькой нужно поближе познакомиться с коллегами.

Потом они прошлись по Олд-Комптон-стрит на окраине Сохо, где подлинный шик и вульгарная безвкусица соседствуют к взаимной выгоде. Поужинали в «Ла Риш», ели кускус и еще какие-то крошечные экзотические закуски, блюдечками с которыми был уставлен весь их стол и даже часть свободного соседнего. Потом они отправились в небольшой паб на Бервик-стрит – Сильвия уверяла, что хороший. Там они пили и болтали.

Девушка из техподдержки улыбалась Ричарду, а он никак не мог придумать, о чем с ней говорить. Один раз он купил на всех пиво, и девушка из техподдержки помогла ему донести стаканы до стола. Когда Гарри вышел в туалет, девушка пересела на его место – поближе к Ричарду. Голова у него гудела от звона стаканов, лязга музыкального автомата, резкого запаха пива, разлитого рома и сигаретного дыма. Он пытался сосредоточиться на том, о чем говорили за столом, но не мог. И что самое печальное, обнаружил, что ему совершенно не интересны их разговоры.

И вдруг вся дальнейшая жизнь ясно предстала у него перед глазами, так же ясно, как если бы он увидел ее на огромном экране «Одеона». Сегодня он приведет к себе девушку из техподдержки, они займутся сексом – нежно и неторопливо, и все утро проведут в постели, ведь завтра суббота. К обеду они встанут, вместе распакут ящики и расставят по местам его вещи. Через год – а может, и раньше – он на ней женится. Получит еще одно повышение. У них будут двое детей, мальчик и девочка. Они переедут в пригород, в Хэрроу, Кройдон или Хэмпстед, а может, и подальше – скажем, в Рединг.

Он знал, что это будет совсем не плохая жизнь. И все же... иногда просто нет выбора.

Гарри вернулся из туалета и с удивлением оглядел компанию. Все на месте, кроме...

– Где Дик? Кто-нибудь видел Ричарда?

Девушка из техподдержки пожала плечами.

* * *

Гарри выскочил из бара на Бервик-стрит. Морозный ночной воздух ударил в лицо, словно его окатили ледяной водой. Чувствовалось, что скоро зима.

– Дик! – закричал он. – Ричард!

– Я тут. – Ричард стоял, прислонясь к стене. – Вышел подышать.

– Ты в порядке?

– Да. То есть нет... не знаю.

– Ага, то ли да, то ли нет. Да уж, третьего не дано. Может, расскажешь, в чем дело?

Ричард поднял на него серьезный взгляд.

– Ты будешь надо мной смеяться.

– Ну разумеется!

Гарри поглядел на Ричарда и с облегчением отметил, что тот улыбается. Значит, они по-прежнему друзья. Гарри покосился на дверь паба, сунул руки в карманы пальто.

– Пошли. Давай пройдемся. Расскажешь, что тебя мучает. *А потом* я над тобой посмеюсь.

– Сволочь, – буркнул Ричард и впервые за последние недели стал похож на самого себя.

– Всегда пожалуйста. Для чего же еще нужны друзья?

Они неторопливо пошли по освещенной фонарями улице.

– Слушай, Гарри, – начал Ричард, – тебе никогда не казалось, что должно быть что-то еще?

– В смысле?

– Неужели ничего нет, кроме вот этого? – Он обвел рукой пустую улицу. – Работа. Дом. Паб. Девушки. Город. Жизнь. Неужели это все?

– Ну, вроде того.

Ричард вздохнул.

– Дело в том, что я не был на Майорке. То есть я *вообще* никуда не уезжал.

* * *

Ричард все говорил и говорил. Пока они бродили по узким извилистым переулкам между Риджент-стрит и Черинг-кросс-роуд, он рассказал о том, как нашел на улице истекающую кровью девушку и решил ей помочь (не мог же он ее бросить!), и о том, что из этого вышло. А когда окончательно замерзли, они зашли в грязную забегаловку – самую настоящую забегаловку, где все жарят на свином сале, а чай подают крепкий, в огромных белых кружках с выщербленными краями, блестящими от свиного жира. Ричард говорил, а Гарри слушал. Они заказали яичницу с фасолью и тосты. А он все говорил и говорил, пока они ели, и потом – когда макали в тарелки последние кусочки тостов и пили чай. Наконец Ричард добрался до конца рассказа:

– ...Дверь повернула ключ, и я снова оказался здесь, в Верхнем Лондоне. То есть в настоящем Лондоне. А... дальше ты знаешь.

Гарри молчал.

– Это все, – сказал Ричард и допил чай.

Гарри задумчиво почесал в затылке.

– Слушай, – проговорил он наконец, – это что, правда? Не прикол? Или сейчас из-за стойки выскочат оператор и ведущий с криком «Улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой!»?

– Надеюсь, что нет. Ты... ты мне веришь?

Гарри посмотрел на счет, отсчитал деньги и положил их на пластиковый стол рядом с пластмассовой банкой кетчупа в виде огромного помидора, на крышке которой были черные засохшие капли кетчупа.

– Я думаю, с тобой действительно что-то произошло... Но не важно, что думаю я. Главное, ты сам-то в это веришь?

Ричард пристально на него посмотрел. Под глазами у него были темные круги.

– Не знаю. Теперь уже не знаю. Раньше верил. То есть я же там был. Кстати, ты тоже там появлялся.

– Ты про это не рассказывал.

– Это не самая приятная часть истории. Ты сказал мне, что я сошел с ума, что у меня галлюцинации и я брожу один по Лондону.

Они вышли из кафе и направились на юг, в сторону Пикадилли.

– Ну, это гораздо больше похоже на правду. А твой особенный Нижний Лондон, где живут те, кто выпал из жизни... это, знаешь... Ричард, я видел тех, кто выпал из жизни. Они не попадают ни в какой волшебный мир. Они спят в коробках, а зимой замерзают насмерть.

Ричард молчал.

– Думаю, тебя двинули по башке. Или ты сам двинулся, когда Джессика тебя бросила. Некоторое время ты был в шоке, а потом тебе стало лучше.

Ричарда передернуло.

– Может быть, ты прав. И это меня пугает.

– Да почему? Жизнь слишком скучная? Отлично. Меня это устраивает. По крайней мере, я только что нормально поел и скоро пойду домой – спать. А в понедельник отправлюсь на работу. Ясно?

Он посмотрел на Ричарда.

Тот медленно кивнул.

– Ага.

Гарри глянул на часы.

– Вот черт! Начало третьего. Надеюсь, удастся поймать такси.

Они шли по Бруер-стрит, искрящейся огнями ночных клубов и стриптиз-баров. Гарри рассуждал о такси. Это было не оригинально и не интересно. Каждый лондонец считает своим долгом ворчать по поводу такси.

– ...У него горела табличка, – говорил Гарри, – я ему сказал, куда, а он заявил, что едет домой! Черт, где вообще дома у таксистов? Почему ни один не живет в моем районе? Просто надо сначала забираться в машину, а потом уже говорить, что живешь к югу от Темзы. Нет, ну честное слово, можно подумать, Баттерси – это в Катманду!

Дальше Ричард не стал слушать. На Уиндмилл-стрит он перешел на другую сторону и заглянул в витрину магазинчика, где продавались старые журналы. Он глядел на вырезанные из картона фигуры забытых кинозвезд, на старые плакаты, комиксы, журналы. Он словно заглянул в мир фантазии и приключений. Ненастоящий мир. «Ненастоящий», – повторил он сам себе.

– Как думаешь? – спросил Гарри.

Ричард вернулся в реальность.

– Ты о чем?

Гарри понял, что Ричард не слышал ни слова из того, что он говорил.

– Раз такси поймать не удастся, может, дойти до автобусной остановки? Вдруг автобусы еще ходят?

– А, да. Давай.

Гарри поморщился.

– Ты какой-то странный.

– Прости.

Они прошли по Уиндмилл-стрит в сторону Пикадилли. Ричард засунул руки в карманы – и растерялся. А потом вытащил смятое воронье перо с красной ниточкой.

– Это еще что? – удивился Гарри.

– Это... это просто перо. Ты прав. Все это чушь.

Он бросил перо в водосток у края тротуара и, не оборачиваясь, пошел дальше.

Гарри явно о чем-то раздумывал. Наконец он заговорил – медленно, тщательно подбирая слова.

– Ты не думал показаться специалисту?

– Специалисту? Гарри, я не псих.

– Ты уверен?

К ним ехало такси с желтым огоньком.

– Нет, – сознался Ричард. – А вот и такси. Поезжай. Я другое поймаю.

– Спасибо.

Гарри тормознул такси и забрался в машину, прежде чем сообщить водителю, что ему нужно в Баттерси. Он открыл окно. Такси тронулось.

– Ричард, это реальность. Смирись. Ничего другого не существует. Давай, до понедельника.

Ричард помахал ему. Он стоял, пока такси не скрылось из виду, а потом повернулся и медленно пошел назад к Бруер-стрит, прочь от огней Пикадилли. Перо исчезло. Ричард остановился перед старухой, которая спала у дверей магазина. Она укрылась старым изорванным одеялом, а ее скудные пожитки – две картонные коробки и грязный белый зонт – были связаны веревочкой, конец которой старуха обмотала вокруг запястья, – простейшая защита от воров. На голове у бабки была шерстяная шапочка с помпоном непонятного цвета.

Ричард достал бумажник и вытащил оттуда десять фунтов. Нагнулся и вложил бумажку в руку старухи. Она резко проснулась и открыла глаза. Несколько секунд она изумленно разглядывала купюру подслеповатыми глазами.

– Это еще что? – сонно проворчала она, недовольная тем, что ее разбудили.

– Это вам.

Старуха развернула банкноту и запихнула ее в рукав.

– Чего тебе? – подозрительно спросила она.

– Ничего. Мне ничего не надо. Вообще ничего, – сказал Ричард и вдруг понял, что так оно и есть. Он действительно ничего не хочет – и это страшно. – С вами когда-нибудь бывало такое, чтобы вы получили все, что хотели, а потом оказалось, что на самом деле вы хотели совсем не того?

– Не-а, – ответила старуха и потерла глаза. – У меня никогда не было всего, что я хотела.

– Я думал, что мне все это нужно. Думал, что хочу нормальной жизни. Не знаю, может быть, я сошел с ума. Может быть. Но если нет ничего другого, тогда я не хочу быть нормальным. Понимаете? – Она покачала головой. Он сунул руку в карман. – Видите? – он показал ей нож. – Умирая, мне дала его Охотница.

– Пощади меня! Я ничего плохого тебе не сделала.

– Я стер с лезвия ее кровь, – продолжал Ричард, и в голосе его слышалась одержимость. – Охотник всегда заботится о своем оружии. Граф посвятил меня в рыцари и освободил от Нижнего мира.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Пожалуйста, убери нож. Вот так.

Ричард повертел в руке нож, а потом подошел к стене рядом с дверью, у которой спала старуха, и провел по кирпичу три длинные линии – одну горизонтальную и две вертикальные.

– Ты что делаешь? – испуганно спросила старуха.

– Дверь.

Старуха фыркнула.

– Ты бы лучше спрятал нож. А то арестуют – все-таки холодное оружие.

Ричард поглядел на дверь, которую только что нарисовал. Убрал нож в карман и принялся молотить кулаками по стене.

– Эй! Вы меня слышите? Есть здесь кто-нибудь? Дверь! Кто-нибудь!

Ему было больно, но он все равно продолжал колотить по кирпичной кладке.

А потом вдруг успокоился.

– Простите, – сказал он старухе.

Она не ответила – то ли опять заснула, то ли притворилась, что более вероятно. Ричард уселся на тротуар думая о том, как же он мог так испортить себе жизнь. Обернувшись, он поглядел на стену, на которой нарисовал дверь.

В стене темнел проем. А в нем, театрально скрестив руки на груди, стоял человек. Он не двигался до тех пор, пока не убедился, что Ричард его видит. А потом широко зевнул, прикрыв рот темной рукой.

– Ну? – нетерпеливо спросил маркиз Карабас, вскинув бровь. – Идешь или нет?

Ричард мгновение глядел на него, а потом кивнул, не решаясь заговорить, и поднялся с тротуара.

И они ушли в проем, за которым была темнота, вместе, не оставив ничего в этом мире.

Даже двери.

Благодарности

Я хочу поблагодарить всех, кто читал эту книгу, все ее многочисленные версии, за тот вклад, который они внесли, за их ценные предложения и советы, в особенности Стива Берста, Марту Соукап, Дейва Лэнгфорда, Джин Вулф, Синди Уолл, Эмми Хорстинг, Лорейн Гарланд и Келли Бикмен.

Отдельное спасибо за помощь Дугу Янгу и Шиле Эйблмен из «BBC Books», и Дженнифер Херши и Лу Ароника из «Avon Books». Кроме того, я хотел бы поблагодарить всех, кто приходил мне на помощь, когда роман начинал распадаться на первичные элементы.

Спасибо «Norton Utilities».

И наконец, спасибо Питу Аткинсу за работу над последней версией этой книги.

Нил Гейман